

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 24. № 4

2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

Лингвистические механизмы вежливости

Linguistic Mechanisms of Politeness

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 24. No. 4

2025

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
2025
Том 24. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL
OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS
2025
Volume 24. No. 4

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2025. Vol. 24. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

Linguistic Mechanisms of Politeness

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikhaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval,*

I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on July 7, 2025.

Date of publication: Nov. 27, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 16.1. Published pages 17.3.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 80. «C» 27.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025. Т. 24. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

Лингвистические механизмы вежливости

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)

д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)

канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);

д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);

д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);

д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк);

д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);

д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);

д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);

д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);

д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);

PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*

И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 07.07 2025 г.

Дата выхода в свет: 27.11 2025 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,1.

Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).

Заказ 80. «С» 27.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. версия сайта журнала:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

<i>Ларина Т.В.</i> Дискурсивный подход к исследованию вежливости: расширение парадигмы	5
<i>Леонтович О.А.</i> Семантизация вежливости в русском языке: метакоммуникативный аспект	17
<i>Герасимова А.С., Иссерс О.С.</i> Коммуникативная стратегия и тактики оценивания в аспекте категории вежливости (на материале русского и британского состязательных телешоу)	30
<i>Гриценко Е.С., Каму О.М.Т.</i> Прагматика конвенционализации: лексические связки как инструмент анализа (не)вежливости [На англ. яз.]	41
<i>Брагина Н.Г.</i> Масскультурная ирония: русские иронические речевые клише отказа / возражения в аспекте категории вежливости	53
<i>Иванова С.В.</i> «Простите, но я все же скажу»: критика в тисках вежливости в жанре театрального интернет-отзыва [На англ. яз.]	66
<i>Фуфаева И.В.</i> Речевые акты с вежливыми диминутивами: жанровые и дискурсивные особенности	78
<i>Кустова Г.И.</i> Некооперативное речевое поведение, или «этикет антивежливости»	91
<i>Веселовская Т.С., Купцова А.В.</i> Стратегии вежливости в учебниках по русскому языку как иностранному	104

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Горбань О.А.</i> Грамматическое освоение иноязычных слов в русском языке первой половины XVIII в. (на материале документов учреждений юга России)	120
--	-----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

<i>Митягина В.А., Новикова Э.Ю.</i> Презентационный дискурс: прототипические характеристики текстов в лингвокультурном измерении	132
--	-----

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Волкова И.Д., Новожилова А.А.</i> Современный машинный перевод в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале текстов презентационного интернет-дискурса)	147
---	-----

ДИСКУССИИ

<i>Косова М.В.</i> Изучение документного текста: проблема метода [На англ. яз.]	159
---	-----

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

<i>Larina T.V.</i> Discursive Approach to Politeness: Expanding the Paradigm	5
<i>Leontovich O.A.</i> Semantization of Politeness in the Russian Language: A Meta-Communicative Aspect	17
<i>Gerasimova A.S., Issers O.S.</i> Communication Strategy of Assessment and Its Tactics in the Aspect of the Category of Politeness (Based on the Material of Russian and British Competitive TV-Shows)	30
<i>Gritsenko E.S., Kamou O.M.T.</i> Beyond Conventionalized Formulae: A Lexical Bundle Approach to Analyzing (Im)Politeness	41
<i>Bragina N.G.</i> Mass Culture Irony: Russian Refusal/Objection Ironic Speech Cliches with Regard to the Category of Politeness	53
<i>Ivanova S.V.</i> "Sorry, But I Have to Say": Criticism Trapped by Politeness in the Genre of a Theatre Internet Review	66
<i>Fufaeva I.V.</i> Speech Acts with Polite Diminutives: Genre and Discursive Features	78
<i>Kustova G.I.</i> Non-Cooperative Speech Behaviour, or "Anti-Politeness Etiquette"	91
<i>Veselovskaya T.S., Kuptsova A.V.</i> Politeness Strategies in Textbooks on Russian as a Foreign Language	104

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

<i>Gorban O.A.</i> Grammatical Assimilation of Foreign Words in Russian in the First Half of the 18 th Century (Based on Documents from Institutions in South of Russia)	120
--	-----

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

<i>Mityagina V.A., Novikova E.Yu.</i> Presentational Discourse: Prototypical Characteristics of Texts in the Linguacultural Dimension	132
---	-----

MATERIALS AND REPORTS

<i>Volkova I.D., Novozhilova A.A.</i> Modern Machine Translation in the Communicative and Pragmatic Dimension: A Study of Presentational Internet Discourse	147
---	-----

DISCUSSIONS

<i>Kosova M.V.</i> On Methodology in Document Text Studies	159
--	-----

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.1>

UDC 81'42:159.942

LBC 81.055.1

Submitted: 22.03.2025

Accepted: 05.06.2025

DISCURSIVE APPROACH TO POLITENESS: EXPANDING THE PARADIGM

Tatiana V. Larina

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. Over the past few decades, the study of politeness has emerged as a separate field of interdisciplinary research that focuses on the analysis of language use at the intersection of pragmatics, discourse analysis, sociolinguistics, cognitive linguistics, intercultural communication, and other related fields. Although politeness is considered to be universal in nature, its manifestation depends on cultural context. Regular use of politeness strategies to achieve specific communicative goals forms dominant features of ethno-cultural communication styles which allow us to identify and systematize communicative patterns of different cultural groups, as well as trace the logic behind their communication. The study of politeness is a dynamically developing field which continues to evolve and attract significant interest from scholars. It has undergone several stages, each characterized by different approaches and perspectives. This article aims to briefly characterize the main ones and identify the benefits of a discursive approach to politeness. This approach has significantly expanded the research framework, showing that politeness and impoliteness are not absolute categories, but rather relative and culture-specific. Politeness and impoliteness are not determined by formal features but are instead evaluated by the addressee in a given context. They are related to both social and psychological aspects of communication, and the close relationship between emotions and politeness has led to the concept of “emotive politeness,” which focuses on the addressee’s feelings and provides emotional support. A discursive approach to politeness contributes to a better understanding of human communication and its variations in different social and cultural settings.

Key words: politeness, impoliteness, discursive approach, formality, informality, emotional communication, emotive communication, emotive politeness.

Citation. Larina T. V. Discursive Approach to Politeness: Expanding the Paradigm. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 5-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.1>

УДК 81'42:159.942

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 22.03.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЕЖЛИВОСТИ: РАСШИРЕНИЕ ПАРАДИГМЫ

Татьяна Викторовна Ларина

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена категории вежливости, ставшей за последние несколько десятилетий самостоятельной областью междисциплинарных исследований, нацеленных на изучение функционирования языка, которые проводятся на стыке лингвопрагматики, дискурс-анализа, социолингвистики, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации и других смежных областей. Будучи универсальной по сути, вежливость этнокультурна с точки зрения ее реализации. Регулярное использование конвенциональ-

ных стратегий вежливости при выражении тех или иных коммуникативных намерений приводит к формированию доминантных черт этнокультурных стилей коммуникации, что позволяет систематизировать особенности коммуникативного поведения представителей различных культур и проследить его логику. Исследование вежливости является стабильно развивающимся направлением, в котором можно выделить несколько этапов, связанных с различными подходами. В данной статье кратко охарактеризованы основные из них и обозначены преимущества дискурсивного подхода, который существенным образом расширил исследовательскую парадигму. Он показал, что вежливость, как и невежливость, – это категории не абсолютные, а относительные, не только универсальные, но и культурно-специфичные; они не выводятся по формальному признаку, а определяются адресатом в конкретном ситуативном и социокультурном контексте и связаны как с социальными, так и психологическими аспектами коммуникации. Тесная взаимосвязь эмоций и вежливости позволяет говорить об «эмотивной вежливости», ориентированной на чувства адресата и оказание ему эмоциональной поддержки. Дискурсивный подход к изучению вежливости способствует более глубокому пониманию процесса коммуникации и ее вариативности в различных социокультурных контекстах.

Ключевые слова: вежливость, невежливость, дискурсивный подход, формальность, неформальность, эмоциональная коммуникация, эмотивная коммуникация, эмотивная вежливость.

Цитирование. Ларина Т. В. Дискурсивный подход к исследованию вежливости: расширение парадигмы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.1>

Введение

Вежливость, которая долгое время рассматривалась как составляющая речевого этикета и культуры речи, за последние несколько десятилетий стала самостоятельной областью междисциплинарных исследований, нацеленных на изучение функционирования языка в различных контекстах и жанрах. Они проводятся на стыке лингвопрагматики, дискурс-анализа, социолингвистики, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации и других смежных областей.

Интерес к данной категории не случаен, так как вежливость по праву считается регулятором коммуникативного поведения [Ларина, 2009], ключевым средством установления и поддержания межличностных отношений [Kádár, Haugh, 2013]. Она представляет собой сложную систему коммуникативных стратегий и тактик, нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание [Ларина, 2009, с. 167]. Вежливость пересекается с такими понятиями, как такт и политкорректность (см., например: [Иссерс, 2023; Леонтович, 2023; Leontovich, Nikitina, 2024], и включает все те компоненты коммуникации, которые способствуют гармоничному общению.

Будучи универсальной по сути, категория вежливости является этнокультурной с точки зрения ее выражения (см.: [Eslami, Larina, Pashmforoosh, 2023; Kádár, Haugh, 2013; Locher, Larina, 2019; Mugford, 2020; Sifianou,

1992; Watts, 2003; и др.]). Знание стратегий вежливости, характерных для различных социокультурных контекстов, способствует пониманию и построению гармоничного общения в межкультурной коммуникации. Более того, регулярное использование однотипных стратегий вежливости при реализации тех или иных коммуникативных намерений приводит к формированию доминантных черт этнокультурных стилей коммуникации, что позволяет систематизировать особенности коммуникативного поведения представителей различных культур и проследить его логику [Ларина, 2009; Larina, 2015; и др.].

Исследование вежливости, начало которому заложили работы П. Грайса [Grice, 1975], Р. Лакоффа [Lakoff, 1973] и Дж. Лича [Leech, 1983], является активно развивающимся направлением, интерес к которому только растет. В нем можно выделить несколько этапов, связанных с различными подходами. В данной статье предпринята попытка кратко охарактеризовать основные из них и обозначить преимущества дискурсивного подхода [Locher, Watts, 2005; Mills, 2003; и др.], который существенным образом расширил исследовательскую парадигму. Он показал, что вежливость, как и невежливость, – категории не абсолютные, а относительные, они не выводятся по формальному признаку, а определяются адресатом в конкретном ситуативном и социокультурном контексте, и связаны как с со-

циальными, так и эмоциональными аспектами коммуникации.

В этой связи рассмотрены прагматические аспекты вежливости, ее соотношение с формальностью, неформальностью и грубостью, отдельное внимание уделено эмотивной вежливости.

Основные подходы к исследованию вежливости

Различные подходы к изучению вежливости свидетельствуют о неослабевающем интересе к данной категории и динамичном расширении ее исследовательской парадигмы. Помимо этикета, предписывающего определенные правила и нормы поведения, вежливость рассматривалась также как речевые максимы, представляющие собой модели эффективного поведения [Grice, 1975; Lakoff, 1973 и др.; Leech, 1983]. Используя один и тот же термин – «максима» (maxim) – ученые вкладывали в него разное значение. Максимы Грайса, составляющие принцип кооперации, касаются в основном того, как следует передавать информацию в повседневной коммуникации. Максимы / правила, предложенные Р. Лакофф и Дж. Личем, в большей степени сосредоточены на межличностных отношениях. Более того, Дж. Лич отмечал, что сформулированные им максимы не являются в одинаковой степени релевантными в разных культурах [Leech, 1983].

В своих последних работах Дж. Лич отказался от термина «максима», считая, что он подразумевает / содержит некий моральный императив, а не прагматическое ограничение [Leech, 2014]. Вместо этого он объединил все выделенные им ранее максимы (такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии) в общую стратегию вежливости (*General Strategy of Politeness*), состоящую из пяти соотносимых с максимами бинарных ограничений. В обобщенном виде она ориентирована на собеседника и сводится к следующему: чтобы быть вежливым, надо завышать значимость интересов адресата (его желаний, качеств, мнений, чувств) и занижать собственные интересы. Дж. Лич называл данную стратегию «супермаксимой», которая является всеобъемлющей основой

для исследования языковой вежливости в коммуникации, и предлагал параметры для изучения и объяснения ее вариативности [Leech, Larina, 2014, p. 9].

Среди подходов, имевших наибольшее число последователей, выделяется теория, основанная на рассмотрении вежливости как сохранении лица, представленная в монографической работе П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson, 1987]. Под «лицом» понимается социальный имидж человека, который можно «потерять», «сохранить» или «улучшить» [Brown, Levinson, 1987, p. 69]. В бесконфликтной коммуникации собеседники стараются поддержать лицо как свое, так и других и совершают для этого определенные действия (facework), которые включают в том числе и вежливость [Watts, 2003, p. 130].

Авторы данной теории выделяют два типа лица, соотносимые с желаниями человека: *негативное лицо* (negative face) как желание / потребность быть независимым и свободным в действиях и *позитивное лицо* (positive face) как потребность быть желаемым [Brown, Levinson, 1987, p. 62]. Другими словами, негативное лицо ориентировано на автономию и дистанцирование, позитивное – на сближение. Действия, которые противостоят данным желаниям, именуются «угрожающими лицу актами» (Face Threatening Acts) [Brown, Levinson, 1987; Leech, 2014; Watts, 2003]. Соответственно, акты, которые покушаются на независимость адресата, оказывая на него воздействие (например, приказ, просьба, предупреждение), угрожают негативному лицу; действия, которые указывают (потенциально) на то, что говорящий не принимает во внимание чувства адресата и не желает того, чего тот хочет, угрожают позитивному лицу (например, неодобрение, критика, жалоба, обвинение, оскорбление и др.) [Brown, Levinson, 1987, p. 66]. Для сохранения лица и поддержания эмоционального комфорта при реализации лицеугрожающих¹ актов нацеленные на сотрудничество участники взаимодействия используют соответствующие стратегии и тактики вежливости.

Предложенная П. Браун и С. Левинсоном система стратегий позитивной и негативной вежливости [Brown, Levinson, 1987], которые в силу их противоположной направленно-

сти предлагается также называть стратегиями сближения и стратегиями дистанцирования [Ларина, 2009; Leech, Larina, 2014], представляет собой ценный инструментарий, помогающий адекватно интерпретировать действия собеседника, а также эффективно реализовывать собственные коммуникативные намерения, что является несомненным достоинством данной теории. Однако, несмотря на широкое признание, она подвергалась и продолжает подвергаться критике. В обобщенном виде среди основных объектов критики можно выделить следующие: акцент на универсальном характере вежливости, рассмотрение лица с позиций исключительно индивидуалистической культуры, определение вежливости через косвенность (чем более косвенно выражается коммуникативное намерение собеседника, тем более вежливым оно является), сфокусированность на говорящем, игнорирование позиции адресата, а также не включение в поле исследования контекста и невежливости.

Следующий этап в развитии теории вежливости начался с применением дискурсивного подхода [Locher, Watts, 2005; Mills, 2003; Watts, 2003; и др.], обусловленного интересом к функционированию языка, а также возобладанием антропоцентрической парадигмы в лингвистике. В результате в центре внимания оказался не язык, а говорящий на нем человек с его эмоциями, коммуникативными установками, ценностями, отношением к себе и другим. Применение дискурсивного подхода позволило расширить понимание вежливости и уточнить целый ряд положений, которые представлялись неоднозначными и даже противоречивыми. Остановимся на данном подходе более подробно.

Дискурсивный подход к исследованию вежливости

Дискурсивный подход к изучению вежливости позволил существенным образом расширить исследовательское поле, включив в него адресата и контекст их взаимодействия (см., например: [Eslami et al., 2023; Locher, Watts, 2005; Locher, 2006; Mills, 2003; 2011; Rhee, 2023; Watts, 2003; и др.]). Он показал, что вежливость не может сводиться к описа-

нию этикетных формул, как и ограничиваться правилами и максимами, которые регламентируют и регулируют поведение говорящего, то есть носить исключительно прескриптивный характер. Более того, описание вежливости не может ограничиваться указанием на действия только говорящего, а должно включать слушающего, поскольку именно он определяет степень вежливости или невежливости обращенных к нему высказываний в определенном коммуникативном контексте. Таким образом, вежливость – это не объективное поведение, а его субъективная интерпретация, то есть его оценка собеседником.

Включив в поле исследования слушающего и контекст, в котором происходит взаимодействие, дискурсивный подход показал необходимость изучения коммуникации как процесса, а вежливости как развивающегося в этом процессе явления. Существенным импульсом к рассмотрению вежливости как динамичного социального явления стал реляционный подход, сфокусированный на том, какие действия совершают собеседники, выстраивая взаимоотношения друг с другом [Locher, Watts, 2005]. Как отмечает М. Лохэр, дискурсивный подход к вежливости подчеркивает, что для понимания существующих на данный момент норм взаимодействия прежде всего необходимо установить, какой вид «реляционной работы» (relational work) совершают собеседники [Locher, 2006, p. 262]. Поскольку в процессе общения коммуниканты вынуждены корректировать свое поведение, можно говорить о вежливости как о гибкой системе стратегий.

Включение в исследовательское поле контекста показало, что представления о (не)вежливости могут значительно отличаться в различных социальных группах и культурах. Они определяются социальными параметрами, существующими в данной группе ценностями, которые в свою очередь формируют социальную и культурную идентичность. Проявления этнической идентичности наблюдаются на всех уровнях языка, а также в понимании (не)вежливости, в выборе коммуникативных стратегий и в дискурсивных практиках [Larina, Ozyumenko, Kurtěš, 2017; Eslami, Larina, Pashmforoosh, 2023], которые формируют этнокультурные черты стилей коммуникации в целом.

Вежливость в кросс-культурном контексте

Многочисленные исследования убедительно доказали, что вежливость категория не абсолютная, а относительная, не только универсальная, но и культурно-специфичная. Несмотря на универсальный характер она в разных культурах понимается и выражается по-разному в соответствии с их ценностями и традициями (см., например: [Алпатов, 2011; Брагина, 2024; Ларина, 2009; Ратмайр, 2003; Kádár, Haugh, 2013; Mugford, 2020; Sifianou, 1992; Watts, 2003; и др.]).

Понятие «вежливость», как и само это слово, которое обладает культурной семантикой, проявляющейся в его толковании и этимологии [Watts, 2003, p. 32], также неоднозначно. В кросс-культурном контексте представляется неприемлемым традиционное понимание вежливости как уважения и внимания к другим, поскольку данные понятия также обладают культурной спецификой. Это может быть, например, уважение как подчеркивание статусных различий или уважение как демонстрация равенства, внимание как дистанцирование или внимание как сближение.

Различия в концептуализации вежливости представителями различных лингвокультур предопределяются доминирующими культурными ценностями, которые в свою очередь связаны с основными параметрами социокультурной организации общества – горизонтальной и вертикальной дистанцией. В результате в культурах со значительной горизонтальной дистанцией и незначительной вертикальной вежливость ориентирована на уважение независимости и личного пространства собеседника, с одной стороны, и демонстрацию равенства – с другой (примером могут быть англосаксонские культуры). Там же, где горизонтальная дистанция небольшая, но при этом ярко выраженной является вертикальная дистанция, в основе вежливости лежат подчеркивание близости и в то же время демонстрация статусных различий, уважения к возрасту и/или статусу адресата (что характерно для восточных культур) (см., например: [Ларина, Камех Хош, 2021; Zhou, Larina, 2024]).

Рассмотрение вежливости через призму социокультурного контекста позволяет понять многие этнокультурные особенности поведения: почему, например, в британских университетах студенты могут обратиться к пожилому профессору по имени (*Hi, Tom*), а в корейской семье такое обращение не допустимо даже к брату, если он старше всего на один год или даже на несколько минут, если он брат-близнец [Yoon, 2007]; почему во многих мусульманских культурах термины родства используются при обращении к незнакомым, а обращение по имени может быть воспринято как невежливость даже среди членов семьи [Khalil, Larina, 2024] и т. д.

(Не)вежливость и (не)формальность

Дискурсивный подход к рассмотрению категории вежливости убедительно доказал, что вежливость не следует смешивать с формальностью, хотя подобное смешение наблюдается в понимании вежливости как носителями языка, так и лингвистами. Н.И. Формановская, например, отмечала, что такие приветствия, как *Здорово, мужички!* или *Привет, Тань!*, не входят в поле вежливости, поскольку не обладают свойством «эксплицировать почтительность, галантность, корректность, особую меру уважительности» [Формановская, 1998, с. 256]. Как видим, здесь вежливость сводится исключительно к формальности, хотя сам акт приветствия никак не может противоречить вежливости и в контексте неформального дружеского общения в русской культуре выражение «почтительности» и «особой меры уважительности» вряд ли было бы уместным и оценивалось адресатом как вежливость.

Разграничению вежливости и формальности способствовала высказанная Дж. Ли-чем идея об абсолютной и относительной вежливости [Leech, 1983]. Первая определяется вне контекста, то есть исключительно на уровне семантики. Вторая учитывает контекст, в котором происходит общение, то есть рассматривается на уровне прагматики. В результате вежливая по форме фраза в дружеской ситуации может быть интерпретирована

как недоброжелательная и ироничная, а неформальная и даже грубая – как не противоречащая вежливости, если она является уместной в определенном контексте и интерпретируются адресатом как демонстрация близости, интимности и дружелюбия [Ларина, 2020, с. 105], как, например, приветствие *Привет, Тань!*, которое упоминалось выше. Позже Дж. Лич называет абсолютную вежливость «прагмалингвистической», а относительную – «социопрагматической» [Leech, 2014, p. 15].

Таким образом, (не)формальность соотносится с формой высказывания, в то время как вежливость – с его прагматическим значением, с интерпретацией высказывания адресатом в конкретном социокультурном контексте. (Не)формальность мы рассматриваем как стилистическую черту дискурса, которая имеет социальный характер, как «социально-прагматический дейксис, индексирующий степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом и характер их взаимоотношений в конкретном социокультурном контексте» [Ларина, 2020, с. 101].

Дискурсивный подход показал, что вежливость необязательно должна быть формальной, а неформальность и грубость не всегда противоречат вежливости, которая в свою очередь может быть как формальной, так и неформальной и даже грубой [Ларина, 2020]. Степень (не)формальности зависит как от ситуативного контекста, так и от коммуникативных ценностей социокультурной группы, которые, как уже было отмечено, наряду с контекстом предопределяют выбор стратегий вежливости. Так, приведенное выше обращение студента к пожилому профессору *Hi, Tom* в британском контексте является примером неформальной вежливости, основанной на такой коммуникативной ценности, как равенство. Обращение *ni* (ты) к преподавателю в китайском контексте, которое допускается наряду с *nin* (Вы), также не понижает степени вежливости, а выражает особую близость к преподавателю, который воспринимается не только как учитель, но и как отец, что является важной чертой китайской «семейной» культуры [Zhou, Larina, 2024].

Таким образом, как уже ранее отмечалось, «вежливость – это соблюдение оптимального баланса, равновесия между дистантностью и близостью, между формальностью и фамильярностью, который является ситуативно и культурно вариативным, то есть точка этого равновесия варьируется не только в зависимости от конкретного коммуникативного контекста, но и от типа культуры в целом» [Ларина, 2009, с. 185]. Другими словами, для успешной коммуникации важно не оказаться ни чрезмерно фамильярным, ни излишне формальным.

Дискурсивный подход к анализу вежливости включил в исследовательское поле невежливость и грубость (см., например: [Bousfield, 2008; Culpeper, 2011; и др.]). Как отмечалось ранее [Ларина, 2020], интерес к невежливой и грубой речи можно объяснить несколькими факторами: широким взглядом на реальную коммуникацию, где нормы не только соблюдаются, но и нарушаются; стилистическим сдвигом в сторону неформальности и огрубления речи, который наблюдается в разных лингвокультурах в результате демократизации; эмоциональным поворотом в лингвистике, а также ростом конфликтогенности и агрессивности в обществе. Отметим, что невежливость, как и вежливость, являются культурно-специфичными категориями. Как свидетельствуют многочисленные исследования, то, что вежливо в одной культуре, может быть невежливо в другой, и наоборот.

Таким образом, невежливость нельзя ассоциировать исключительно с неформальностью и грубостью, как и вежливость – с формальностью и учтивостью. Вежливые по форме высказывания могут не восприниматься таковыми в несоответствующих для них контекстах, а неформальные и даже грубые по форме высказывания далеко не всегда противоречат вежливости.

Справедливости ради следует отметить, что о разных стилистических типах вежливости – формальной вежливости, неформальной и интимной – писала еще Р. Лакофф [Lakoff, 1973], связывая их с предложенными ею правилами вежливости. Однако они имели несколько ограниченный и противоречивый характер.

Эмотивная вежливость

Вежливость связана с этикой поведения, которая касается не только социального имиджа, но и чувств и эмоций собеседника. Эмоции, как правило, регулярно сопровождают невежливую и грубую коммуникацию [Culpeper, 2011] в ситуации конфликта, однако и в неконфликтной ситуации их может вызвать игнорирование собеседника или его интересов, недостаточное внимание к его чувствам. Ориентированность на чувства адресата, эмоциональная / эмотивная² чувствительность к его лицу является одним из факторов вежливого взаимодействия. Стратегии позитивной вежливости нацелены на усиление и даже преувеличение интереса и симпатии к собеседнику [Brown, Levinson, 1987; Ларина, 2009, с. 311], чтобы вызвать у него положительные эмоции. Как уже отмечалось, одна из составляющих общей стратегии вежливости Дж. Лича включает внимание к эмоциям адресата, которые говорящий должен ставить выше собственных [Leech, 2014, p. 91; Leech, Larina, 2014, p. 18].

Тесная взаимосвязь эмоций и вежливости позволяет говорить об «эмотивной вежливости», которую мы определяем как «эмоциональную / эмотивную чувствительность, ориентированность на чувства других, этичность в проявлении собственных чувств и эмоций, оказание коммуникативной поддержки собеседнику» [Ларина, 2019, с. 41]. Имеется в виду эмоциональная / эмотивная поддержка, нацеленная на то, чтобы вызвать у собеседника позитивные эмоции, например, при выражении благодарности или при прощении [Ларина, 2025], а в случае необходимости совершить угрожающий лицу акт, такой как критика или отказ, снизить его отрицательное воздействие на адресата [Ларина, 2019; 2025]. Таким образом, если категория вежливости в целом выступает регулятором коммуникативного поведения [Ларина, 2009, с. 166], то эмотивная вежливость – это регулятор эмоционального взаимодействия путем оказания эмоциональной поддержки адресату, выражения эмпатии, смягчения действий, которые могут вызвать негативные чувства и реакции (обиду, разочарование, огорчение и др.). Соответственно, эмотивная невежливость, наблюдается там, где не учтены интересы адресата, задеты его

чувства, вызванные действием (осознанным или неосознанным) или бездействием другого. Это, например, отсутствие приветствия, благодарности, похвалы или извинения там, где они ожидались, и прямая критика или отказ, нанесение оскорбления и т. д.

Эмотивная вежливость, как уже ранее отмечалось, ориентирована на «позитивные формы общения» [Ионова, 2015] и «позитивную коммуникацию» [Леонтович, 2015; Леонтович и др., 2020], которую исследователи определяют как «благоприятную, эффективную, конструктивную, выражающую положительную интенцию, оптимизм, психологическую поддержку собеседника, настрой на положительный исход общения, прогресс и развитие» [Леонтович, 2015, с. 167]. Она во многом коррелирует с позитивной вежливостью, направленной на «удовлетворение желания каждого быть замеченным, понятым, услышанным, любимым» [Ларина, 2009, с. 308], но не ограничивается ею. Особенно наглядно это проявляется в лицеугрожающих речевых актах, таких как, например, отказ и критика [Ларина, Ponton, 2022; Litvinova, Larina, 2023], где для смягчения негативного воздействия на эмоции адресата используются стратегии как позитивной, так и негативной вежливости.

При этом следует отметить, что, как и вежливость в целом, эмотивная вежливость обладает этнокультурной спецификой и ее востребованность в коммуникации может быть различной, что наблюдается при сопоставлении различных речевых актов и жанров. Так, анализ жанра рецензии на научную статью [Ларина, Ponton, 2020; 2022] показал, что английские рецензенты в большей степени ориентированы на смягчение своего отрицательного мнения и отказа в публикации, чем русские. Они предпринимают значительные коммуникативные усилия, нацеленные на оказание эмоциональной поддержки адресату, что проявляется в структуре отказа, в используемых поддерживающих ходах и стратегиях вежливости. Русскоязычные рецензенты, напротив, концентрируют свое внимание не столько на форме выражения оценки, сколько на анализе статьи и ее качестве и демонстрируют меньшую эмоциональную чувствительность к адресату. Данные различия в целом соотносятся с этнокультурными особенностями

ми английского и русского стилей коммуникации и выступают очередным свидетельством того, что русский стиль в большей степени ориентирован на содержание и информативность, английский – на форму и эмотивность [Ларина, 2009]. В результате эмотивная вежливость в большей степени характерна для английской (англосаксонской) коммуникативной культуры, чем русская.

Заключение

В данной статье обобщены результаты ряда исследований и продемонстрировано, как дискурсивный подход расширил понимание вежливости и раздвинул рамки ее изучения. Он показал, что вежливость не ограничивается этикетными формулами, правилами и максимами, которые регламентируют и регулируют поведение говорящего, а включает также элементы, которые не всегда соответствуют норме, закрепленной этикетом.

Вежливость является регулятором коммуникативного поведения, при этом она представляет собой гибкую систему стратегий, отбираемых собеседниками в соответствии с их коммуникативными намерениями, контекстом общения и его возможной модификацией.

В результате с точки зрения стиля вежливость может быть формальной, неформальной и даже грубой. Она имеет относительный характер и представляет собой не объективное поведение, а его субъективную интерпретацию адресатом.

Вежливость, как и невежливость, связана с эмоциональным аспектом коммуникации, что позволяет говорить об эмотивной вежливости, ориентированной на чувства других. Являясь, как и вежливость в целом, универсальной категорией, она обладает этнокультурными особенностями, предопределяемыми социокультурными параметрами и ценностями.

Дискурсивный подход к исследованию вежливости, включающий контекст и адресата, способствовал преодолению ряда ограничений, характерных для предыдущих подходов. Он существенно расширил рамки теории вежливости, дав новый импульс ее развитию, и продемонстрировал эффективность дискурс-анализа как междисциплинарной методологии изучения использования и функционирования языка.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мы продолжаем настаивать, что именно так их следует именовать: *лицеугрожающие*, а не *коугрожающие* (см.: [Ларина, 2025]).

² Здесь и далее используется двоякий термин, поскольку речь идет об эмотивных действиях говорящего, нацеленных на поддержание эмоционального состояния слушающего (подробно см.: [Ларина, 2009; 2019]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В. М., 2011. Категории вежливости в современном японском языке. Изд. 4-е. М.: УРС. 110 с.
- Брагина Н. Г., 2024. Категория вежливости: русские императивные речевые клише в диалоге // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 15, № 3. С. 219–233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Ионова С. В., 2015. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Russian Journal of Linguistics. № 1. С. 20–30.
- Иссерс О. С., 2023. Бестактный вопрос как коммуникативная проблема русской речевой культуры // Русский язык за рубежом. № 5. С. 22–30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003
- Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Яз. слав. культур. 512 с.
- Ларина Т. В., 2019. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в жанре английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. № 1 (39). С. 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57
- Ларина Т. В., 2020. Соотношение формальности, неформальности, вежливости, невежливости и грубости с позиции прагматики и дискурс-анализа // Cuadernos de Rusística Española. № 16. С. 99–114. DOI: 10.30827/cre.v16i0.15424
- Ларина Т. В., 2025. Эмотивная вежливость в лицеугрожающих речевых актах: кросс-культурный аспект // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 16, № 2. С. 118–135. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-7
- Ларина Т. В., Камех Хош Н. 2021. Культурные ценности и понимание вежливости в британской, русской и персидской лингвокультурах // Русский язык за рубежом № 2. С. 10–18. DOI: 10.37632/PI.2021.285.2.002
- Леонтович О. А., 2015. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Russian Journal of Linguistics. № 1. С. 164–177.

- Леонтович О. А., 2023. Магия вежливости или диктат политической корректности? Соотношение понятий // *Русский язык за рубежом*. № 5. С. 16–21. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.002
- Леонтович О. А., Гуляева М. А., Лунёва О. В., Соколов М. С., 2020. *Позитивная коммуникация*. М. : Гнозис. 296 с.
- Ратмайр Р., 2003. *Прагматика извинения : Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араповой*. М. : Яз. слав. культуры. 272 с.
- Формановская Н. И., 1998. *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*. М. : ИКАР. 291 с.
- Bousfield D., 2008. *Impoliteness in Interaction*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. 281 p.
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.
- Culpeper J., 2011. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge : CUP. 292 p.
- Grice P., 1975. *Logic and Conversation // Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. N. Y. : Academic Press. P. 41–58.
- Eslami Z. R., Larina T. V., Pashmforoosh R., 2023. Identity, Politeness and Discursive Practices in a Changing World // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 27, № 1. P. 7–38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051
- Kádár D., Haugh M., 2013. *Understanding Politeness*. Cambridge : Cambridge University Press. 306 p. DOI: 10.1017/CBO9781139382717
- Khalil A. A., Larina T. V., 2024. “Whose Father Are You?” Arabic Teknonyms in a Socio-Pragmatic Perspective // *Language and Communication*. Vol. 97, iss. 2. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.langcom.2024.04.001
- Lakoff P., 1973. The Logic of Politeness, or, Minding Your P’s and Q’s // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago : [s. n.]. P. 292–305.
- Larina T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. Vol. 7, № 5. P. 195–215.
- Larina T., 2025. Emotive Politeness and Communicative Styles: Leave-Taking in British and Russian Interpersonal Interaction // *The Sociopragmatics of Emotion*. Cambridge : Cambridge University Press. P. 171–193.
- Larina T. V., Ozyumenko V. I., Kurteš S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse: Anglo-Slavonic Perspectives // *Lodz Papers in Pragmatics*. Vol. 13, № 1. P. 109–128. DOI: 10.1515/lpp-2017-0006
- Larina T., Ponton D. M., 2020. Tact or Frankness in English and Russian Blind Peer Reviews // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 17, iss. 4. P. 471–496. DOI: 10.1515/ip-2020-4004
- Larina T., Ponton D. M., 2022. I Wanted to Honour Your Journal, and You Spat in My Face: Emotive (Im)Politeness and Face in the English and Russian Blind Peer Review // *Journal of Politeness Research*. Vol. 18, № 1. P. 201–226. DOI: 10.1515/pr-2019-0035
- Leech G., 1983. *Principles of Pragmatics*. L. ; N. Y. : Longman. 257 p.
- Leech G., 2014. *The Pragmatics of Politeness (Oxford Studies in Sociolinguistics)*. Oxford : Oxford University Press. 368 p.
- Leech G., Larina T., 2014. Politeness: West and East // *Russian Journal of Linguistics*. № 4. P. 9–34.
- Leontovich O. A., Nikitina A. V., 2024. Communication Monitoring as a Politeness Mechanism // *Training, Language and Culture*. Vol. 8, № 3. P. 62–72. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-62-72
- Litvinova A. V., Larina T. V., 2023. Mitigation Tools and Politeness Strategies in Invitation Refusals: American and Russian Communicative Cultures // *Training, Language and Culture*. Vol. 7, № 1. P. 116–130. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130
- Locher M., 2006. Polite Behaviour Within Relational Work: The Discursive Approach to Politeness // *Multilingua*. Vol. 25, № 3. P. 249–267.
- Locher M., Larina T., 2019. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 23, № 4. P. 873–903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903
- Locher M., Watts R., 2005. Politeness Theory and Relational Work // *Journal of Politeness Research*. Vol. 1, № 2. P. 9–33.
- Mills S., 2003. *Gender and Politeness*. Cambridge : Cambridge University Press. 270 p.
- Mills S., 2011. Discursive Approaches to Politeness and Impoliteness // *Discursive Approaches to politeness*. [S. l.] : Mouton de Gruyter. P. 19–56.
- Mugford G., 2020. Mexican Politeness: An Empirical Study on the Reasons Underlying/Motivating Practices to Construct Local Interpersonal Relationships // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 24, № 1. P. 31–55. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-31-55
- Rhee S., 2023. Politeness and Impoliteness in Social Network Service Communication in Korea // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 27, № 1. P. 39–66. DOI: 10.22363/2687-0088-32031
- Sifianou M., 1992. *Politeness Phenomena in England and Greece*. Oxford : Clarendon. 254 p.
- Watts R., 2003. *Politeness*. Cambridge : CUP. 318 p.

- Yoon K., 2007. My Experience of Living in a Different Culture: The Life of a Korean Migrant in Australia // *Translating Lives: Living with Two Languages and Cultures*. Australia : UQP. P. 114–127.
- Zhou Q., Larina T.V., 2024. Power and Solidarity in Pronominal Forms of Address: A Case Study of Chinese and Russian Teacher-Student Interactions // *Training, Language and Culture*. Vol. 8, № 1. P. 87–100. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-1-87-100

REFERENCES

- Alpatov V.M., 2011. *Kategorii veshlivosti v sovremennom yaponskom yazyke* [Categories of Politeness in Modern Japanese]. Moscow, URS. 110 p.
- Bragina N.G., 2024. Kategoriya veshlivosti: russkie imperativnye rechevye klishe v dialoge [Category of Politeness: Russian Imperative Speech Clichés in Dialogue]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 15, no. 3, pp. 219-233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Ionova S.V., 2015. Emotsionalnye efekty pozitivnoy formy obshcheniya [Emotional Effects of the Positive Form of Communication]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 20-30.
- Issers O.S., 2023. Bestaktnyy vopros kak kommunikativnaya problema russkoy rechevoy kultury [Tactless Question as a Communicative Problem in Russian Speech Culture]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 22-30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003
- Larina. T.V., 2009. *Kategoriya veshlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguacultural Traditions]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 512 p.
- Larina T.V., 2019. Emotivnaya ekologichnost i emotivnaya veshlivost v zhanre angliyskoy i russkoy anonimnoy retsenzii [Emotive Ecology and Emotive Politeness in the Genre of English and Russian Anonymous Reviews]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 1 (39), pp. 38-57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57
- Larina T.V., 2020. Sootnoshenie formalnosti, neformalnosti, veshlivosti, neveshlivosti i grubosti s pozitsii pragmatiki i diskurs-analiza [Correlation of Formality, Informality, Politeness, Impoliteness and Rudeness: Discourse-Pragmatic Perspective]. *Cuadernos de Rusística Española*, no. 16, pp. 99-114. DOI: 10.30827/cre.v16i0.15424
- Larina T.V., 2025. Emotivnaya veshlivost v litse ugrozhayushchikh rechevykh aktakh: kross-kulturnyy aspekt [Emotive Politeness in Face-Threatening Speech Acts: A Cross-Cultural Perspective]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 16, no. 2, pp. 118-135. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-7
- Larina T.V., Kameh Khosh N., 2021. Kulturnye tsennosti i ponimanie veshlivosti v britanskoy, russkoy i persidskoy lingvokulturakh [Cultural Values and Understanding of Politeness in British, Russian and Persian Lingua-Cultures]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 2, pp. 10-18. DOI: 10.37632/PI.2021.285.2.002
- Leontovich O.A., 2015. Pozitivnaya kommunikatsiya: postanovka problemy [Positive Communication: Problem Statement]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 164-177.
- Leontovich O.A., 2023. Magiya veshlivosti ili diktat politicheskoy korrektnosti? Sootnoshenie ponyatiy [Magic of Politeness or Dictate of Political Correctness? Correlation of Concepts]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 16-21. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.002
- Leontovich O.A., Gulyaeva M.A., Luneva O.V., Sokolov M.S., 2020. *Pozitivnaya kommunikatsiya* [Positive Communication]. Moscow, Gnozis Publ. 296 p.
- Ratmayr R., 2003. *Pragmatika izvineniya: Sravnitelnoe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoy kultury* [Pragmatics of Apology: A Comparative Study Based on the Russian Language and Russian Culture]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 272 p.
- Formanovskaya N.I., 1998. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniya* [Communicative-Pragmatic Aspects of Units of Communication]. Moscow, IKAR Publ. 291 p.
- Bousfield D., 2008. *Impoliteness in Interaction*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. 281 p.
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 345 p.
- Culpeper J., 2011. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge, CUP. 292 p.
- Grice P., 1975. Logic and Conversation. *Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts*. New York, Academic Press, pp. 41-58.
- Eslami Z.R., Larina T.V., Pashmforoosh R., 2023. Identity, Politeness and Discursive Practices in

- a Changing World. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 1, pp. 7-38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051
- Kádár D., Haugh M., 2013. *Understanding Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press. 306 p. DOI: 10.1017/CBO9781139382717
- Khalil A.A., Larina T.V., 2024. "Whose Father Are You?" Arabic Teknonyms in a Socio-Pragmatic Perspective. *Language and Communication*, vol. 97, iss. 2, pp. 1-12. DOI: 10.1016/j.langcom.2024.04.001
- Lakoff P., 1973. The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago, s.n., pp. 292-305.
- Larina T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, vol. 7, no. 5, pp. 195-215.
- Larina T., 2025. Emotive Politeness and Communicative Styles: Leave-Taking in British and Russian Interpersonal Interaction. *The Sociopragmatics of Emotion*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 171-193.
- Larina T.V., Ozyumenko V.I., Kurtes S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse: Anglo-Slavonic Perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, vol. 13, no. 1, pp. 109-128. DOI: 10.1515/lpp-2017-0006
- Larina T., Ponton D.M., 2020. Tact or Frankness in English and Russian Blind Peer Reviews. *Intercultural Pragmatics*, vol. 17, iss. 4, pp. 471-496. DOI: 10.1515/ip-2020-4004
- Larina T., Ponton D.M., 2022. I Wanted to Honour Your Journal, and You Spat in My Face: Emotive (Im)Politeness and Face in the English and Russian Blind Peer Review. *Journal of Politeness Research*, vol. 18, no. 1, pp. 201-226. DOI: 10.1515/pr-2019-0035
- Leech G., 1983. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman. 257 p.
- Leech G., 2014. *The Pragmatics of Politeness (Oxford Studies in Sociolinguistics)*. Oxford, Oxford University Press. 368 p.
- Leech G., Larina T., 2014. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, no. 4, pp. 9-34.
- Leontovich O.A., Nikitina A.V., 2024. Communication Monitoring as a Politeness Mechanism. *Training, Language and Culture*, vol. 8, iss. 3, pp. 62-72. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-62-72
- Litvinova A.V., Larina T.V., 2023. Mitigation Tools and Politeness Strategies in Invitation Refusals: American and Russian Communicative Cultures. *Training, Language and Culture*, vol. 7, iss. 1, pp. 116-130. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130
- Locher M., 2006. Polite Behaviour Within Relational Work: The Discursive Approach to Politeness. *Multilingua*, vol. 25, iss. 3, pp. 249-267.
- Locher M., Larina T., 2019. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, iss. 4, pp. 873-903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903
- Locher M., Watts R., 2005. Politeness Theory and Relational Work. *Journal of Politeness Research*, vol. 1, iss. 2, pp. 9-33.
- Mills S., 2003. *Gender and Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press. 270 p.
- Mills S., 2011. Discursive Approaches to Politeness and Impoliteness. *Discursive Approaches to Politeness*. S.I., Mouton de Gruyter, pp. 19-56.
- Mugford G., 2020. Mexican Politeness: An Empirical Study on the Reasons Underlying/Motivating Practices to Construct Local Interpersonal Relationships. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 1, pp. 31-55. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-31-55
- Rhee S., 2023. Politeness and Impoliteness in Social Network Service Communication in Korea. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 1, pp. 39-66. DOI: 10.22363/2687-0088-32031
- Sifianou M., 1992. *Politeness Phenomena in England and Greece*. Oxford, Clarendon. 254 p.
- Watts R., 2003. *Politeness*. Cambridge, CUP. 318 p.
- Yoon K., 2007. My Experience of Living in a Different Culture: The Life of a Korean Migrant in Australia. *Translating Lives: Living with Two Languages and Cultures*. Australia, UQP, pp. 114-127.
- Zhou Q., Larina T.V., 2024. Power and Solidarity in Pronominal Forms of Address: A Case Study of Chinese and Russian Teacher-Student Interactions. *Training, Language and Culture*, vol. 8, iss. 1, pp. 87-100. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-1-87-100

Information About the Author

Tatiana V. Larina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, Moscow, Russia, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.2>

UDC 81'42:159.942

LBC 81.055.1

Submitted: 22.03.2025

Accepted: 05.06.2025

SEMANTIZATION OF POLITENESS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: A META-COMMUNICATIVE ASPECT¹

Olga A. Leontovich

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia;
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The purpose of the article is to examine the conceptualization of the notions *polite/impolite* and their derivatives through the lens of Russian mentality and values. The study employs a mixed method research design including discourse analysis, lexicographic, contextual, and conversational analyses. Drawing upon the data from the National Corpus of the Russian Language (a total of 6,893 instances), the article shows that the terms *polite* and *impolite* are used as meta-communicative characterization of verbal and non-verbal behavior. The complexity of their investigation is due to the vagueness of their semantics, dependence on social context, and their dialogical nature. The paper goes on to discuss the relationship between politeness and the use of adjacency pairs, preferred communicative actions, prognostic and corrective functions of communication monitoring, etc. Although politeness is traditionally evaluated positively, the study suggests that it is multifaceted and not always positive. Exaggerated politeness can serve as a means of distancing oneself from the interlocutor, a manipulation tool, or an attempt to conceal dissatisfaction and dislike. Differences in the inner form of the words denoting politeness in Russian and other languages, projected onto ethical principles, etiquette norms, and basic values, indicate discrepancies in the conceptualization of these notions and should be taken into account in intercultural contacts.

Key words: politeness, conceptualization, abstractness, meta-communication, communicative behavior.

Citation. Leontovich O.A. Semantization of Politeness in the Russian Language: A Meta-Communicative Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 17-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.2>

УДК 81'42:159.942

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 22.03.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

СЕМАНТИЗАЦИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ¹

Ольга Аркадьевна Леонтович

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия;
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть концептуализацию понятий «вежливо / невежливо» через призму русского языкового сознания. Исследование проведено на материале Национального корпуса русского языка с применением комплексной методики, включающей дискурс-анализ, лексикографический, контекстуальный и конверсационный анализ. Показано, что сложность интерпретации абстрактных понятий «вежливо / невежливо», используемых для метакоммуникативной характеристики вербального и невербального поведения, объясняется размытостью их содержания, зависимостью от социального контекста и необходимостью учета их диалогической природы. Выявлена связь вежливости с использованием смежных репликовых пар и предпочтительных коммуникативных действий, векторностью коммуникации, осуществлением прогностической и корректирующей функций мониторинга коммуникации. Показано, что вежливость не всегда оценивается позитивно: подчеркнутая вежливость может восприниматься как способ дистанцирова-

ния от собеседника, средство манипуляции, стремление прикрыть излишне вежливым коммуникативным поведением свое недовольство или иные чувства. Различия во внутренней форме слова *вежливость* и его производных в русском и других языках, проецируемые на этические принципы, этикетные нормы и базовые ценности, указывают на расхождения в концептуализации этих понятий и должны приниматься во внимание в процессе межкультурного общения.

Ключевые слова: вежливость, концептуализация, абстрактность, метакоммуникация, коммуникативное поведение.

Цитирование. Леонтович О. А. Семантизация вежливости в русском языке: метакоммуникативный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 17–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.2>

Введение

С давних пор вежливость трактуется как добродетель и этическая норма, способствующая развитию гармоничного общества. Для сегодняшней лингвистики характерно рассмотрение проблемы вежливости в новом ключе, с учетом таких параметров дискурса, как экспликатура и импликатура, тональность и регистр общения, коммуникативные стратегии, тактики и т. п. Авторы научных трудов исходят из того, что как вежливая, так и невежливая коммуникация не хаотичны – в них проявляются закономерности, в значительной степени зависящие от идентичности коммуникантов и социального контекста. Анализируются не только этикетные формулы, но и диалогические единицы, речевые клише, дискурсивные формулы, вежливость / невежливость / антивежливость в дискурсе [Брагина, 2024; Вежливость и антивежливость..., 2018; Шаронов, 2015; Leontovich, Nikitina, 2024]; соотношение вежливости с понятиями этики, этикета, морали, нравственности и политической корректности [Леонтович, 2023; 2025]; вариативность и динамика коммуникативных норм [Шмелёв, 2016; Кронгауз, 2023]; такт и бестактность [Иссерс, 2023; 2024]; границы приличного и неприличного [Жельвис, 2014; Иссерс, 2018]; вежливость в разных типах дискурса [Malyuga, Maksimova, Ivanova, 2019; Tivyaeva, Abdulmianova, 2023; Брагина, Васютина, 2024], вежливость в межкультурном контексте [Алпатов, 2018; Ларина, 2018] и т. д.

Цель данной статьи – рассмотреть концептуализацию понятий «вежливо / невежливо» через призму русского языкового сознания, что может быть полезно для разработки этических теорий, развития навыков вежливого поведения, улучшения межличност-

ных отношений, поиска путей решения конфликтов и т. д., а также для разработки алгоритмов лингвистического описания других абстрактных понятий с позиций когнитологии.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования были использованы примеры из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), где на 05.03.2025 было обнаружено 6 343 контекста употребления слова *вежливо* и 550 – слова *невежливо* (в общей сложности 6 893 примера). Для иллюстрации словоупотреблений выборка была дополнена небольшим количеством примеров из других источников (словарей, художественной литературы, СМИ).

В процессе анализа использована комплексная методика, включающая: 1) лексикографический анализ – для выявления этимологии и семантических признаков изучаемых языковых единиц; 2) контекстуальный анализ – для определения значения лексем во взаимодействии с их окружением; 3) дискурс-анализ – для рассмотрения семантизации изучаемых понятий в социальном контексте; 4) конверсационный анализ, нацеленный на диалогичность, в рамках которого рассматривались коммуникативные ходы, распределение и мена коммуникативных ролей, последовательность коммуникативных действий, смежные репликовые пары, предпочтительные / непредпочтительные реплики; «исправление ошибок» в коммуникации (о методах см.: [Леонтович, 2011]). Кроме того, в процессе исследования применялся алгоритм анализа мониторинга коммуникации, разработанный применительно к вежливости [Leontovich, Nikitina, 2024].

Результаты и обсуждение

Социопсихологические основы концептуализации вежливости

Вежливость и невежливость относятся к абстрактным понятиям, сложность интерпретации которых, с точки зрения Е. Бейтса, обусловлена размытостью их семантики «при отсутствии перцептивного подкрепления со стороны объектов» (цит. по: [Пупынина, 2011, с. 144]). Е.В. Пупынина пишет о том, что за абстрактными существительными «в концептуальной системе стоит целый комплекс идей, объединенных очень обобщенной схемой отношений», вследствие чего их значения в высшей степени зависимы от контекста [Пупынина, 2011, с. 145].

Хотя слова *вежливо* / *невежливо* и другие единицы с корнем *-веж-* ((не)вежливый, (не)вежливость) входят в вокабуляр любого носителя языка, интерпретация их содержания определяется рядом факторов: 1) социальным статусом коммуниканта, включающим возраст, гендер, уровень образования, среду обитания и т. д.; 2) ситуацией общения; 3) индивидуальными особенностями коммуниканта (представлениями о вежливости, убеждениями, отношением и степенью адаптации к собеседнику). Вспомним, например, профессора Хиггинса из «Пигмалиона» Б. Шоу, убежденного, что надо иметь не хорошие или плохие манеры, а со всеми обращаться одинаково – с цветочницей или графиней.

Философы рассматривают вежливость как один из аспектов этики, определяющей нормы и правила поведения в обществе, как проявление уважения к другим людям и их правам, а также как способ поддержания гармоничных отношений в обществе. При этом этические нормы, даже базовые, неоднозначны и также становятся результатом индивидуального выбора. На самом ли деле вежливость является добродетелью? Очевидно, здесь могут быть разные точки зрения: с одной стороны, это проявление доброго, уважительного отношения к людям; с другой – средство манипуляции и достижения собственных целей. Недаром Ж. Старобинский утверждает, что цивилизация, сменяющая варварство, продвигает обходительность, мягкость и глад-

кость общения, но при этом объединяет людей лишь внешне, разобщая внутренне, и что ценой, которую приходится платить за вежливость, становятся фальшь и лицемерие [Старобинский, 2002, с. 125].

К психологическим причинам, по которым люди проявляют вежливость, относятся необходимость поддерживать межличностные отношения; конструирование и поддержание собственного имиджа; страх физического или психологического воздействия, наказания, словесного отпора (боязни «нарваться» на грубость); нежелание обидеть собеседника и тем самым разрушить отношения; «зеркальность» – часто люди, ведущие себя некорректно, переключаются на более миролюбивый тон, если с ними общаются вежливо. Важную роль при этом также играют статус и профессия: в иерархических отношениях вышестоящий не всегда считает нужным церемониться с нижестоящими; старшие требуют вежливого обращения от младших, но не всегда отвечают им тем же; люди некоторых профессий полагают, что их мастерство и деловитость не должны подкрепляться вежливостью (вспомним реплику женщины-хирурга из фильма «Покровские ворота»: «Резать к чертовой матери!»).

В данной статье мы рассмотрим семантизацию анализируемых понятий непосредственно через слова *вежливо* / *невежливо* и другие единицы с корнем *-веж-*, то есть в ракурсе метапрагматики и метакоммуникации, в виде комментариев говорящего к своему или чужому коммуникативному поведению. Очевидно, что вежливость не сводится к употреблению этих слов – скорее чаще реализуется без них. Однако их осмысление значимо, так как является элементом рефлексии. В связи с этим мы сосредоточим свое внимание на средствах концептуализации понятий «вежливо / невежливо» в сознании носителей русского языка и их реализации в условиях социального взаимодействия.

Словарные и научные определения вежливости

В лексикографических источниках слово *вежливость* определяется как учтивость, обходительность, предупредительность (БТС),

услужливость, воспитанность в поведении, речи и жестах (БТСРС), благовоспитанность, соблюдение бытовых приличий (Ушаков).

Слова, обозначающие вежливость в разных языках, имеют различную этимологию и, соответственно, внутреннюю форму. В русском языке слово *вежливость* является исконным, производно от *vědja* (*вѣжа*) и восходит к древнерусскому *вѣжливои* – «опытный, сведущий» (ЭСРЯ). Со временем это значение изменилось, с XVIII в. оно стало употребляться как синоним к словам *обходительный*, *воспитанный* (Семенов). Для сравнения – соответствующие английское слово *polite* и французское *poli* происходят от латинского *politus* «отполированный, гладкий» (OED). У испанского слова *educado* – «вежливый» – иная внутренняя форма: оно восходит к латинскому причастию прошедшего времени от глагола *educare* – растить, воспитывать, то есть имеет то же самое происхождение, что и русское слово *образованный*. В китайском языке² слово, обозначающее вежливость (礼貌), состоит из двух морфем, первая (礼) имеет значение «ритуал, церемония, такт, культурность», а вторая (貌) – «наружность, внешний вид, облик». Таким образом, вежливость в китайском языке концептуализуется как «церемонный облик» и выступает в качестве одной из основных категорий конфуцианства. Различия во внутренней форме вышеприведенных лексем показывают, что в русском языке вежливость первоначально осмыслялась через знание приличий, во французском и английском – через отточенность манер, в испанском – через образованность, а в китайском – через имидж в ритуализованном поведении.

Синонимы позволяют уточнить, какие именно качества характеризуют вежливость: *деликатность*, *любезность*, *корректность*, *учтивость*, *уважительность*, *обходительность*, *предупредительность*, *галантность*. Соответственно, синонимический ряд прилагательного *вежливый* составляют лексемы: *(благо)воспитанный*, *внимательный*, *галантный*, *деликатный*, *корректный*, *куртуазный*, *любезный*, *обходительный*, *почтительный*, *предупредительный*, *приветливый*, *пристойный*, *тактичный*, *уважительный*, *услужливый*, *участливый*, *учтивый*, *церемонный*, *цивилизованный*. В каче-

стве антонимов выступают слова: *грубый*, *нелюбезный*, *неучтивый*, *некультурный*, *невежливый*, *некорректный*, *резкий*.

Обратим внимание на то, что в определениях вежливости, равно как и в значениях синонимов, главным образом актуализировано поведение субъекта, при этом игнорируется объект. Однако вежливость – понятие диалогическое; именно различия в восприятии того, что есть вежливо, обусловленные различными факторами, ведут к недопониманию и конфликтам. В связи с этим в научных трудах аспект диалогичности учитывается. Так, Т.В. Ларина характеризует вежливость как универсальную коммуникативную категорию – «систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнеров» [Ларина, 2009, с. 19]. М.А. Кронгауз с соавторами относят к ключевым признакам вежливого общения постоянную ориентацию на адресата, «учет его прагматических интересов, а также регулярное вербальное подтверждение кооперативной установки говорящего» [Кронгауз и др., 2024, с. 172–173].

«Вежливо / невежливо»: характеристики коммуникативного поведения

Наиболее частотные случаи сочетаемости показывают, какие именно особенности коммуникативного поведения личности считаются вежливыми в русской лингвокультуре.

Вербальное коммуникативное поведение. В проанализированных нами примерах из НКРЯ отражаются следующие речевые действия: *вежливо спросить*, *ответить*, *предложить*, *объяснить*, *обратиться*, *попросить*, *поздороваться*, *осведомиться*, *поинтересоваться*, *поблагодарить*, *соглашаться*, *извиниться*, *переспрашивать* и т. д.:

(1) Повадилась звонить дура-генеральша, давать советы, рассуждать о жизни тоном жэковской активистки. Он терпел, **вежливо** переспрашивал, **вежливо** соглашался (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве. 1994);

(2) Разговаривали хорошо, **вежливо**, обходительно, улыбались, шутили, предлагали чаю, бутер-

броды с семгой... (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей. Часть 2. 1964).

Лексема *невежливо* представлена в сочетании как с нейтральными глаголами, обозначающими речевые действия (*сказать, ответить*), так и с коннотативно окрашенными, выражающими неодобряемое в обществе поведение: *перебить, посылать, огрызаться, торопить, тыкать* и т. д.:

(3) Он каким-то магическим способом оказался в курсе и начал с соболезнующих слов, но Голев **невежливо** перебил его... (Анна Матвеева. Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера // Звезда. 2002);

(4) – И что? – **невежливо** поторопил он ее, опять замолчавшую (В.Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // Москва. 2004. № 11, 12).

Вышеприведенные примеры относятся к устной коммуникации. Однако вежливость либо невежливость могут проявляться и в таких видах коммуникативной деятельности, как письмо и чтение:

(5) Правда, он и не собачился, как некоторые, у него микрофона не было, он только в чате отписывался. Но **вежливо**, грамотно (Александра Маринина. Последний рассвет. 2013);

(6) Я **невежливо** переворачивала страницы жизни Фали мне не интересные (Г. Щербакова. Митина любовь. 1996).

Вежливое **невербальное коммуникативное поведение** реализуется в таких словосочетаниях, как **вежливо улыбаться, смотреть, выжидать, кивать, кланяться** и т. д., которые обозначают общепринятые символические этикетные жесты, относящиеся к правилам хорошего тона:

(7) Братья Мустыгины **вежливо** приподняли шляпы (Анатолий Азольский. Лопушок // Новый мир. 1998);

(8) Я кланяюсь ему очень **вежливо**. – Доброе утро, Виталий Витальевич (Василий Аксенов. Звездный билет // Юность. 1961).

(9) – Разрешите войти? – спросил он, **вежливо** стукнув каблуками (В.П. Катаев. Алмазный мой венец. 1975–1977).

Встречаются метакомментарии и к менее распространенным коммуникативным

действиям, которые тем не менее вписываются в понимание вежливости как такта и заботы о комфорте окружающих:

(10) Иванов **вежливо** ощупывает глазами предметы домашнего обихода критика (Л.А. Данилкин. Диагностика пармы. 2016);

(11) Она включала лампочку за кухонной перегородкой и тихо, **вежливо**, стараясь не шуметь, топила русскую печь, ходила доить козу... (Александр Солженицын. Матренин двор. 1960).

Невежливыми считаются такие невербальные действия, как: поманить пальцем; ткнуть пальцем; погрозить пальцем или кулаком; повернуться к собеседнику спиной; не смотреть на собеседника; сидеть, развалившись в кресле [Leontovich, Nikitina, 2024]; опоздать; отпихнуть; фыркнуть; игнорировать; молчать; вламываться и т. д.:

(12) – Какой? – не поняла хозяйка. Я **невежливо** ткнула пальцем: – Да вот этот! (Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда. 2006);

(13) Дядька **невежливо** захлопнул дверь прямо перед их носом... (Марианна Баконина. Девять граммов пластита. 2000);

(14) ...Огородов не выдержал и даже отпихнул ее **невежливо**... (Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // Знамя. 2000).

С точки зрения конверсационного анализа нормативными считаются **смежные репликовые пары**, которыми обмениваются коммуниканты, такие как вопрос – ответ, жалоба – оправдание, приглашение – согласие, приветствие – приветствие, прощание – прощание и т. д. [Леонтович, 2011, с. 121]. Отклонение от этой закономерности автоматически трактуется как невежливость:

(15) – Не отвечать на вопросы старших **невежливо**, – говорит он (В.В. Лорченков. Копи царя Соломона // Волга. 2011);

(16) Официант (негромко о Галине): Витя, почему твоя жена со мной не здоровается?... Мне, конечно, все равно, но **невежливо** как-то с ее стороны... (Александр Вампилов. Утиная охота. 1968);

(17) Так что, я полагаю, мы с вами можем закрыть глаза на то, что Ира забывает сказать «спасибо» и «пожалуйста» и вообще ведет себя **невежливо** (Александра Маринина. Иллюзия греха. 1996).

Вежливость также может трактоваться в терминах **предпочтительных / не-предпочтительных коммуникативных действий** [Леонтович, 2011, с. 121]. Чем более ожидаема и позитивна реакция адресата, тем она предпочтительнее для субъекта коммуникации (адресанта) и тем более вежливой ему представляется. Такие реакции, как правило, выражают согласие или положительное действие. В нашем материале они представлены редко, поскольку расцениваются как сами собой разумеющиеся. На нарушения же собеседник сразу обращает внимание (например, на молчание вместо ответа, отрицательный ответ на предложение, отказ от общения и т. д.):

(18) Конечно, мы поступаем крайне **невежливо**, отвергая предлагаемые нам услуги, будем надеяться, что наш поступок простят гостеприимные хозяева (Сергей Жемайтис. Большая лагуна. 1977);

(19) Было бы просто **невежливо** отказаться, причинить огорчение этой славной, заботливой женщине, так сохранившей постоянную доброту и сердечное тепло этого дома (С.В. Сартаков. Философский камень. Книга вторая. 1956–1970).

Непредпочтительные действия оцениваются негативно. Интересно, что в этом случае слово *вежливо* используется для смягчения несогласия или отказа, показывая, что человек осуществляет их не резко и грубо, а отдавая себе отчет в нежелательности подобной реакции для адресата:

(20) Я пробовал приклеиться к свободным военным девам, но они... **вежливо** уклонялись от дальнейших гуляний, особенно по саду (Виктор Астафьев. Обертон. 1995–1996);

(21) Я предложила гостю рюмочку ликера. М. **вежливо** отодвинул ее кончиками пальцев. – Я не пью (Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру. 1987);

(22) Она **вежливо** высвободила руку и пошла прочь... (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын. 2014).

Векторность коммуникации. Описание вежливого или невежливого поведения может относиться как к действиям субъекта, так и к реакции адресата. Заметим, что метакомментарий *вежливо* по отношению к себе встречается достаточно редко:

(23) ...Я молчала и **вежливо** пила чай с лимоном... (Игорь Сахновский. Острое чувство суббота. Восемь историй от первого лица. 2012).

Чаще он употребляется с долей самоиронии или юмористически:

(24) Когда Аленка меня увидела, она сразу заорала: – Дениска пришел! Ого-го! Я **вежливо** сказал: – Здравствуйте! Чего орешь, как дура? (В.Ю. Драгунский. Профессор кислых шей. 1964).

Слово *невежливо* по отношению к собственному коммуникативному поведению встречается намного чаще и свидетельствует о рефлексии, осуществляемой в рамках автомониторинга – контроля за своими действиями:

(25) Я теряюсь: мне не хочется попадать в его могучие объятия, а откровенно уклониться кажется **невежливо** (Ольга Сувчинская. От мира до кругозора // Октябрь. 2003).

Реакция на речь субъекта может также характеризоваться как вежливая либо невежливая:

(26) ...Зал **вежливо** похохатывал... (Александр Мардань. Тайна на троих // Дальний Восток. 2019);

(27) И вообще, говори по-английски. **Невежливо**. – А вламываться без стука **вежливо**? (И.Ю. Стогов. Мачо не плачут. 2001).

Вежливость может проявляться по отношению не только к людям, но и к животным или неодушевленным объектам:

(28) Приятно слышать, что вы так **вежливо** обращаетесь с котом (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Часть 2. 1929–1940).

С другой стороны, им также может приписываться разная степень вежливости, которая становится при этом средством их одушевления и даже очеловечивания:

(29) Он [ежик] свернулся в комок и **невежливо** фыркает... (К.И. Чуковский. Серебряный герб. 1936);

(30) ...Главное здание Музея Ван Гога, довольно **невежливо** повернутое к площади задним фасадом... (Анастасия Смирнова, Мария Бейкер, Ольга Гринкнут. Амстердам. 2014);

(31) ...Это подслушивающее устройство то и дело **невежливо** ломалось, прерывая наши разговоры (Евгений Евтушенко. Волчий паспорт. 1999).

Коррекция своего или чужого коммуникативного поведения. В случае, если какое-либо действие воспринимается как невежливое, коммуникант поправляет себя или своего собеседника. Прогностическая и корректирующая функции мониторинга коммуникации выступают как неотъемлемые составляющие процесса общения [Leontovich, Nikitina, 2024]. Их позитивная роль обусловлена вниманием к своей или чужой речи, стремлением к правильности и точности выражения, способностью предотвратить возможные обиды и коммуникативные сбои:

(32) Мне хотелось, чтобы она ушла, но сказать это было **невежливо** (Виктория Токарева. Пираты в далеких морях. 1964–1994);

(33) Но все же выпил. Потому что не выпить было **невежливо** (Виктор Левашов. Заговор патриота. 2000).

При этом чрезмерное количество исправлений и замечаний, их неуместность или форма выражения могут нарушать атмосферу доверительности и искренности коммуникации. Рефлексируя, человек регулирует собственное коммуникативное поведение, воздерживаясь от ненужных высказываний:

(34) ...Пытаться корректировать, например, игру Ойстраха или голос Паваротти **невежливо**, да и нелепо (Эта музыка будет вечной // Мир & Дом. Санкт-Петербург. 2003. 15 окт.).

Разная степень вежливости / невежливости. Как любое абстрактное понятие, вежливость характеризуется многоплановостью, что выражается в большом количестве синонимов и тонкой нюансировке значений, а также предполагает варьирование компонента «степень проявления», который, как указывает Е.В. Пупынина, включает информацию об интенсивности, эмоциональном восприятии, продолжительности действия и т. д. [Пупынина, 2011, с. 146].

В НКРЯ представлены примеры с использованием словосочетаний: *почти вежливо, довольно вежливо, очень вежливо, чрезвычайно вежливо, слишком вежливо; не особо вежливо, не очень вежливо, почти невежливо, несколько невежливо, достаточно невежливо, довольно невежливо, весьма невежливо, очень невежливо, совсем невеж-*

ливо, совершенно невежливо, крайне невежливо, ужасно невежливо.

Это также связано с вышеупомянутой размытостью понятия, его неопределенностью и заставляет задуматься: а какая степень вежливости является нормой? какая достаточна, а какая чрезмерна? где грань, отделяющая вежливость от невежливости?

(35) ...Ведущий концерта спросил за кулисами одного из выступавших в тот вечер, покрутив при этом пальцем у виска (не очень **вежливо**, зато выразительно!): «Она что – того?» (И.К. Архипова. Музыка жизни. 1996);

(36) ...Когда Гумилев пригласил Белого с женой к нам в Царское Село, тот почти **невежливо** уклонился (А.А. Ахматова. Автобиографическая проза. 1957–1965);

(37) – Вы свободны, – достаточно **невежливо** сказала брюнетка своему партнеру (Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи. 2010).

Очевидно, достаточность либо недостаточность вежливости определяются в соответствии с социальными ожиданиями, которые могут различаться в зависимости от ситуации и социального окружения.

Интересно также употребление исследуемых слов с маркерами *по меньшей мере, по крайней мере*:

(38) – Разве мама не учила вас, что, когда к вам обращается джентльмен, игра в молчанку выглядит по крайней мере **невежливо**? (Майя Валеева. Кусаки, рыжий бес // Наука и жизнь. 2008).

Если «по крайней мере невежливо», то какая характеристика коммуникативного поведения должна последовать далее?

Хотя вежливость традиционно оценивается положительно, анализ показывает, что она многолика и не всегда позитивна. *Вежливо* само по себе хорошо и не нуждается в интенсификации. *Очень вежливо* меняет оценку ситуации и заставляет задуматься: а зачем это *очень*? Подчеркнутая вежливость может выступать как способ дистанцироваться от собеседника, как средство манипуляции, попытка прикрыть чересчур вежливым коммуникативным поведением свое недовольство или иные чувства:

(39) Заодно вкрутил лампочку в люстру и натаскал воды из колодца. Ольга держалась подчерк-

нито **вежливо**. Ходила за ним по пятам и говорила: «Не надо» (Маша Трауб. Ласточ...ка. 2012).

Чрезмерная вежливость может настораживать или пугать собеседника, вызывая отрицательные эмоции:

(40) Старик же **вежливо** улыбался, слишком **вежливо**, и это было еще страшнее (Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // Октябрь. 1996).

Составляя неотъемлемую часть каждодневного общения, которой с детства обучают детей, вежливость нередко воспринимается как нечто надоевшее, скучное, будничное:

(41) Все прилично, **вежливо**, аккуратно, пресно (Татьяна Толстая. Эмануил // Русская жизнь. 2012).

Однако обращает на себя внимание, что именно из-за этой будничности слово *вежливо* нередко используется как часть оксюморона, где столкновение противоречащих друг другу понятий производит неожиданный эффект, например: *вежливо наезжать, выпроваживать, отодвинуть, толкаться* и т. д.:

(42) Он все это время находился бок о бок с ней и губил ее – **вежливо**, без рукоприкладства, отчужденно, ненамеренно, беспричинно (А.Н. Бузулукский. Пальчиков // Волга. 2014);

(43) В конце концов, Захар всегда может сказать, что с ним говорили эти самые они и **вежливо** велели всем убираться подобру-поздорову (Мария Галина. Куриный Бог. 2013).

Сочетания слов *вежливо* и *невежливо* с конкретизаторами также демонстрируют многоликость исследуемых понятий и характеризуют разные оттенки коммуникативного поведения. В НКРЯ нами обнаружены такие сочетания, как: *вежливо и изысканно; дипломатически вежливо; мягко и вежливо; вежливо, даже покорно; вежливо и немного заискивающе; вежливо, и даже подобострастно; вежливо, но суховато; вежливо, но холодно и важно; иронично-вежливо; нахально, но и одновременно вежливо; вежливо, но напористо; вежливо и ехидно* и т. д. Как видно, вежливость далеко не всегда может трактоваться как положительное явление, способствующее коммуни-

кативной гармонии. Приводимые ниже примеры еще в большей степени иллюстрируют эту мысль, показывая, как вежливость может усиливать негативные эмоции. В ситуации конфликта человек хочет излить свои чувства, ожидая, что партнер по коммуникации также проявит эмоции, а затем последует примирение. Вежливость же становится глухой стеной, которой отгораживается собеседник, демонстрируя отсутствие ответных чувств, способности к состраданию и прощению:

(44) Лаврентий умеет это делать **вежливо** и неотвратно (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Часть 4. 1978);

(45) – А вот вы прочтите письмо, – посоветовал офицер и улыбнулся снова, спокойно, **вежливо** и жестоко (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Часть 1. 1943–1958).

В то же время невежливое поведение может быть сопряжено с добрыми намерениями:

(46) Хотя неизвестный человек тащил меня весьма **невежливо** и решительно, я почему-то подумал, что это друг, который хочет меня спасти (Владимир Войнович. Москва 2042. 1986).

Восприятие вежливости в разных лингвокультурах. Как мы уже показали при анализе этимологии слова *вежливость* в разных языках, концептуализация этого понятия культурно-специфична. Она обусловлена как его происхождением, так и различиями в этических нормах, этикете и базовых ценностях. Извлеченные из НКРЯ примеры показывают, что эти расхождения заметны носителям русского языка и также становятся элементом рефлексии:

(47) Кстати, как вы относитесь к персональной и политической корректности? Это было совершенно некстати, к РС я не относился никак. Плевать я на нее хотел, на проблему этой корректности, но это было грубо и **невежливо**, и я промямлил что-то (Владимир Березин. Свидетель // Знамя. 1998);

(48) Японцы при разговоре смотрят на вашу шею. Глядеть прямо в лицо по их понятиям **невежливо**. А вот у арабов просто необходимо смотреть на того, с кем разговариваешь. Иначе на тебя обидятся (С. Флаич. Говорящий взгляд // Трамвай. 1991);

(49) Проявлять навязчивость, пытаться разговаривать с незнакомым человеком, по английским

представлениям не только **невежливо**, но в определенных случаях даже преступно – за это могут привлечь к уголовной ответственности (Всеволод Овчинников. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах (1974–1978) // Новый мир. 1979).

Позволим себе в дополнение к контекстам из НКРЯ привести пример из российской прессы, который касается визита российских политиков в Северную Корею:

(50) Министров обороны и иностранных дел России Андрея Белоусова и Сергея Лаврова вывели из зала в КНДР из-за местных норм вежливости... <...> В то время когда члены российской делегации занимали места и доставали бумаги из портфелей, к ним обратился северокорейский чиновник с просьбой покинуть помещение. Он пояснил, что сначала в зал заседаний должен войти лидер КНДР Ким Чен Ын (Lenta.ru).

В случае подобных расхождений специалисты по этикету рекомендуют не оскорбляться и принять нормы принимающей культуры как данность.

Заключение

Представляется, что приведенный выше анализ в общих чертах отражает достаточно типичное восприятие вежливости носителями русского языка и позволяет сделать следующие выводы.

1. Лексемы *вежливо* и *невежливо* обозначают абстрактные понятия, сложность интерпретации которых обусловлена размытостью их содержания, зависимостью от социальных условий реализации, а также необходимостью учета их диалогической природы. Как любые абстрактные понятия, они многоплановы, что выражается в большом количестве характеризующих их синонимов, интенсивности, эмотивности и тонкой нюансировке их значений. При этом достаточно сложно определить, какая степень вежливости является нормой, какая достаточна либо чрезмерна и где находится грань, отделяющая вежливость от невежливости.

2. Проанализированные контексты из НКРЯ показывают, что обе лексемы используются для метакоммуникативной характеристики как вербального, так и невербального

коммуникативного поведения: *вежливо* – для описания действий, соотносящихся с тактом и заботой о комфорте окружающих, а *невежливо* – поступков, выражающих порицаемое в обществе поведение. С точки зрения конвенционального анализа нормативными считаются смежные репликовые пары, которыми традиционно обмениваются коммуниканты, а также предпочтительные коммуникативные действия, соответствующие социальным ожиданиям. Отклонение от этой нормы автоматически трактуется как невежливость. При осуществлении непредпочтительных действий слово *вежливо* может использоваться для смягчения несогласия или отказа.

3. В аспекте векторности коммуникации метакомментарии *вежливо* или *невежливо* могут относиться как к действиям субъекта, так и к реакции адресата. *Вежливо* по отношению к себе встречается редко и используется как самоирония или юмор, в то время как *невежливо* – намного чаще и свидетельствует о рефлексии, осуществляемой в рамках автотестирования, то есть контроля за своими действиями. Эти лексемы также используются для выполнения прогностической и корректирующей функций мониторинга коммуникации.

4. Хотя вежливость традиционно оценивается положительно, результаты анализа позволяют заключить, что она многолика и не всегда позитивна. Подчеркнутая вежливость может выступать как способ дистанцирования от собеседника, средство манипуляции, стремление прикрыть чересчур вежливым коммуникативным поведением свое недовольство или иные чувства. Сочетания лексем *вежливо* и *невежливо* с конкретизаторами также демонстрируют многоплановость исследуемых понятий и характеризуют разные оттенки коммуникативного поведения. Частотное использование слова *вежливо* для создания эффекта оксюморона, где столкновение диаметральных по своей оценочности понятий создает впечатляющий стилистический эффект.

5. Различия во внутренней форме слова *вежливость* в русском и других языках, проецируемые на этические принципы, этикетные нормы и базовые ценности, указывают на расхождение в концептуализации этих понятий и должны учитываться при межкультурных контактах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе», проект № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

The reported study was funded by RSF “Linguistic mechanisms of social interaction: politeness in lexis and discourse”, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

² Выражаю благодарность Н.Н. Котельниковой за консультацию относительно внутренней формы слова в китайском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В. М., 2018. Вежливость и этикет (на русском и японском материале) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М. : Полит. энцикл. С. 7–12.
- Брагина Н. Г., 2024. Категория вежливости: русские императивные речевые клише в диалоге // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 15, № 3. С. 219–233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Брагина Н. Г., Васютина Е. В., 2024. Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 8. С. 42–55. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-42-55
- Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации, 2018 / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М. : Полит. энцикл. 318 с.
- Жельвис В. И., 2014. Лингвокультурологический анализ дихотомии «прилично – неприлично» в англоязычных и русской культурах // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. № 4. С. 101–118.
- Иссерс О. С., 2018. Грани «приличного / неприличного» в публичной коммуникации (на примере интервью Юрия Дудя *) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М. : Полит. энцикл. С. 94–103.
- Иссерс О. С., 2023. Бестактный вопрос как коммуникативная проблема русской речевой культуры // Русский язык за рубежом. № 5. С. 22–30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003
- Иссерс О. С., 2024. Представления о границах личного пространства и такте в русской коммуникативной культуре (по данным социолингвистического эксперимента) // Слово.ру: бал-

тийский акцент. Т. 15, № 3. С. 150–171. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-9

- Кронгауз М. А., 2023. Семантические и прагматические перевоплощения слова «матушка» // Русский язык за рубежом. № 5. С. 48–56. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.007
- Кронгауз М. А., Клокова К. С., Шульгинов В. А., Юдина Т. А., 2024. Мать, жена, подруга: семантика и прагматика одного обращения // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 15, № 3. С. 172–189. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-10
- Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Яз. слав. культур. 512 с.
- Ларина Т. В., 2018. Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М. : Полит. энцикл. С. 133–144.
- Леонтович О. А., 2011. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис. 224 с.
- Леонтович О. А., 2023. Магия вежливости или диктат политической корректности? Соотношение понятий // Русский язык за рубежом. № 5. С. 16–21. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.002
- Леонтович О. А., 2025. Лингвоэтические аспекты политической корректности // Язык и культура. № 69. С. 59–82. DOI: 10.17223/19996195/69/3
- Пупынина Е. В., 2011. Абстрактные существительные как лингвистическая проблема (на материале английского языка) // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. № 18 (113), вып. 11. С. 142–150.
- Старобинский Ж., 2002. Поэзия и знание : История литературы и культуры : в 2 т. М. : Яз. слав. культуры. Т. 1. 496 с.
- Шаронов И. А., 2015. Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М. : Яз.слав. культуры. С. 141–184.
- Шмелёв А. Д., 2016. Ты и вы в русском речевом этикете: вариативность норм // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 9 (18). С. 61–66.
- Leontovich O. A., Nikitina A. V., 2024. Communication Monitoring as a Politeness Mechanism // Training, Language and Culture. Vol. 8, iss. 3. P. 62–72. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-62-72

* Данное лицо включено в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

- Malyuga E., Maksimova D., Ivanova M., 2019. Cognitive and Discursive Features of Speech Etiquette in Corporate Communication // International Journal of English Linguistic. Vol. 9, № 3. P. 310–318. DOI: 10.5539/ijel.v9n3p310
- Tivyaeva I. V., Abdulmianova D. R., 2023. Digital Politeness in Online Translator and Interpreter Training: The Lessons of the Pandemic // Training, Language and Culture. Vol. 7, iss. 1. P. 101–115. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-101-115

ИСТОЧНИКИ

- «Их право». Выпровождение Белоусова и Лаврова из зала в КНДР объяснили в школе протокола // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/20/ih-pravo-vyprovozhdenie-belousova-i-lavrova-iz-zala-v-kndr-ob-yasnili-v-shkole-protokola/>
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

СЛОВАРИ

- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт ; М. : Рипол классик, 2008. 1534, [1] с.
- БТСРС* – Большой толковый словарь русских существительных / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ Пресс : АСТ-Пресс Книга, 2008. 862, [1] с.
- Семенов* – Этимологический словарь русского языка Семенова. URL: <https://rus-etmo-semenov-dict.slovaronline.com/>
- Ушаков* – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 1. А – Кюрины. М. : Сов. энцикл., 1935. LXXVI, 1562 стб., [1] с.
- ЭСРЯ* – Этимологический словарь русского языка. URL: <https://vasmer.slovaronline.com/>
- OED* – Online Etymology Dictionary <https://www.etymonline.com/>

REFERENCES

- Alpatov V.M., 2018. Vezhlivost i etiket (na russkom i yaponskom materiale) [Politeness and Etiquette (On the Russian and Japanese Material)]. Sharonov I.A., ed. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Antipoliteness in Language and Communication]. Moscow, Polit. encikl. Publ., pp. 7-12.
- Bragina N.G., 2024. Kategoriya vezhlivosti: russkie imperativnye rechevye klishe v dialoge

- [Category of Politeness: Russian Imperative Speech Clichés in Dialogue]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 15, no. 3, pp. 219-233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Bragina N.G., Vasyutina E.V., 2024. Rechevoy akt izvineniya v kontekste sovremennoy setevoy publichnosti [Apology Speech Act in the Context of Modern Online Publicity]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies Series], no. 8, pp. 42-55. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-42-55
- Sharonov I.A., ed., 2018. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Antipoliteness in Language and Communication]. Moscow, Polit. encikl. Publ. 318 p.
- Zhelvis V.I., 2014. Lingvokulturologicheskiy analiz dikhonomii «prilichno – neprilichno» v angloyazychnykh i russkoy kulturakh [Linguistic and Cultural Analysis of the Dichotomy Decent – Indecent in English and Russian]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, no. 4, pp. 101-118.
- Issers O.S., 2018. Grani «prilichnogo/neprilichnogo» v publichnoy kommunikatsii (na primere intervyyu Yuriya Dudy) [Facets of “Decent/Indecent” in Public Communication (On the Example of Jurij Dud’s Interview)]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Antipoliteness in Language and Communication]. Moscow, Polit. encikl. Publ., pp. 94-103.
- Issers O.S., 2023. Bestaktnyy vopros kak kommunikativnaya problema russkoy rechevoy kultury [Tactless Question as a Communicative Problem in Russian Speech Culture]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 22-30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003
- Issers O.S., 2024. Predstavleniya o granicakh lichnogo prostranstva i takte v russkoy kommunikativnoy kulture (po dannym sotsiolingvisticheskogo eksperimenta) [Ideas About Private Space Boundaries and Tact in Russian Communicative Culture: Results of a Sociolinguistic Experiment]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 15, no. 3, pp. 150-171. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-9
- Krongauz M.A., 2023. Semanticheskie i pragmaticheskie perevoploshcheniya slova «matushka» [Semantic and Pragmatic Transformations of the Russian Word Matushka ‘Mother’]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 48-56. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.007

- Krongauz M.A., Klokova K.S., Shulginov V.A., Yudina T.A., 2024. Mat, zhen, podrug: semantika i pragmatika odnogo obrashheniya ['Mother', 'Wife' and 'Friend': Semantics and Pragmatics of an Address]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 15, no. 3, pp. 172-189. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-10
- Larina T.V., 2009. *Kategoriya veshlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguacultural Traditions]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 512 p.
- Larina T.V., 2018. Veshlivost, neveshlivost i grubost v mezhkulturnom aspekte [Politeness, Impoliteness and Rudeness in an Intercultural Aspect]. Sharonov I.A., ed. *Veshlivost i antiveshlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Antipoliteness in Language and Communication]. Moscow, Polit. encikl. Publ., pp. 133-144.
- Leontovich O.A., 2011. *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Methods of Communication Research]. Moscow, Gnozis Publ. 224 p.
- Leontovich O.A., 2023. Magiya veshlivosti ili diktat politicheskoy korrektnosti? Sootnoshenie ponyatiy [Magic of Politeness or Dictate of Political Correctness? Correlation of Concepts]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 16-21. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.002
- Leontovich O.A., 2025. Lingvoeticheskie aspekty politicheskoy korrektnosti [Linguistic and Ethical Aspects of Political Correctness]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 69, pp. 59-82. DOI: 10.17223/19996195/69/3
- Pupynina E.V., 2011. Abstraktnye sushchestvitelnye kak lingvisticheskaya problema (na materiale angliyskogo yazyka) [Abstract Nouns as a Linguistic Problem in the English Language]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 18 (113), iss. 11, pp. 142-150.
- Starobinskiy Zh., 2002. *Poeziya i znanie: Istoriya literatury i kultury: v 2 t.* [Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture. In 2 Vols.]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., vol. 1. 496 p.
- Sharonov I.A., 2015. Poisk i opisaniye kommunikativov na osnove natsionalnogo korpusa russkogo yazyka [Search for and Description of Communicatives Based on the National Corpus of the Russian Language]. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: kompjuterno-korpusnyy podhod* [Methods of Cognitive Analysis of Word Semantics: A Computer-Corpus Approach]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 141-184.
- Shmelev A.D., 2016. Ty i vy v russkom rechevom etikete: variativnost norm [Ty and vy in the Russian Speech Etiquette: Variation of Linguistic Standards]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"], no. 9 (18), pp. 61-66.
- Leontovich O.A., Nikitina A.V., 2024. Communication Monitoring as a Politeness Mechanism. *Training, Language and Culture*, vol. 8, iss.3, pp. 62-72. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-62-72
- Malyuga E., Maksimova D., Ivanova M., 2019. Cognitive and Discursive Features of Speech Etiquette in Corporate Communication. *International Journal of English Linguistic*, vol. 9, no. 3, pp. 310-318. DOI: 10.5539/ijel.v9n3p310
- Tivyaeva I.V., Abdulmianova D.R., 2023. Digital Politeness in Online Translator and Interpreter Training: The Lessons of the Pandemic. *Training, Language and Culture*, vol. 7, iss.1, pp. 101-115. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-101-115

SOURCES

- «Ih pravo». Vyprovozhdenie Belousova i Lavrova iz zala v KNDR obyasnili v shkole protokola ["Their Right": The Expulsion of Belousov and Lavrov from the Hall in North Korea Was Explained by the School of Protocol]. *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/20/ih-pravo-vyprovozhdenie-belousova-i-lavrova-iz-zala-v-kndr-ob-yaasnili-v-shkole-protokola/>
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/>

DICTIONARIES

- Kuznecov S.A., ed. *Bolshoj tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ.; Moscow, Ripol klassik Publ., 2008. 1534, 1 p.
- Babenko L.G., ed. *Bolshoj tolkovyy slovar russkikh sushhestvitelnykh* [Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns]. Moscow, AST Press Publ., AST-Press Kniga Publ., 2008. 862, 1 p.
- Etimologicheskij slovar russkogo yazyka Semenova* [Etymological Dictionary of the Russian

Language by Semenov]. URL: <https://rus-etmo-semenov-dict.slovaronline.com/>
Ushakov D.N. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka. T. 1. A – Kyuriny* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1. A – Kyuriny]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1935. LXXVI, 1562 cols., 1 p.

Etimologicheskij slovar russkogo jazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://vasmer.slovaronline.com/>
Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>

Information About the Author

Olga A. Leontovich, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia; Chief Researcher, Laboratory of Philological Studies, Department of Research, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, olgaleo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

Информация об авторе

Ольга Аркадьевна Леонтович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия; главный научный сотрудник лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, olgaleo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.3>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 30.03.2025
Accepted: 05.06.2025

COMMUNICATION STRATEGY OF ASSESSMENT AND ITS TACTICS IN THE ASPECT OF THE CATEGORY OF POLITENESS (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND BRITISH COMPETITIVE TV-SHOWS)

Anastasia S. Gerasimova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia;
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Oxana S. Issers

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia;
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the assessment strategy and its tactics in Russian and English creative competitive TV-shows in terms of the principles of politeness. Public communication sets special conditions for jury members' choice of assessment strategy and its tactics. The identification of assessment techniques and the choice of their linguistic design are carried out with consideration to the communicative features of Russian and British linguistic cultures, the discursive characteristics of the TV-show, as well as the format of the TV-project. The article describes tactics of positive politeness in Russian and British creative competitive TV-shows (*Nu-ka, vse vmeste!* (*All Together Now!*) and *Britain's Got Talent*) that reflect both general techniques of polite speech behaviour of jury members and its national and cultural specifics. The research showed that the production of a polite assessment judgment depends on several factors as follows: the format of the TV-show, the specifics of the contestants' performances, the factor of maintaining a positive face of the communicants, as well as the type of linguistic culture and the norms of polite behaviour established in it. The following tactics were identified as universal assessment techniques: "Admiration," "Praise," "Compliment," "Self-presentation," "Appeal to personal experience." Russian culturally specific techniques include the tactics called "Assessment in terms of the professional norm" and "Assessment of the emotional influence." British culturally specific tactics are as follows: "Best performance," "It's impossible!" and "You are special."

Key words: communication strategy, communication tactic, communicative behavior, category of politeness, positive politeness, assessment, ways of expressing assessment, TV-show discourse.

Citation. Gerasimova A.S., Issers O.S. Communication Strategy of Assessment and Its Tactics in the Aspect of the Category of Politeness (Based on the Material of Russian and British Competitive TV-Shows). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 30-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.3>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 30.03.2025
Дата принятия статьи: 05.06.2025

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКИ ОЦЕНИВАНИЯ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОГО И БРИТАНСКОГО СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ ТЕЛЕШОУ)¹

Анастасия Сергеевна Герасимова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия;
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Оксана Сергеевна Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия;
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Представлены результаты сопоставительного анализа стратегии оценивания и реализующих ее тактик в творческих состязательных телешоу на российском и британском телевидении в аспекте соблюдения принципов вежливости. Публичное общение задает особые условия для выбора членами жюри стратегии оценивания и ее тактик. Выявление приемов оценивания и выбора их языкового оформления осуществляется с учетом коммуникативных особенностей русской и британской лингвокультур, дискурсивных характеристик телешоу, а также формата телепроекта. Описаны тактики позитивной вежливости в российском и британском творческих состязательных телешоу («Ну-ка, все вместе!» и «Британия ищет таланты»), отражающие как общие приемы вежливого речевого поведения членов жюри, так и его национально-культурную специфику. Установлено, что построение вежливого оценочного суждения зависит от нескольких факторов: формата телешоу, специфики выступлений конкурсантов, фактора сохранения позитивного лица коммуникантов, а также от типа лингвокультуры и установленных в ней норм вежливого поведения. В качестве универсальных приемов оценивания были выделены тактики «Восхищение», «Похвала», «Комплимент», «Самопрезентация», «Апелляция к личному опыту». Культурно-специфическими приемами в российском телешоу стали тактики «Оценка относительно профессиональной нормы», «Оценка эмоционального воздействия», в британском – «Лучшее выступление», «Это невозможно!», «Ты особенный».

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативное поведение, категория вежливости, позитивная вежливость, оценивание, способы выражения оценки, дискурс телешоу.

Цитирование. Герасимова А. С., Иссерс О. С. Коммуникативная стратегия и тактики оценивания в аспекте категории вежливости (на материале российского и британского состязательных телешоу) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 30–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.3>

Введение

За последние два десятилетия творческие телешоу стали одним из самых популярных развлекательных медиаформатов. Будучи гибридными по своей жанровой природе, такие телепередачи сочетают в себе элементы шоу, конкурса, включают короткие интервью. Как следствие, зрелищность становится не единственным условием, способствующим востребованности проекта. Огромную роль в успехе проекта играет коммуникативный компонент, а именно организация диалогов в телешоу: зрители наблюдают, как члены жюри, ведущие и конкурсанты выстраивают взаимодействие между собой, какие приемы вежливости используют для того, чтобы, критикуя, сохранить лицо собеседника и собственный имидж, расположить к себе массового зрителя. Несмотря на возможные столкновения мнений и расхождения оценок конкурсантов членами жюри, публичный характер телевизионного дискурса определяет принцип вежливого поведения как базовый для коммуникации в телешоу.

На основе классических работ по теории вежливости [Leech, 1983; Brown, Levinson, 1987; Lakoff, 1989] в отечественной лингвистике появились исследования, в которых категория вежливости описывается с позиций

норм и принципов русской лингвокультуры, русского речевого этикета, конфликтогенной коммуникации, лингвоэкологии и др. [Формановская, 1982; Кронгауз, 2004; Ларина, 2009; 2019; Larina, Ponton, 2020; Брагина и др., 2021].

Особое направление работ представляет анализ категории вежливости в медиaprостранстве, в том числе на ТВ [Марков, 2018; Герасимова, 2023] и в интернет-дискурсе [Евсеева, Кожеко, 2014; Башканкова, Хромников, 2020].

Широкий спектр направлений и подходов в исследовании вежливого и невежливого коммуникативного / речевого поведения свидетельствуют о том, что вежливость является одной из наиболее актуальных для социального взаимодействия коммуникативных категорий, изучение которой далеко от своего завершения. Особой сферой реализации категории вежливости становится речевое поведение в условиях публичного общения, в частности на ТВ, где фактор двойного адресата (непосредственных собеседников и массовой аудитории) задает особые условия для выбора коммуникативной стратегии и тактики.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы с учетом национально-культурных различий в речевом поведении выявить и описать тактики позитивной вежливости в российском и британском творчес-

ких состязательных телешоу, используемые членами жюри при оценивании участников данных телепроектов.

Материал и методы

В исследовании проводится сопоставительный анализ стратегии оценивания и реализующих ее тактик в творческих состязательных телешоу на российском и британском ТВ в аспекте соблюдения принципов вежливости. Выявление приемов оценивания осуществляется с учетом коммуникативных особенностей русской и британской лингвокультур, дискурсивных характеристик телешоу, а также формата телепроекта.

Материалом для анализа послужили 120 положительных оценочных высказываний из двух проектов, транслируемых в 2024 г. на российском и британском телевидении, – «Ну-ка, все вместе!» и «Britain's Got Talent» («Британия ищет таланты»). Объемы выборки по каждому проекту соотносятся примерно 50/50 и составляют 63 и 57 развернутых высказывания соответственно. Положительные оценочные высказывания были избраны в качестве объекта наблюдения и анализа в связи с тем, что в прагматическом плане они мотивируются установкой на кооперативное общение, не содержат коммуникативного риска, а значит, всегда направлены на выражение суждения, не наносящего вреда лицу собеседника, то есть соответствуют принципам вежливого поведения.

Российский проект «Ну-ка, все вместе!» позиционируется в СМИ как «народное шоу», в котором участники и судьи буквально поют все вместе (ВайТ Медиа). Конкурсанты всех возрастов представляют свои вокальные номера перед так называемой «звездной сотней» судей. В их число входят известные певцы, композиторы, продюсеры, музыкальные блогеры, а также представители разных профессий, которые разбираются в музыке и сами хорошо поют. После выступления члены жюри высказывают свое мнение относительно увиденного и услышанного.

Британский проект «Britain's Got Talent» представляет собой телевизионное шоу талантов, в котором могут принять участие конкурсанты любого возраста, представив свой твор-

ческий номер. Конкурсанты стремятся произвести впечатление на четырех судей – звездный состав жюри, куда входят: Саймон Коуэлл (Simon Cowell) – телеведущий, продюсер; Алиша Диксон (Alesha Dixon) – певица, модель; Аманда Холден (Amanda Holden) – актриса, телеведущая; Бруно Тониоли (Bruno Tonioli) – телеведущий, хореограф. После выступления каждый судья оценивает представленный номер и голосует «за» или «против» участника.

Функциональная и содержательная сложность телевизионного дискурса в жанре развлекательного телешоу предопределили использование в работе методов коммуникативно-дискурсивного и структурно-семантического анализа. Для обозначения тактик, реализующих категорию вежливости в рамках определенной лингвокультуры, использовались «семантические бирки», представляющие инвариантную семантику отдельных высказываний.

Значимыми для задач сопоставительного исследования считаются такие факторы, как основания оценки и способы ее языковой репрезентации. Таким образом, гипотеза исследования заключается в том, что в российском и британском телешоу существуют универсальные основания оценки и, как следствие, универсальные коммуникативные тактики оценивания. Однако можно также предположить, что в рамках типичных сюжетных линий форматов российского и британского телешоу, в которых оценивание является основной сценарной концепции, существуют лингвокультурные различия в рамках оценочных высказываний. Такие различия могут обнаруживаться и в самом наборе коммуникативных приемов, и в шкале оценивания.

Результаты и обсуждение

Общая характеристика коммуникативного проведения членов жюри при оценивании в российском и британском телешоу

Коммуникация в творческом состязательном телешоу представляет собой особую форму публичного взаимодействия, при котором социальные роли всех его участников рас-

пределяются иерархически. Так, статус члена жюри, наставника или критика всегда выше, чем статус конкурсанта, что порождает асимметрию речевых ролей. Предполагается, что оценочное суждение представителя третьей стороны имеет характер «экспертности» и априори не может быть неправильным. Такая «экспертность» подкрепляется «звездным» имиджем членов жюри, сформированным в медиапространстве за длительное время. Именно поэтому в обеих лингвокультурах в ситуациях негативной оценки члены жюри, оперируя определенными тактическими приемами (например, используя комплимент), стремятся сохранить лицо участника, тем самым сохраняя и свое публичное лицо.

По мнению П. Браун и С. Левинсона, основоположников теории «сохранения лица», в рамках позитивной вежливости отправитель сообщения применяет специальные речевые средства, которые помогают получателю сообщения сохранить свое «положительное лицо» [Brown, Levinson, 1987]. Таким образом, основной целью позитивной вежливости становится убеждение собеседника в том, что он / она является другом, ценной фигурой, «своим». Это особенно важно для формата творческого состязательного телешоу, где вежливость выступает не только как базовая коммуникативная категория, но и как инструмент коммуникативного сближения в условиях публичного общения, который помогает создать позитивный эмоциональный фон телешоу.

Оценка – одна из ключевых лингвистических категорий, принимающая участие в организации языкового взаимодействия [Темиргазина, 1999]. Исходя из того, что оценивание – это когнитивный акт, включающий аксиологические параметры, в результате которого сообщается адресату отношение индивида к оцениваемому объекту с целью определения значимости этого объекта для жизни и деятельности индивида, можно сделать вывод, что логическая структура оценки постоянна и независима от языковой реализации. В логике принято выделять четыре компонента структуры оценки: «субъект», «объект», «основание» и «характер» оценки [Ивин, 1970]. Для формата телешоу субъектами оценки являются члены жюри, объектом – выступле-

ния конкурсантов, а оценочное отношение включает шкалу оценок и стереотипы, которые служат опорой для выбора субъектом языковой формы при оценивании.

Оценочные суждения в российском телешоу имеют развернутый характер. С точки зрения оценочного отношения высказывания отличаются разнообразием мотивов субъекта: они могут содержать детализированное описание его чувств, эмоций, личного опыта члена жюри, различные отсылки к пониманию эталонного выступления, а также подробную характеристику представленного номера с профессиональной точки зрения:

(1) *Николай Ерохин (премьер-тенор Московского академического музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко)*: Ринат / вы знаете / в вашем пении я услышал настоящую советскую школу эстрадного вокала // Очень правильная подача звука / все выравнено (*эталон оценивания, профессиональная характеристика пения*)² // И когда во втором куплете вы начали петь «на опоре» / «на опоре» вы тянули все нотки и они были до конца все пропеты (*профессиональная характеристика пения*) – это вот бальзам по сердцу и моим ушам (*констатация ощущений субъекта*) // Я очень счастлив (*констатация чувств субъекта*) / что первый исполнитель (*сравнение с конкурентами*) показал настоящий классический эстрадный вокал (*эталон оценивания*) // ³

Такая экспликация оценочного отношения – неподдельного интереса к выступлениям – базируется на одной из ключевых ценностей русской коммуникативной культуры – стремлении быть искренним со своим собеседником. По мнению Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина, «русский человек исключительно искренен в общении <...> Русские искренне и порой довольно бурно демонстрируют свои эмоции, открыто радуются и печалются, не скрывают свои чувства от окружающих» [Прохоров, Стернин, 2006, с. 107].

Однако даже при общей позитивной оценке судьи стараются отметить какие-то аспекты выступления, над которыми конкурсанту еще нужно работать:

(2) *Сергей Лазарев (певец, актер, телеведущий)*: Ринат / я скажу честно / что несмотря на то / что есть в вашем голосе такое богатство / вот мне

лично хотелось как-то растормошить чуть-чуть... // **Потому что мне все равно не хватает эмоций** // вот / такая патока льется // **Для меня это золотой абсолютно экран, сто процентов** // **Но я прекрасно понимаю / что соревновательный вот этот нерв / он все равно должен присутствовать / потому что это телевизионный конкурс / это большое количество конкурсантов** // **Это как плюс для кого-то / что вы были расслаблены / так и минус** //

С позиций вежливости в рамках русской лингвокультуры такие оценки не нарушают коммуникативного баланса, а наоборот, звучат правдиво – в качестве дружеского совета или наставнического замечания.

В российском телешоу оценочные реплики обладают достаточно высокой степенью «экспертности», которая выражается в том, что в высказываниях присутствует большое количество музыкальных терминов и профессионализмов, например: *форсация, фразировка, кантилена, кода, аранжировка, восьмушки, подача звука, петь на опоре, тянуть ноты, головной звук* и др., которые, на первый взгляд, могут показаться не совсем уместными в рамках формата развлекательного телешоу для массовой аудитории, не обладающей специальными знаниями о технике пения. Тем не менее использование данных лексических единиц является важной составляющей профессионального имиджа членов жюри телеконкурса. Посредством таких вербальных маркеров профессиональной сферы они демонстрируют свою компетентность и умение грамотно оценить выступление участников.

Принадлежность телешоу к развлекательным тележанрам, адресованным массовой аудитории, обуславливает использование при выборе языкового кода и сниженных языковых единиц – сленга и англицизмов: *крутой, выкруливать, кайф, лейбл, ремейк, бридж, месседж, батл* и др., которые так или иначе способствуют сокращению дистанции с адресатом.

Если в российском телешоу члены жюри редко иницируют в активное общение с конкурсантами (что можно объяснить сценарными задачами), то в британском телешоу лаконичные, по сравнению с развернутыми русскими, оценочные высказывания компенсируются довольно продолжительными (для эфира) диалогами между судьями и участниками проекта. Это согласуется с мнением

Т.В. Лариной о том, что проявление внимания и интереса к собеседнику, независимо от ситуационных оценок его профессиональных навыков, входит в основные постулаты вежливого поведения, свойственные британской культуре [Ларина, 2009, с. 70–73].

В британском телешоу можно наблюдать и особенности ролевых позиций в организации диалога. Если в российском телепроекте статус членов жюри и конкурсантов асимметричен, то в британском шоу члены жюри стремятся вести диалог с конкурсантом на равных. Как следствие, универсальный критерий «экспертности» оценивания в британском телешоу практически нивелируется. Указанные различия объясняются наличием в британской лингвокультуре такой коммуникативной ценности, как равенство социально-ролевых позиций в диалоге: «В британской культуре вежливо демонстрировать равенство, а не статусные различия даже при наличии асимметричных отношений» [Ларина, Камех Хош, 2021, с. 14]. Наводящие вопросы члена жюри нацелены на формирование для массовой аудитории позитивного образа конкурсанта как творческой личности. Такой тактический прием обусловлен демонстрацией внимания к собеседнику, он выполняет не только контактоустанавливающую, но и эмоционально-поддерживающую функцию.

(3) До выступления

Оригинал

Alesha: Hello / darling!

Competitor: Hello / everyone! My name is Sydney Christmas //

Amanda: Sydney / where are you from?

Competitor: Just moved to London //

Amanda: Are you a student? You work? What do you do?

Competitor: I am coming to work in front of the house in a gym //

Amanda: Oh / brilliant! Fantastic // **But that's not what you wanna do?**

Competitor: No / absolutely not //

Amanda: What do you want to do / Sydney?

Competitor: I just want to sing //

Перевод

Алиша: Привет / дорогая!

Участница: Всем привет! Меня зовут Сидни Крисмас //

Amanda: Сидни / откуда ты?

Участница: Из Лондона // Недавно переехала //

Аманда: Ты студентка или уже работаешь?
Чем занимаешься?

Участница: Работаю в спортзале напротив
своего дома //

Аманда: О / прекрасно! Замечательно // **Но это
не то / чем ты хочешь заниматься / верно?**

Участница: Нет / совершенно //

Аманда: А чем ты хочешь заниматься /
Сидни?

Участница: Я хочу петь //

После выступления

Оригинал

Alesha: You are full of character / personality //
You've got it all going on //

Перевод

Алиша: У тебя есть свой характер / уникаль-
ность // У тебя все получается //

На лексическом уровне оценочное отношение в высказываниях членов жюри британского телешоу характеризуются частотным употреблением слов с мелиоративной оценочной семантикой, например, *brilliant* ('великолепный, блистательный'), *amazing* ('невероятный, удивительный, изумительный'), *incredible* ('невероятный, великолепный') и др., а также интенсификаторов *absolutely* ('абсолютно, совершенно, просто'), *just* ('просто'), *really* ('действительно, правда'), *so* ('так'), *super* ('супер') и др.

(4) *Оригинал*

Amanda: I just loved it // You've got talent //
**It's just amazing // You are a really good singer //
I am so happy for you / because I am so surprised //**
I have never seen anything like you // **You are super
talented!**

Перевод

Аманда: Мне понравилось // У тебя есть та-
лант // Это просто невероятно // Ты действительно
хороший исполнитель // Я так рада за тебя / ты меня
так удивил // Я никогда не видела никого наподобие
тебя // Ты суперталантливый!

Как отмечает Т.В. Ларина, в отличие от русскоязычного общения в англосаксонской коммуникации вышеупомянутые лексемы с мелиоративным значением отчасти десемантизированы и представляют собой эмфатические эквиваленты прилагательных *good* ('хороший'), *nice* ('милый'): «Их не следует понимать буквально» [Ларина, 2009, с. 62]. Однако «завышение градуса» в публичном оценивании

оправдано рискогенностью конкурсной ситуации, создающей угрозу лицу конкурсантов.

Анализ тактик оценивания

в состязательном телешоу в аспекте русской и британской лингвокультур

Под коммуникативной стратегией в настоящем исследовании понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [Иссерс, 2012, с. 54]. В рамках телешоу при положительном оценивании такой целью является оценка тех положительных характеристик выступления конкурсанта, которые позволяют допустить его к следующему этапу участия в шоу. Реализация стратегии может происходить при помощи различных приемов (тактик). Каждый из этих приемов представляет собой «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс, 2012, с. 110].

Для проведения сопоставительного анализа коммуникативных тактик стратегии оценивания в российском и британском состязательных творческих телешоу нами были выделены основания оценки и способы языкового оформления оценочных высказываний (коммуникативные тактики) в каждом телепроекте. Для обозначения тактических приемов были установлены «семантические бирки» (речевые клише), выражающие инвариантную оценочную семантику.

В связи с тем, что народное шоу «Ну-ка, все вместе!» представляет собой вокальный конкурс, основанием положительной оценки становится высокое качество / профессионализм исполнения музыкального произведения. В британском телешоу «Britain's Got Talent», напротив, профессионализм выступления практически не имеет значения. Само название, включающее слово *talant*, подразумевает тот факт, что члены жюри выбирают уникальных конкурсантов, таланты которых включают самые разные способности – умение делать акробатические трюки, петь разными голосами, имитировать звуки животных, танцевать, показывать фокусы и др. Таким образом, основанием положительной оценки в данном телепроекте становится уникальность номера.

Различия в основании оценивания рождает неодинаковый арсенал тактических приемов,

обнаруживаемых в данных телепроектах. Например, для российского телешоу характерной стала **тактика «Оценка относительно профессиональной нормы»**, актуальность которой обусловлена высокой степенью «экспертности» оценочных высказываний членов жюри.

(5) **Сергей Лазарев**: Я горжусь тобой! И у меня нет ни малейшего замечания // Мы просто слушали невероятную вокалистку / артистку / которая не сделала ни одной вокальной ошибки // Это было стопроцентно // (количественное (метафорическое) выражение качественной нормы).

(6) **Игорь Саруханов (певец, композитор, поэт)**: Спасибо вам // Потому что это было правильно / в нужное время / в нужном месте (о мелодическом ходе и голосоведении) // По десятибалльной – десять! (эстетическая норма + количественная норма).

Еще одним специфичным коммуникативным приемом для российского телешоу стала **тактика «Оценка эмоционального воздействия»**, связанная с аксиологическим параметром искренности субъекта оценивания. При помощи данной тактики члены жюри делятся своими впечатлениями после увиденного или услышанного, тем самым выражая оценку конкурсанта.

(7) **Максим Пейчев (солист ансамбля Министерства обороны РФ)**: Спасибо большое за ваш талант / за ваше исполнение // Прямо радость на душе //

(8) **Игорь Саруханов**: Первое – если трогает / то «да» / не трогает / то «нет» // Тронуло / очень //

Тактика «Самопрезентация» используется в российском телешоу как дополнительный прием формирования имиджа члена жюри. Так, при оценивании они нередко апеллируют к собственным вкусам и предпочтениям.

(9) **Елена Сосновская (преподаватель, пианистка)**: Очень люблю эту песню // Вы молодец!

Тактика «Апелляция к личному опыту» представляет интерес с точки зрения специфики коммуникативного поведения русских – стремления к неформальному, приватному общению, основанному на искренности.

(10) **Олег Влади (композитор, поэт)**: Ну что / это наше детство // Мое / безусловно // Первые впечатления / первые детские / наверно / потрясения

// Не так часто эту песню можно услышать в конкурсах / на телевидении //

(11) **Ангелика Алфёрова (певица)**: Просто / понимаете / почему мне так волнительно... (плачет) Много лет назад / я не могу об этом не сказать / Марфа пришла ко мне с вопросами: что петь / в чем быть / как ходить / а что делать с косой / которая была в пол... И вот сейчас видеть то / что я вижу и слышу / это невероятно //

Универсальными коммуникативными приемами положительной оценки в российском и британском телешоу можно считать **тактики «Восхищение», «Похвала», «Комплимент»**. Использование данных тактик в составительных проектах вполне закономерно и подтверждается на примерах других развлекательных телешоу – «Голос», «Две звезды. Отцы и дети», «Ледниковый период» [Герасимова, Иссерс, 2016; Герасимова, Середа, 2023]. По шкале «хорошо / плохо» эти тактики относятся к абсолютной положительной оценке и выражают стремление говорящего подчеркнуть высокое качество исполнения участника или выразить добрые чувства и благорасположение к собеседнику. В русскоязычных проектах данные тактики нередко сопровождаются дополнительным коммуникативным ходом **«Затрудненность вербализации» (Нет слов!)**, сигнализирующем о мелиоративной оценке.

(12) **Николай Бурьяновский (певец)**: Было грациозно / восхитительно! Какая энергетика! (тактика «Восхищение»).

(13) **Игорь Саруханов**: Я просто... / у меня нет слов – раз // Я такого не слышал – два // Умничка / красавица // Ну просто восхитительно! (коммуникативный ход «Затрудненность вербализации» + тактика «Самопрезентация» + тактика «Комплимент» + тактика «Восхищение»).

(14) **Митя Венгеров (финалист 4-го сезона проекта)**: Мне понравилась вот вся мысль этого номера // Это было настолько продумано // Вся прелесть в мелочах была какая-то // Как это все сочеталось с аранжировкой / как вы вплетали туда свои вокальные партии // (тактика «Похвала» + тактика «Оценка профессиональной нормы»).

Будучи универсальными в оценивании конкурсантов любого творческого шоу, **тактики «Восхищение», «Похвала», «Комплимент»** встречаются и в англоязычном развлекательном телепроекте. Однако в силу описанных ранее лингвокультурных отличий эмоциональная тональ-

ность в вербализации данных тактик значительно выше.

(15) *Оригинал*

Bruno: Wow / wow / wow! What a performance!

Doing this is extremely dangerous // (the girls danced and showed different acrobatic tricks)

Перевод

Бруно: Вау / вау / вау! Какое выступление!

Очень опасно делать то, что вы показали // (девочки танцевали и показывали различные акробатические трюки) (тактика «Восхищение»).

(16) *Оригинал*

Simon: Because that was wonderful // I mean seriously wonderful // So powerful //

Перевод

Саймон: Потому что это было хорошо // Я имею в виду действительно хорошо // Так мощно // (тактика «Похвала»).

Следует отметить культурно обусловленные коммуникативные приемы, связанные с десемантизацией и гиперболизированной формой выражения оценки, о которых писала Т.В. Ларина [Ларина, 2009, с. 62]: в британском телешоу были выделены такие специфические тактики позитивного оценивания, как «Лучшее выступление» и «Это невозможно!». Нередко данные коммуникативные средства применяются совместно с тактиками «Самопрезентация» и «Апелляция к личному опыту», представленных и в российском телепроекте «Ну-ка, все вместе!».

(17) *Оригинал*

Bruno: I am a bit a beginner here / but it was really like a full review of dogs // For me it is the best dog act I have seen //

Перевод

Бруно: Я здесь новенький / но это был самый настоящий показ собак // Это лучший номер с собаками / который я когда-либо видел // (тактика «Самопрезентация» + тактика «Лучшее выступление» + тактика «Апелляция к личному опыту»).

(18) *Оригинал*

Simon: What you did is actually impossible //

Перевод

Саймон: На самом деле / ты сделала невозможное // (тактика «Это невозможно!»)

Еще одним культурно-специфическим коммуникативным приемом для британского развлекательного шоу стала тактика «Ты особенный», реализующая аксиологический

компонент коммуникативного поведения англичан – стремление к индивидуализации оценки. В данном случае основание положительной оценки вызвано необходимостью выявить уникальный талант конкурсанта, вне сравнения его с исполнителями аналогичных жанров.

(19) *Оригинал*

Bruno: It was very / very special // You are special //

Перевод

Бруно: Это было очень-очень по-особенному // Ты особенный //

В аспекте состязательного шоу талантов при положительном оценивании конкурсантов вежливость рассматривается как инструмент коммуникативного сближения в условиях публичного общения. Как показало исследование, при оценочных высказываниях члены жюри телешоу маневрируют между теми правилами, которые продиктованы концепцией телепроекта (установка на развлечение, эмоциональность, экспрессивность, зрелищность) и традиционными нормами вежливого коммуникативного поведения в определенной лингвокультуре, которые соотносятся с ценностными ориентирами нации, а также соответствуют ожиданиям конкурсантов и массового зрителя.

Заключение

На особенности положительного оценивания в рамках творческого состязательного телешоу влияет не только формат самой телешоу и основание оценивания, но и фактор его публичности, стремление членов жюри сохранить собственный позитивный имидж на экране, а также коммуникативные особенности конкретной лингвокультуры и конвенциональные способы выражения в ней оценочного суждения в рамках позитивной вежливости.

В российском и британском телешоу позитивная вежливость в оценивании конкурсантов реализуется посредством универсальных тактик – «Восхищение», «Похвала» «Комплимент», «Самопрезентация», «Апелляция к личному опыту», а также при помощи культурно-специфических приемов. Для российского телешоу «Ну-ка, все вместе!» такими приемами стали тактики «Оценка относительно профессиональной нормы», «Оценка эмоционального

воздействия», дополнительный коммуникативный ход «Затрудненность вербализации». В британском телепроекте ««Britain's Got Talent» были выделены тактики «Лучшее выступление», «Это невозможно», «Ты особенный».

В рамках британского телешоу при положительном оценивании члены жюри нередко стимулируют диалог с конкурсантом, чего нельзя сказать о российском телепроекте, где авторитетность и «экспертность» оценочного высказывания выходят на первый план.

К перспективам исследования следует отнести сопоставительное описание стратегии оценивания в контексте позитивной и негативной вежливости на материале отечественных и зарубежных телешоу со схожей концепцией.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе», проект № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

The reported study was funded by RSF "Linguistic mechanisms of social interaction: politeness in lexis and discourse", Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

² Здесь и далее выделенные курсивом фрагменты являются комментарием авторов статьи.

³ Здесь и далее русскоязычные примеры взяты из телешоу «Ну-ка, все вместе!» (6-й сезон, 1-й выпуск, эфир от 06.09.2024).

⁴ Здесь и далее англоязычные примеры взяты из телешоу «Британия ищет таланты» (17-й сезон, 1-й выпуск, эфир от 20.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Башканкова Т. С., Хроменков П. Н., 2020. Вежливость в интернет дискурсе // Вопросы прикладной лингвистики. № 37. С. 7–29. DOI: 10.25076/vpl.37.01

Брагина Н. Г., Иссерс О. С., Мендоза И., Ратмайр Р., 2021. Категория языковой вежливости и ее комплексное описание (к постановке проблемы) // Коммуникативные исследования. Т. 8, № 2. С. 217–232. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).217-232

Герасимова А. С., 2023. Приемы смягчения критической оценки в спортивном развлекательном телешоу // Русский язык за рубежом. № 5. С. 57–61. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.008

Герасимова А. С., Иссерс О. С., 2016. Коммуникативные приемы положительной оценки в телеконкурсах (на материале вокального шоу «Голос») // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 1 (23). С. 29–36. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.23.29

Герасимова А. С., Середа Е. А., 2023. Коммуникативная стратегия оценивания в условиях вокального и спортивного развлекательных телешоу: влияние формата // Коммуникативные исследования. Т. 10, № 4. С. 754–769. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(4).754-769

Евсеева И. В., Кожеко А. В., 2014. Вежливость в интернет-коммуникации школьников // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. С. 95–106.

Ивин А. А., 1970. Основания логики оценок. М. : Изд-во Моск. ун-та. 229 с.

Иссерс О. С., 2012. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Изд-во ЛКИ. 304 с.

Кронгауз М. А., 2004. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian Linguistics. Vol. 28, № 2. С. 163–187.

Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Рук. памятники Древ. Руси. 507 с.

Ларина Т. В., 2019. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. № 1 (39). С. 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57

Ларина Т. В., Камех Хош Н., 2021. Культурные ценности и понимание вежливости в британской, русской и персидской лингвокультурах // Русский язык за рубежом. № 2. С. 10–18. DOI: 10.37632/PI.2021.285.2.002

Марков И. В., 2018. Реализация стратегий негативной вежливости в американском и российском дискурсах ток-шоу // Вестник Челябинского государственного университета. № 10 (420). С. 143–149. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11020

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А., 2006. Русские: коммуникативное поведение. М. : Флинта : Наука. 238 с.

Темиргазина З. К., 1999. Оценочные высказывания в русском языке. Павлодар : [б. и.]. 272 с.

Формановская Н. И., 1982. Употребление русского речевого этикета. М. : Рус. яз. 193 с.

Brown P., Levinson S. D., 1987. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press. 360 p.

Lakoff R., 1989. The Limits of Politeness: Therapeutic and Courtroom Discourse // Multilingua. № 8. P. 101–129. DOI: 10.1515/mult.1989.8.2-3.101

- Larina T., Ponton D. M., 2020. Tact or Frankness in English and Russian Blind Peer Reviews // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 17, № 4. P. 471–496. DOI: 10.1515/IP-2020-4004
- Leech G., 1983. *Principles of Pragmatics*. L.: Longman. 250p.

ИСТОЧНИКИ

- Ну-ка, все вместе! URL: <https://www.iv.ru/watch/nu-ka-vse-vmeste/season6>
- Britain's Got Talent. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCUtZaxDF3hD5VK4xRYFBepQ>
- ВайТ Медиа. URL: <https://weitmedia.com/nu-ka-vse-vmeste/>

REFERENCES

- Bashkankova T.S., Hromenkov P.N., 2020. Vezhlivost v internet diskurse [Politeness in the Internet Discourse]. *Voprosy prikladnoy lingvistiki* [Issues of Applied Linguistics], no. 37, pp. 7-29. DOI: 10.25076/vpl.37.01
- Bragina N.G., Issers O.S., Mendoza I., Ratmajr R., 2021. Kategoriya yazykovoy vezhlivosti i ee kompleksnoe opisanie (k postanovke problemy) [The Category of Linguistic Politeness and Its Complex Description: on the Problem Statement]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 8, no. 2, pp. 217-232. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).217-232
- Gerasimova A.S., 2023. Priemy smygcheniya kriticheskoy otsenki v sportivnom razvlekatelnom teleshou [Techniques of Decreasing a Critical Tone of Assessment in a Sports Entertaining TV-Show]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 57-61. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.008
- Gerasimova A.S., Issers O.S., 2016. Kommunikativnye priomy polozhitelnoy otsenki v telekonkursakh (na materiale vokalnogo shou «Golos») [Communicative Means of Positive Assessment on TV (Based on the Material of a Vocal TV-Show "The Voice")]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Russian Journal of Social Sciences and Humanities], no. 1 (23), pp. 29-36. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.23.29
- Gerasimova A.S., Sereda E.A., 2023. Kommunikativnaya strategiya otsenivaniya v usloviyakh vokalnogo i sportivnogo razvlekatelnykh teleshou: vliyaniye formata [Communicative Assessment Strategy in Terms of Singing and Sports Entertaining TV-Shows: Influence of TV-Format]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 10, no. 4, pp. 754-769. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(4).754-769
- Evseeva I.V., Kozheko A.V., 2014. Vezhlivost v internet-kommunikatsii shkolnikov [Politeness in the Internet-Communication of Pupils]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 1, pp. 95-106.
- Ivin A.A., 1970. *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of the Logic of Assessments]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 229 p.
- Issers O.S., 2012. *Kommunikativnye strategii i takтики russkoy rechi* [Communication Strategies and Tactics of the Russian Speech]. Moscow, Izd-vo LKI. 304 p.
- Krongauz M.A., 2004. Russkiy rechevoy etiket na rubezhe vekov [Russian Oral Politeness in the New Century]. *Russian Linguistics*, vol. 28, no. 2, pp. 163-187.
- Larina T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguacultural Traditions]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drevn. Rusi Publ. 507 p.
- Larina T.V., 2019. Emotivnaya ekologichnost i emotivnaya vezhlivost v angliyskoy i russkoy anonimnoy retsenzii [Emotive Ecology and Emotive Politeness in English and Russian Blind Peer-Review]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 1 (39), pp. 38-57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57
- Larina T.V., Kamekh Hosh N., 2021. Kulturnye tsennosti i ponimanie vezhlivosti v britanskoy, russkoy i persidskoy lingvokulturnykh [Cultural Values and Understanding of Politeness in British, Russian and Persian Lingua-Cultures]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 2, pp. 10-18. DOI: 10.37632/PI.2021.285.2.002
- Markov I.V., 2018. Realizatsiya strategiy negativnoy vezhlivosti v amerikanskom i rossiyskom diskursakh tok-shou [Realization of Negative Politeness Strategies in the American and Russian Discourses of Talk-Show]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 10 (420), pp. 143-149. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11020
- Prokhorov Yu.E., Sternin I.A., 2006. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: Communicative Behaviour]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 238 p.
- Temirgazina Z.K., 1999. *Otsenochnye vyskazyvaniya v russkom yazyke* [Assessment Statements in

- the Russian Language]. Pavlodar, s.n. 272 p.
- Formanovskaya N.I., 1982. *Upotreblenie russkogo rechevogo etiketa* [The Use of Russian Speech Etiquette]. Moscow, Rus. yaz. Publ. 193 p.
- Brown P., Levinson S.D., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 360 p.
- Lakoff R., 1989. The Limits of Politeness: Therapeutic and Courtroom Discourse. *Multilingua*, no. 8, pp. 101-129. DOI: 10.1515/mult.1989.8.2-3.101
- Larina T., Ponton D.M., 2020. Tact or Frankness in English and Russian Blind Peer Reviews. *Intercultural Pragmatics*, vol. 17, no. 4, pp. 471-496. DOI: 10.1515/IP-2020-4004

- Leech G., 1983. *Principles of Pragmatics*. London, Longman. 250 p.

SOURCES

- Nu-ka, vse vmeste!* [All Together Now. Internet Site for an Entertaining TV-Show]. URL: <https://www.iv.ru/watch/nu-ka-vse-vmeste/season6>
- Britain's Got Talent* [Britain's Got Talent]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCUtZaxDF3hD5VK4xRYFBepQ>
- WaitT Media*. URL: <https://waittmedia.com/nu-ka-vse-vmeste/>

Information About the Authors

Anastasia S. Gerasimova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Graduate School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia; Senior Researcher, Laboratory of Research of Speech Communication and Category of Politeness, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, nastasi_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0857-4151>

Oxana S. Issers, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; Chief Researcher, Laboratory of Research of Speech Communication and Category of Politeness, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Информация об авторах

Анастасия Сергеевна Герасимова, кандидат филологических наук, доцент, доцент Высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник лаборатории исследований речевой коммуникации и категории вежливости, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, nastasi_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0857-4151>

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; главный научный сотрудник лаборатории исследований речевой коммуникации и категории вежливости, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.4>

UDC 81'1

LBC 81.002

Submitted: 22.03.2025

Accepted: 05.06.2025

BEYOND CONVENTIONALIZED FORMULAE: A LEXICAL BUNDLE APPROACH TO ANALYZING (IM)POLITENESS

Elena S. Gritsenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Olivier Mozard T. Kamou

HSE University, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The paper introduces a frequency-driven lexical bundle approach to enhance politeness research by addressing the limitations of traditional corpus pragmatics approaches, which assume pre-defined (im)politeness values for linguistic forms. While politeness is widely recognized as a dynamic context-dependent phenomenon, corpus pragmatics research risks overlooking its variability by focusing on pre-selected politeness formulae, such as *thank you, please, sorry*, etc. The lexical bundle approach builds on the concept of conventionalization, defined as the process by which linguistic expressions acquire politeness-related meaning through repeated use in a specific context. The proposed approach focuses on the identification of recurring multi-word sequences (lexical bundles), capturing how they index (im)politeness in discourse. We demonstrate the utility of this approach through a case-study of Wikipedia editors' communication, where politeness is strategically negotiated in collaborative, consensus-driven dialogue. By analyzing discussions from Wikipedia talk pages, we categorize the extracted bundles into two groups: conventionalized politeness formulae, which consistently index collaborative politeness across Wikipedia's editorial discourse (e.g., *what do you think, is it possible to*) and multifunctional expressions, that manifest variable politeness-related meanings (e.g., *why don't you, am I missing something*). This distinction reveals how politeness emerges through both stable norms and context-sensitive strategies. Our findings also highlight the capacity of the new approach to bridge Terkourafi's frame-based theory with empirical analysis, offering a replicable framework for studying (im)politeness as a co-constructed interactional practice.

Key words: lexical bundles, (im)politeness, corpus pragmatics, conventionalization, indexicality.

Citation. Gritsenko E.S., Kamou O.M.T. Beyond Conventionalized Formulae: A Lexical Bundle Approach to Analyzing (Im)Politeness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 41-52. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.4>

УДК 81'1

ББК 81.002

Дата поступления статьи: 22.03.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

ПРАГМАТИКА КОНВЕНЦИОНАЛИЗАЦИИ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗКИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА (НЕ)ВЕЖЛИВОСТИ

Елена Сергеевна Гриценко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Россия

Оливье Мозард Т. Каму

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье представлен новый подход к изучению (не)вежливости, направленный на преодоление ограничений традиционно используемых в корпусной прагматике подходов, которые исходят из фиксированных, заранее приписанных языковым формам значений. Несмотря на то что в современной лингви-

стике вежливость признается динамичным явлением, зависящим от контекста, исследования вежливости в корпусной прагматике часто упускают эту особенность, фокусируя внимание на традиционных маркерах вежливости, таких как *please, thank you, sorry* и подобных. Предлагаемый в работе подход опирается на понятие конвенционализации, отражающее процесс, в ходе которого языковые выражения приобретают значения, связанные с вежливостью, благодаря повторяющемуся употреблению в определенных коммуникативных ситуациях. Данный подход основан на выделении из текстов рекуррентных последовательностей слов (лексических связей), способных индексировать (не)вежливость в дискурсивном контексте. Эффективность предлагаемого подхода демонстрируется на примере коммуникации редакторов Википедии, где вежливость стратегически конструируется в рамках дискурса, ориентированного на сотрудничество и консенсус. Выделенные из данного дискурса лексические связи, разделены на две группы: конвенционализированные формулы, стабильно выражающие вежливость (*what do you think, is it possible to*), и многофункциональные связи (*why don't you, am I missing something*), вежливость (или невежливость) которых задается контекстом. Новый подход позволяет связать фреймовую теорию вежливости М. Теркурафи с эмпирическим анализом, расширяя возможности для изучения (не)вежливости как феномена, конструируемого коммуникантами в процессе социального взаимодействия.

Ключевые слова: лексическая связь, (не)вежливость, корпусная прагматика, конвенционализация, индексальность.

Цитирование. Гриценко Е. С., Каму О. М. Т. Прагматика конвенционализации: лексические связи как инструмент анализа (не)вежливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 41–52. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.4>

Introduction

Politeness, often perceived as an intrinsic quality of certain linguistic forms, is far from a fixed attribute embedded in language units; rather, it emerges as a dynamic, context-dependent phenomenon co-constructed by interlocutors in the act of communication. Consider, for instance, the phrase *excuse me*, widely regarded as a quintessential marker of politeness in English. In a crowded bus, it might soften a request to pass through, signaling deference and respect; yet, uttered with a sharp tone or paired with an exasperated sigh, it can just as easily convey irritation or annoyance. This duality underscores that politeness is not inherent in the phrase itself but arises from the interplay of situational cues, intonation, and the relational history between speakers. Previous research [Watts, 2003; Terkourafi, 2005] has highlighted this feature, arguing that linguistic expressions gain their polite force through strategic use within specific social contexts. Thus, politeness reveals itself as a collaborative negotiation, shaped continuously by those engaged in the exchange [Haugh, 2007].

However, the long-standing debate over whether politeness is intrinsic in linguistic forms or contextually emergent evolves with new methodologies. While the argument that politeness is not inherently tied to linguistic form, remains valid, it is also undeniable that certain structures routinely carry (im)politeness

meanings; for instance, “You + N” (e.g., *You moron*) is typically offensive and therefore impolite [Culpeper, Gillings, 2018; Van Olmen, Andersson, Culpeper, 2023]. This suggests that linguistic form and context constantly interact in shaping (im)politeness. Corpus-based methods provide a way to explore this relationship quantitatively. Yet, corpus studies often inherit the limitations of the traditional approaches assuming predefined (im)politeness values for linguistic forms. This focus on default interpretations risks overlooking the contextual variability of politeness, making it difficult to identify various politeness-related meanings a form can take in different linguistic and social contexts [Jucker, Staley, 2017].

Our goal in this study is to propose a way to move beyond these limitations by introducing a frequency-driven approach, which uses lexical bundles (recurring multi-word sequences) to identify politeness-related meanings in discourse. Unlike traditional methods, a lexical bundle approach does not presuppose politeness values in linguistic forms; instead, it identifies patterns emerging from the data itself, capturing how specific bundles index (im)politeness across diverse contexts. In what follows, we will argue why the lexical bundle approach offers a promising complementary corpus-based method for studying (im)politeness and demonstrate its utility through a case study of Wikipedia editors’ communication – a context where politeness is strategically

negotiated in collaborative, consensus-seeking discourse.

We will briefly review the history of politeness research – not with the aim of being exhaustive, as this has been thoroughly covered (e.g.: [Culpeper, 2011; Brown, 2017; Locher, Larina, 2019]) – but to situate a lexical bundle approach within the broader field of politeness studies. Next, we outline our methodology and apply it to Wikipedia’s editor discourse. Finally, we discuss the advantages of the proposed approach and its implications for corpus-based politeness studies.

Theoretical background

Waves of politeness research: a brief overview

The study of politeness has evolved through several theoretical shifts, often described in three “waves” [Grainger, 2011; Culpeper, 2011]. The first wave, dominated by the seminal work of Brown and Levinson [1987], framed politeness as a universal strategy rooted in face-saving behaviors, where speakers employ positive or negative politeness tactics to mitigate threats to their interlocutors’ social image. This approach, influenced by Goffman’s [1967] concept of face, prioritized systematic, rule-based models and was later critiqued for ignoring the dynamic, context-dependent nature of politeness and for its assumed universality and Western-centric bias [Eelen, 2001; Mills, 2011].

These criticisms led to the second wave, or post-modern perspective, which shifted focus toward a more discursive approach, with scholars like Watts [2003; 2005] and Locher [2004; 2006] arguing that politeness is a subjective evaluation negotiated in interaction, shaped by power dynamics and cultural expectations. This phase emphasized the fluidity of politeness-related meanings, challenging the universality of earlier frameworks.

The third wave, which has been gaining momentum in recent years, builds on this by viewing politeness as a co-constructed practice embedded in specific communities and contexts [Kádár, Haugh, 2013]. Notable frameworks include Spencer’s [2005] relational approach, Terkourafi’s [2001; 2005] frame-based approach,

Haugh’s [2007] interactional approach, and Kádár’s [2017] rituals, among others. Terkourafi’s approach, which takes a quantitative perspective on politeness by seeking regularities in the use of expressions and their extra-linguistic context, is of special relevance to this study.

Frame-based approach to politeness

Terkourafi critically examined the existing politeness theories and argued that, while differing significantly, they share certain underlying assumptions. Both traditional and post-modern approaches tend to focus on micro-level interactions (specific utterances or exchanges) and often overlook broader social structures or patterns, which limits the scope of politeness research. She proposed to shift attention from isolated utterances to recurring patterns of interaction within specific social contexts or “frames,” arguing that “it is the regular co-occurrence of particular types of context and particular linguistic expressions as the unchallenged realizations of particular acts that create the perception of politeness” [Terkourafi, 2005, p. 248]. Her frame-based view offers a way to study politeness empirically, using observable patterns rather than relying solely on theoretical constructs or subjective interpretations. It incorporates quantitative analysis of linguistic behavior to identify norms and habitual meanings inferred from recurring expressions in context.

In later studies Terkourafi refined this approach further; she argued that when expressions regularly appear in a particular context, they become conventionalized – i.e., accrue socially recognized meanings tied to polite (or impolite) interaction [Terkourafi, 2011; 2015]. These conventionalized expressions, such as ritualized apologies or deference markers, emerge as shared resources within speech communities, combining predictability with adaptability to context. From this perspective, conventionalization involves “already meaningful linguistic expressions acquiring additional meaning that can be put at the service of (im)politeness” [Terkourafi, Kádár, 2017, p. 181].

Though the frame-based approach has been widely recognized, it does not provide a detailed replicable methodology for identifying conventionalized formulae. Previous corpus-based

studies of politeness that have adopted this framework (e.g.: [Culpeper, Gillings, 2018; Van Dorst, Gillings, Culpeper, 2024; Xie, 2024]) focused solely on preselected (conventionalised) politeness formulae, such as *sweetheart*, *good morning*, *thank you*, *please*, and categorized them in accordance with predefined politeness types [Culpeper, Gillings, 2018; Van Dorst, Gillings, Culpeper, 2024]. A lexical bundle approach, which involves identifying and analyzing frequently recurring multi-word sequences in language use, can complement the frame-based approach, providing an objective, data-driven way to study (im)politeness.

***Lexical bundle approach:
methodological implications
for (im)politeness research***

Lexical bundles, as defined by Biber et al. [1999], are recurring multi-word sequences, such as *I don't know if* or *I just wanted to*, identified using corpus analysis software based on frequency and distribution criteria [Biber, 2009, p. 282]. They are typically extracted from spoken or written corpora and reflect recurring patterns tied to specific discourse contexts. Unlike other formulaic expressions, lexical bundles are not inherently complete structural units, yet they exhibit strong grammatical and functional correlates [Conrad, Biber, 2005; Biber et al., 1999]. They function as building blocks of discourse, enhancing its structure and coherence [Biber, 2009; Hyland, 2008a]. Lexical bundles have been extensively studied in academic discourse, where they serve as stance markers, discourse organizers, and referential expressions [Conrad, Biber, 2005; Biber, 2006; Hyland 2008a]. Their potential for (im)politeness research remains underexplored, although some studies suggest that their use in discourse can be shaped by politeness concerns [Conrad, Biber, 2005; Xia, Ai, Pae, 2022; Gritsenko, Kamou, 2024].

Recent developments in corpus pragmatics have facilitated systematic analysis of (im)politeness, particularly the interplay between form and function [Baider, Cislaru, Claudel, 2020; House, Kádár, Leontyev, 2021; Leontovich, Nikitina, 2024]. Terkourafi's approach, which perfectly aligns with corpus analysis, can be complemented by the lexical bundle approach in several ways.

Terkourafi views politeness as emerging from cognitive frames – schemata linking linguistic expressions to minimal contexts (social settings, relationships) based on prior experience. The lexical bundle approach provides a tangible way to identify and study them, grounding politeness in how it actually manifests in everyday interaction. Recurring bundles (e.g., *I'd like to* in suggestions, *would you mind if* in requests) can be seen as linguistic manifestations of abstract frames, reflecting the conventional pairing of form and context.

Terkourafi and Kádár also called for “methodologically sound ways” to identify conventionalized formulae, one of which is “frequency counts” [Terkourafi, Kádár, 2017, p. 190]. Lexical bundles, defined by their frequency and fixedness, directly capture this conventionalization, offering a frequency-driven alternative to predefined (politeness) formulae. Their recurrence in a given context may lead to the “emergence of stable associations” [Zlov, Zlatev, 2024], incorporating not only conventionalized forms but also non-conventionalized expressions that can acquire politeness-related meanings in discourse, as “candidate for politeness become conventionalised to some degree for a particular context of use” [Van Olmen, Andersson, Culpeper, 2023, p. 24].

The lexical bundle approach leverages on their key functions in discourse. Biber stressed that lexical bundles “provide a kind of pragmatic head for larger phrases and clauses, where they function as discourse frames for the expressions of new information” [Biber, 2009, p. 284]. This is directly applicable to (im)politeness, since it emerges not in isolated phrases, but in how the speaker frames them in interaction to achieve an illocutionary goal. Therefore, the proposed approach incorporates not only quantitative but also qualitative analysis, as recontextualizing the identified forms is imperative to determine the pragmatic functions or politeness-related meanings that they take or convey [Jucker, Staley, 2017].

Material and method

Identifying lexical bundles in corpus-based politeness research requires a systematic approach grounded in corpus pragmatics. Comprehensive guidelines for data selection and analysis are detailed by Jucker [2018a; 2018b]. As he notes “The starting point is not a particular

linguistic unit and how speakers use this unit in interaction, but rather particular types of interaction and the effects that such interaction has on the participants. This kind of research looks into the effects of communication and searches for elements that create these effects such as terms of address, specific mitigators or speech acts” [Jucker, 2018a, p. 11].

The next step involves determining the length of the bundles to be investigated and setting the minimum frequency threshold. Four-word bundles are widely adopted as they offer a greater structural and functional variety [Biber, 2009]. The frequency criteria typically range from 5 to 40 occurrences per million, contingent on corpus size and research goals [Biber et al., 1999; Biber, 2006; Cortes, 2004; Hyland, 2008a; 2008b; Flinn, 2023]. To avoid idiosyncratic usage, lexical bundles must recur across multiple texts (e.g., 3–5 texts or 10% of the corpus). Automated tools with N-gram functions, such as AntConc, WordSmith Tool, or Python, facilitate extraction. Post-extraction manual screening is critical to eliminate formulaic but pragmatically irrelevant bundles (e.g., *the rest of the*) and retain those salient to interactional dynamics.

Lexical bundles analyzed in this paper were extracted from the Wikipedia section of the Stanford Politeness Corpus, which consists of 4,353 conversations, totaling 112,277 words [Danescu-Niculescu-Mizil et al., 2013]. To ensure methodological robustness, we identified four-word bundles occurring at least five times across three conversations. Bundles with minimal pragmatic relevance to politeness (e.g., *at the bottom of the*, *the rest of the*) were excluded. Our analysis focused instead on bundles implicated in direct interpersonal negotiation, particularly those functioning within requests, suggestions, and critiques directed at interlocutors. A total of 115 bundles and 1,241 tokens have been extracted from the corpus.

Results and discussion

This section demonstrates how the lexical bundle approach illuminates subtle mechanisms for indexing (im)politeness in collaborative discourse, using conversations among Wikipedia editors as a case study. Wikipedia’s editors constitute a community of practice bound by shared norms, most notably the principle of

“assuming good faith.” This principle, central to Wikipedia’s collaborative culture [Reagle, 2010], obligates editors to interpret other’s actions with good will and engage constructively – a requirement that shapes politeness strategies in their interactions.

The bundles derived from the Stanford Politeness Corpus exhibit varying capacities to convey politeness-related meanings. Accordingly, we categorized them into two primary groups. The first group includes bundles which have been previously identified as conventional politeness formulae (e.g., *thank you for your*, *could you tell me*, *could you please explain*, *might be able to*, *would you like*, *would you be interested*, *would you care to*, etc.). The second group encompasses lexical bundles that have not been previously associated with politeness or impoliteness. In our analysis, however, they can index various politeness-related meanings, depending on the context, tone, and the interlocutors’ intentions – framed as collaborative or confrontational. In this paper, we concentrate on the second group of bundles. This group comprises phrases that consistently index collaborative politeness across Wikipedia’s editorial discourse (e.g., *what do you think*) and bundles that manifest variable politeness-related meanings: in certain interactions, they signify politeness, while in others, they may suggest mild impoliteness or assume a neutral, factual/functional tone (e.g., *why don’t you*). Lexical bundles that are consistently polite can be regarded as discourse-specific conventionalized politeness formulae, while lexical bundles characterized by inconsistent politeness indexing, we designate as multifunctional. This distinction highlights the versatility of the lexical bundle approach in illuminating the nuanced dynamics of politeness in discourse communities.

To demonstrate the applicability of the lexical bundle approach, we will analyze representative examples from both subgroups, highlighting their roles in negotiating politeness or indexing critique and disagreement in Wikipedia’s collaborative discourse.

Conventionalized politeness formulae

A prime example of this subgroup is *what do you think*, the most frequent lexical bundle in

our dataset (94 tokens). In all conversations, it signals respect and cooperative attitude, aligning with Wikipedia consensus-driven ethics. The bundle can accompany suggestions, softening potential imposition (1); request engagement, encouraging feedback rather than demanding commitment (2); invite consensus, fostering group decision-making (3); and solicit agreement, showing respect for collaboration (4).

(1) How about saying that the fastest flow is near the deepest part of the channel, and that in most meanders this is near the outer bank? **What do you think?** (conversation_137);

(2) I see you are quite zealous on Croatian articles, so I am inviting you to support my <url>. **What do you think?** (conversation_1009);

(3) <url> posted a wonderful grammatical analysis of the 'has/had' thing, another editor agreed, so I'm thinking we should make another request for the change, using Bluewave's post as the basis, **what do you think?**" (conversation_1533);

(4) After looking through a bunch of those, I think the lead should be formatted like this: a paragraph explaining who he is, a paragraph summarizing his life and career, and a paragraph summarizing why he is so great. **What do you think?** (conversation_670);

(5) I think the article needs work. For example, I think 'U.S. late 1980s-1990s' should after 'Detroit sound'. 'UK 1990s should after "U.S. late 1980s-1990s". **What do you think?** (conversation_147).

In editors' interactions, this bundle never conveys rudeness. Even in assertive contexts, it mitigates potential conflict (5). It recurs across all conversations as a standard way to close a suggestion, observation, or request, signaling a norm of seeking input in this community. The conventional status of this bundle in Wikipedia talk pages stems from its role in maintaining harmony and progress in a volunteer-driven argumentative space.

The term "conventionalized politeness formulae" refers to a fixed or semi-fixed phrase that has become standardized within a specific community to express politeness reliably and predictably. Such phrases are recognized by speakers due to their frequent use and shared understanding; sometimes they can lose their literal force to serve a pragmatic function. This fully applies to the bundle *is it possible to* (11 tokens), which softens requests, suggestions, or inquiries, indexing politeness through indirectness and deference. While the number of its tokens is

limited, the bundle's uniform politeness suggests that it may be a recurring pattern in Wikipedia talk pages. Its use across varied contexts – technical edits (6), sourcing vandalism protection (7), etc. – supports its potential frequency.

(6) I noticed that you created the Close AFD script. **Is it possible to** edit it so that it works? (conversation_3340);

(7) I have just reported a high level of Vandalism at the page <url>. **Is it possible to** impose a temporary protection to the page (conversation 1105).

In all cases across our dataset, this bundle serves as a polite way to prompt action or seek cooperation. This pragmatic shift – where the literal question becomes a conventional request – mirrors such politeness formulae as *can/could you* or *would it be ok to*. The repeated polite use of this bundle indicates its conventionalization within this specific discourse, where editors implicitly recognize it as a respectful way to engage.

The bundle *do you think it* (22 tokens) normally functions as a polite elicitation of opinion or feedback, indexing respect for the interlocutor's expertise (8). It embeds gratitude and deference, framing the question as a collaborative appeal rather than a demand (9). The bundle is often used to seek validation, reinforcing a cooperative stance (10). This aligns with Brown and Levinson's notion of politeness as a face-saving strategy, where *do you think it* serves as a negative politeness tactic, reducing imposition by appealing to the other person's autonomy.

(8) Good luck with the remaining time for your nomination. BTW: under what section on <url> **do you think it** should appear? (conversation_2491);

(9) "Thanks for the copyedit. Rather than waiting for the PR rigamarole, **do you think it** meets GA criteria and should I submit it?" (conversation_4314);

(10) "I added a clarifying sentence to my user page <url>. **Do you think it** distills the essence? (conversation_2009).

The bundle *I don't see* (27 tokens) indexes a range of politeness meanings, though its effect is context-dependent. The bundle's potential as a discourse-specific conventionalized politeness formula rests on its recurring use as a softened expression of disagreement, uncertainty, or a

request for clarification, mitigating face threats in a collaborative editorial environment. Prefaced by an apology, the bundle softens a disagreement by avoiding direct challenge and inviting further explanation (11). Paired with a courteous request, it signals openness and deference to the other editor's insight, which aligns with a negative politeness strategy of minimizing imposition (12, 13). In these and other cases, *I don't see* softens the implicit challenge to the other person's claim, framing it as the speaker's own limitation (lack of perception) rather than an outright accusation ("It is not there"), which suggests collaborative tone and avoids confrontation. However, the bundle's politeness can wane or shift to neutrality when it expresses skepticism that could be interpreted as a challenge, though its polite force persists if read as an invitation to justify rather than an outright dismissal (14).

(11) I'm sorry, but **I don't see** the value in having different criteria for two versions of the same list, one sorted by name and one sorted by nationality. Every other list and article on space travel uses the altitude definition, why would the sub-list sorted by nationality be different?" (conversation_595);

(12) **I don't see** the vandalism. Could you show me where it is? (conversation_2207);

(13) You mentioned a CU done with a possible result, but **I don't see** it at SPL. Can you kink TC's CU and name the master? (conversation_369);

(14) **I don't see** how you can use this to discount his trustworthiness and oppose him. If there is consensus to promote among several bureaucrats, what's the matter who actually presses the button? (conversation_658).

As a discourse-specific conventionalized politeness formula, this bundle fits partially within Terkourafi's framework of expressions that gain pragmatic weight through repeated use in a specific community. In Wikipedia's editorial context, where precision, consensus, and civility are valued, the phrase recurs as a recognizable way to express non-comprehension or disagreement without escalating tension. Its conventionality is strengthened by frequent pairing with polite markers (e.g., *I'm sorry, could you*) or requests for clarification, embedding it in the community's norm of constructive dialogue.

Similarly, the indexical meaning of *I don't understand* (15 tokens) hinges on its recurring use as a means to navigate uncertainty, seek

clarification, or express disagreement without overt confrontation. The bundle is routinely used to mitigate any potential face threat to the interlocutor, framing the speaker's confusion as a personal limitation and inviting collaboration (15). Yet, it can also lean to neutrality or mild impoliteness when it expresses frustration or disagreement, potentially indexing a challenge to the other's reasoning (16).

(15) I'm afraid **I don't understand** what you are asking. Could you perhaps try to explain it in another way? (conversation_176);

(16) I'm sorry, but there is no discussion on the talk page that indicates that there was a debate about renaming, so the keep vote stands, I'm afraid. There were nine votes to keep, and only one to merge, so **I don't understand** how a single vote trumps nine others? (conversation_278).

In Wikipedia's editorial discourse, this bundle recurs as a recognizable pattern for signaling confusion or requesting assistance, most often with polite intent. Its conventionalization is reinforced by frequent linkage with clarification requests, a characteristic feature of this community's collaborative ethics. However, unlike more definite polite formulae (e.g., *thank you*), the bundle's politeness is not guaranteed; it can also function as a neutral statement of perception or convey a subtle critique. Thus, while it qualifies as a conventionalized expression in this discourse, its status as a politeness formula is context-sensitive.

Multifunctional bundles

While conventionalized politeness formulae reflect stable politeness norms within Wikipedia's collaborative culture, multifunctional bundles demonstrate how politeness is dynamically negotiated through context-dependent linguistic strategies, underscoring the interplay between form and interactional content.

The bundle *do you have any*, the second most frequent one in our dataset (49 tokens), does not function as a politeness marker on its own; its perceived politeness – or lack of it – depends heavily on the surrounding sentence structure and intent of the speaker. Within Wikipedia's editor community, where concise, task-oriented dialogue is common, the phrase seems more functional than

conventional, serving to solicit information, opinions, or resources rather than to signal deference or soften a request. When it functions as a direct query for information or evidence, aligning with Wikipedia's focus on verifiable content, the phrase is neutral – neither markedly polite nor impolite (17). When it follows a statement that implies criticism or frustration, it could be read as a challenge, pressing the recipient to justify themselves (18), and when paired with softer phrasing or an offer of collaboration, the phrase feels more polite (19).

(17) Hi, you recently edited that the Independence Hall was once the tallest building in Philadelphia... **Do you have any** source that supports this?" (conversation_56);

(18) So, you don't like people pointing out the errors you make? Or **do you have any** actual arguments to counter my post? (conversation_609);

(19) Getting this article up to FA, but I'm having trouble finding sources... **Do you have any** advice or would you be interested in working on it together? (conversation_138).

It is noteworthy that the pronoun "any" as part of this bundle introduces indefiniteness, softening the expectation of a specific answer (e.g., *Do you have sources?* vs *Do you have any sources?*). This subtle openness might push the phrase toward politeness in some cases, although it is not a defining feature.

The bundle *why don't you* (19 tokens) presents a compelling case for examining how politeness emerges not as an inherent property of linguistic forms, but as a contextually negotiated outcome shaped by intent, tone, and interactional dynamics. In Wikipedia editor exchanges, the indexical potential of this bundle varies. It spans politeness, neutrality, and impoliteness (mild to strong), with tone and context driving the shift. The bundle can function as a practical suggestion, phrased as advice rather than a demand (20), or a collaborative invitation, softening the directive (21). Yet, in our data the bundle often implies criticism or challenges the interlocutor. This is achieved by framing requests as reprimands (22, 23) or using sarcasm to mock the other person's focus (24).

(20) **Why don't you** mix 2 articles together? (conversation_3708);

(21) Zero has taken a break from Wikipedia, and RK has recused himself from editing controversial articles. and I fix up the <url> article now? **Why don't you** and I fix up the <url> article now? (conversation_4162);

(22) So, I'm a «deletion fanatic»? **Why don't you** refrain from uncivil remarks and focus on adding sources to your unsourced stubs – help the encyclopedia rather than pissing off people?" (conversation_3184);

(23) No, not funny, unless you are a mentally challenged person. **Why don't you** find a better hobby where you don't post lies and offend the people of Tibet? (conversation_2096);

(24) You seem to have plenty of time to discuss, why don't you try to educate <url>? Maybe he needs this more than me?" (conversation_2608).

Although the bundle leans impolite in heated exchanges, and its negative structure (*why not?*) can imply critique, it is not conventionalized as impolite in this setting. Its impoliteness usually emerges if paired with criticism (e.g., *uncivil remarks*, *unsourced stubs*, *pissing off*), not from the bundle alone. In neutral cases, it aligns with Wikipedia's task-oriented collaboration.

The bundle *am I missing something* (6 tokens) is usually seen as a hedge, which serves as a neutral or polite way to seek clarification. In this case, it softens a potential challenge by attributing confusion to the speaker's own perspective, inviting collaboration rather than confrontation (25). However, when paired with sarcasm, frustration, or skepticism – common in contentious editing disputes – the phrase can come across as passive-aggressive, subtly challenging the other party's reasoning or competence. Such cases are prevalent in our data. In contentious conversations, *am I missing something* is read as a rhetorical jab (26) or an accusation (27) rather than a polite inquiry.

(25) You reverted my wording changes here, pointing to the talk page, but the last comment there is my rationale for the rewording from back when I revamped it. **Am I missing something?** (conversation_1125);

(26) I'm no expert on the language, but on the face of it that dab page disambiguates two words which are unambiguous anyway – Zakhmet and Khachpas. **Am I missing something?** (conversation_1998);

(27) Without participating in talk page discussion, you have deleted reliable sources, and rewritten a sentence so that it is supported by no sources at all except your personal opinion. <url> **Am I missing something** here? (conversation_752).

Thus, the indexical meaning of this bundle is flexible, depending on its surroundings. In Wikipedia's editor discourse, it leans toward skeptical or sarcastic, although not outright rude.

The bundle *why did you remove* (14 tokens) in Wikipedia editors' discourse carries a range of tones, from polite curiosity to implied criticism, depending on the context and accompanying language. Unlike *am I missing something*, which probes for clarification about the situation, *why did you remove* directly questions another editor's action, making it inherently more pointed. However, when softened by greetings, gratitude, or collaborative framing and paired with a request for clarification, the bundle reads as a good-faith effort to understand or discuss (28). Impoliteness emerges when the bundle is paired with defensiveness or a tone suggesting that the removal was wrong. For instance, in the example below (29), acknowledging partial agreement *I understand* is conciliatory, but the epithet *excessive* introduces criticism, and emphatic *ALL* adds a dramatic or exasperated flair. Likewise, in the following sample (30), the redundancy of the question *what was the reason?* after *why* adds a touch of frustration, though it is still restrained.

(28) Thanks for your recent edits on <url>, but what does 'inapplicable category' (referring to <url>) in <url> mean? And **why did you remove** that category from <url>? (conversation_383);

(29) I understand the problem with that redundant category – I've hashed that out, I think – but **why did you remove** ALL categories from the Christian shows? That seems... excessive... Or do I just need a nap? (conversation_1781);

(30) **Why did you remove** my comment from your page? What was the reason for that? (conversation_924).

In the collaborative ethos of Wikipedia, which prioritizes constructive dialogue, the last three bundles tend to function as veiled expressions of dissent. This strategic use of language highlights a tension within the editorial community where the need to be polite and maintain a cooperative atmosphere coexists with the inevitable interpersonal friction, revealing how editors navigate disagreement through linguistically nuanced means.

Conclusion

The analysis of lexical bundles in Wikipedia editors' discourse reveals the nuanced ways in which politeness and impoliteness are indexed, extending beyond traditional markers to include multifunctional and context-sensitive phrases. The lexical bundle approach proves effective in uncovering these subtle mechanisms, highlighting how politeness emerges as a dynamic, co-constructed phenomenon rather than a fixed property of language. Discourse-specific conventionalized politeness formulae, such as *what do you think* and *is it possible to*, demonstrate a stable polite force within this community, reflecting Wikipedia's consensus-driven ethos and emphasis on collaboration. These bundles, through frequent and predictable use, have become standardized tools for softening requests, soliciting input, and maintaining harmony in a volunteer-driven argumentative space.

Conversely, multifunctional bundles (e.g., *do you have any*) exhibit a remarkable versatility, indexing politeness, neutrality, or impoliteness depending on tone, context, and intent. This variability underscores the strength of the lexical bundle approach in capturing the fluidity of politeness as a negotiated outcome, aligning with Watts' [2003] discursive perspective. Notably, some bundles in our dataset are commonly used to index disagreement (e.g., *why did you remove*), which can shift from polite inquiry to implied critique based on accompanying language. Similarly, phrases like *am I missing something* and *why don't you* routinely index sarcastic undertones in contentious exchanges, subtly challenging interlocutors' actions or competence while maintaining an appearance of civility. This dual potential – polite or provocative – illustrates how lexical bundles serve as strategic resources for navigating the tension between Wikipedia's collaborative norms and the inevitable conflicts of editorial work.

The concept of conventionalization bridges the lexical bundle approach and politeness research by explaining how certain phrases gain pragmatic weight through repeated use within a specific community. While conventionalized formulae offer reliability, multifunctional bundles reveal the adaptability of language to situational demands, enriching our understanding of politeness as both a norm and a negotiation.

The study showed that the lexical bundle approach enhances politeness research by illuminating unobvious linguistic strategies, particularly in discourse communities where civility and critique coexist. Future research could explore how these patterns evolve across different online platforms or cultural contexts, further testing the interplay between conventionalization and contextual dynamics in expressing politeness.

REFERENCES

- Baidier F.H., Cislaru G., Claudel C., 2020. Researching Politeness: From the 'Classical' Approach to Discourse Analysis... and Back. *Corpus Pragmatics*, vol. 4, pp. 259-272. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41701-020-00088-8>
- Biber D., 2006. *University Language: A Corpus-Based Study of Spoken and Written Registers*. Amsterdam, John Benjamins. 261 p.
- Biber D., 2009. A Corpus-Driven Approach to Formulaic Language in English. *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 14, iss. 3, pp. 275-311. DOI: <https://doi.org/10.1075/ijcl.14.3.08bib>
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., 1999. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London, Longman. 1204 p.
- Brown P., 2017. Politeness and Impoliteness. Yan Huang, ed. *Oxford Handbook of Pragmatics*, pp. 383-399. Oxford, Oxford University Press.
- Brown P., Levinson S.C., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 358 p.
- Conrad S. M., Biber D., 2005. The Frequency and Use of Lexical Bundles in Conversation and Academic Prose. *Lexicographica*, vol. 20, pp. 56-71. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783484604674.56>
- Cortes V., 2004. Lexical Bundles in Published and Student Disciplinary Writing: Examples from History and Biology. *English for Specific Purposes*, vol. 23, iss. 4, pp. 397-423. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.esp.2003.12.001>
- Culpeper J., 2011. Politeness and Impoliteness. Aijmer K., Andersen G., eds. *Pragmatics of Society*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 393-438.
- Culpeper J., Gillings M., 2018. Politeness Variation in England: A North-South Divide. Brezina V., Love R., Aijmer K., eds. *Corpus Approaches to Contemporary British Speech: Sociolinguistic Studies of the Spoken BNC2014*. S.l., Routledge, pp. 33-59. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315268323-5>
- Danescu-Niculescu-Mizil C., Sudhof M., Jurafsky D., Leskovec J., Potts C., 2013. A Computational Approach to Politeness with Application to Social Factors. *Proceedings of ACL*. URL: <https://nlp.stanford.edu/pubs/politeness.pdf>
- Eelen G., 2001. *A Critique of Politeness Theories*. Manchester, St Jerome. 280 p.
- Flinn A., 2023. How Often Do Pauses Occur in Lexical Bundles in Spoken Native English Speech? *Corpus Pragmatics*, vol. 7, iss. 4, pp. 303-322. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41701-023-00146-x>
- Goffman E., 1967. *Interaction Ritual: Essays on Face-To-Face Behavior*. Garden City, New York, Doubleday. 270 p.
- Grainger K., 2011. "First Order" and "Second Order" Politeness: Institutional and Intercultural Contexts. *Discursive Approaches to Politeness*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 167-188.
- Gritsenko E.S., Kamou O.M.T., 2024. Academic English Melting Pot: Reconsidering the Use of Lexical Bundles in Academic Writing. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 28, no. 3, pp. 615-632. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-39663>
- Haugh M., 2007. The Discursive Challenge to Politeness Theory: An Interactional Alternative. *Journal of Politeness Research*, vol. 3, pp. 295-317. DOI: <https://doi.org/10.1515/PR.2007.013>
- House J., Kádár D.Z., Leontyev V.V., 2021. Ritual Frame Indicating Expressions (An Academic Conversation). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 2, pp. 42-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.4>
- Hyland K., 2008a. As Can Be Seen: Lexical Bundles and Disciplinary Variation. *English for Specific Purposes*, vol. 27, iss. 1, pp. 4-21. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.esp.2007.06.001>
- Hyland K., 2008b. Academic Clusters: Text Patterning in Published and Postgraduate Writing. *International Journal of Applied Linguistics*, vol. 18, no. 1, pp. 41-62. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1473-4192.2008.00178.x>
- Jucker A.H., Staley L., 2017. (Im)politeness and Developments in Methodology. Culpeper J., Haugh M., Kádár D.Z., eds. *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London, Palgrave Macmillan, pp. 403-429. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-37508-7_16
- Jucker A.H., 2018a. Data in Pragmatic Research. Jucker A.H., Schneider K.P., Bublitz W., eds. *Methods in Pragmatics*. Berlin, De Gruyter, pp. 3-36. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110424928-001>
- Jucker A.H., 2018b. Introduction to Part 5: Corpus Pragmatics. Jucker A.H., Schneider K.P., Bublitz W., eds. *Methods in Pragmatics*. Berlin, De Gruyter Mouton, pp. 455-466. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110424928-018>

- Kádár D., 2017. *Politeness, Impoliteness, and Ritual: Maintaining the Moral Order in Interpersonal Interaction*. Cambridge, Cambridge University Press. 427 p.
- Kádár D.Z., Haugh M., 2013. *Understanding Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press. 295 p.
- Leontovich O.A., Nikitina A.V., 2024. Communication Monitoring as a Politeness Mechanism. *Training, Language and Culture*, vol. 8, iss. 3, pp. 62-72. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-3-62-72>
- Locher M., 2004. *Power and Politeness in Action. Disagreements in Oral Communication*. Berlin, Mouton de Gruyter. xvi, 365 p.
- Locher M., 2006. Polite Behaviour Within Relational Work: The Discursive Approach to Politeness. *Multilingua*, vol. 25, iss. 3, pp. 249-267.
- Locher M.A., Larina T.V., 2019. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, iss. 4, pp. 873-903. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903>
- Mills S., 2011. Discursive Approaches to Politeness and Impoliteness. *Discursive Approaches to Politeness*. Berlin, De Gruyter Mouton, pp. 19-56. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110238679.19>
- Reagle J.M., 2010. *Good Faith Collaboration: The Culture of Wikipedia*. Cambridge, The MIT Press. 261 p.
- Spencer-Oatey H., 2005. (Im)Politeness, Face and Perceptions of Rapport: Unpackaging Their Bases and Interrelationships. *Journal of Politeness Research*, vol. 1, no. 1, pp. 95-119. DOI: <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.1.95>
- Terkourafi M., 2001. *Politeness in Cypriot Greek: A Frame-Based Approach*. PhD Thesis. Cambridge, University of Cambridge. 272 p.
- Terkourafi M., 2005. Beyond the Micro-Level in Politeness Research. *Journal of Politeness Research: Language Behaviour Culture*, vol. 1, iss. 2, pp. 237-262. DOI: <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.2.237>
- Terkourafi M., 2011. From Politeness1 to Politeness2: Tracking Norms of Im/Politeness Across Time and Space. *Journal of Politeness Research*, vol. 7, iss. 2, pp. 159-185. DOI: <https://doi.org/10.1515/JPLR.2011.009>
- Terkourafi M., 2015. Conventionalization: A New Agenda for Im/Politeness Research. *Journal of Pragmatics*, vol. 86, pp. 11-18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.06.004>
- Terkourafi M., Kádár D.Z., 2017. Convention and Ritual (Im)Politeness. Haugh C.M., Kádár D.Z., eds. *The Palgrave Handbook of Linguistic Politeness*. London, Palgrave Macmillan, pp. 171-195.
- Van Dorst I., Gillings M., Culpeper J., 2024. Sociopragmatic Variation in Britain: A Corpus-Based Study of Politeness. *Journal of Pragmatics*, vol. 227, pp. 37-56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2024.04.009>
- Van Olmen D., Andersson M., Culpeper J., 2023. Inherent Linguistic Impoliteness: The Case of Insultive YOU+NP in Dutch, English, and Polish. *Journal of Pragmatics*, vol. 215, pp. 22-40. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2023.06.013>
- Watts R., 2003. *Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press. 328 p.
- Watts R., 2005. Linguistic Politeness Research: Quo vadis? Watts R.J., Ide S., Ehlich K., eds. *Politeness in Language: Studies in Its History, Theory and Practice*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 11-47. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110199819.XI>
- Xia D., Ai H., Pae H.K., 2022. "Please Let Me Know" Lexical Bundles in Business Emails by Business English Learners and Working Professionals. *International Journal of Learner Corpus Research*, vol. 8, no. 1, pp. 1-30. DOI: <https://doi.org/10.1075/ijlcr.20019>
- Xie F., 2024. Politeness Variation: Politeness in Britain, Australia, and Hong Kong. *Corpus Pragmatics*, vol. 8, pp. 313-333. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41701-024-00174-1>
- Zlov V., Zlatev J., 2024. A Cognitive-Semiotic Approach to Impoliteness: Effects of Conventionality and Semiotic System on Judgments of Impoliteness by Russian and Swedish Speakers. *Journal of Politeness Research*, vol. 20, iss. 2, pp. 249-296. DOI: <https://doi.org/10.1515/pr-2022-0017>

Information About the Authors

Elena S. Gritsenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English no. 3, MGIMO University, Moscow, Russia, elena.s.gritsenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8669-360X>

Olivier Mozard T. Kamou, Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, HSE University, Nizhny Novgorod, Russia, kamouolivier@gmail.com, ototsopkamu@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5291-3037>

Информация об авторах

Елена Сергеевна Гриценко, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия, elena.s.gritsenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8669-360X>

Оливье Мозард Т. Каму, аспирант, департамент иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, kamouolivier@gmail.com, ototsopkamu@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5291-3037>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.5>

UDC 811.161.1'271.16

LBC 81.411.2-006

Submitted: 30.03.2025

Accepted: 05.06.2025

MASS CULTURE IRONY: RUSSIAN REFUSAL/OBJECTION IRONIC SPEECH CLICHES WITH REGARD TO THE CATEGORY OF POLITENESS¹

Natalia G. Bragina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The paper examines Russian refusal/objection ironic cliches and their functioning in speech communication. The author defines and characterizes the communicative situation of their use. It is proposed to divide individual and mass culture irony and to consider ironic cliches as a kind of the latter. The Russian refusal/objection ironic cliches realize face-threatening acts (FTA-s) twice. Firstly, they refer to refusal/objection, and secondly, they express mockery, ridicule. They belong to the conceptual field of anti-politeness. The paper discusses the regularities of their formation: hyperbolization and simultaneous existence in two moduses: truth and lie, i.e. saying "yes," I do not hide my "no." The author describes the role relations between the speaker and the addressee in typical situations of an ironic reaction to a request/assumption. The analysis of about three hundred examples shows that the speaker expresses or establishes asymmetric relations with the addressee. The scrutiny resulted in identifying the time period when refusal/objection ironic cliches appeared in modern Russian. The paper also highlights the strategies for their translation into English. It is suggested that the speech cliches of refusal/objection are culturally specific and that the pragmatics of their use can be correlated with the laughter culture of ancient Russia.

Key words: ironic speech cliches, mass culture irony, category of politeness, communicative situation, role relations, speech expression.

Citation. Bragina N.G. Mass Culture Irony: Russian Refusal/Objection Ironic Speech Cliches with Regard to the Category of Politeness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 53-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.5>

УДК 811.161.1'271.16

ББК 81.411.2-006

Дата поступления статьи: 30.03.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

МАССКУЛЬТУРНАЯ ИРОНИЯ: РУССКИЕ ИРОНИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ КЛИШЕ ОТКАЗА / ВОЗРАЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ¹

Наталья Георгиевна Брагина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена ироническим клише отказа / возражения и особенностям их функционирования в речевой коммуникации. Дано определение и описана коммуникативная ситуация их использования. Предложено разделять индивидуальную и масскультурную иронию и понимать иронические клише как разновидность последней. Показано, что они дважды ликоугрожающие: отказ / возражение и насмешка, издевательство. Это позволяет включать их в понятийное поле антивежливости. К закономерностям образования таких клише отнесены: использование высокой степени признака (гиперболизация); одновременное существование в двух модусах: истины и лжи (говоря «да», я не скрываю своего «нет»). Охарактеризованы ролевые отношения между адресантом и адресатом в типичных ситуациях иронической реакции на просьбу / предположение: адресант выражает или устанавливает асимметричные отношения с адресатом. На основе результатов анализа установлен временной период появления в современном русском языке иронических

клише отказа / возражения. Выделены стратегии их переводов на английский язык. Высказано предположение о культурной специфичности речевых клише отказа / возражения и о том, что прагматика их употребления может быть соотнесена со смеховой культурой Древней Руси.

Ключевые слова: иронические речевые клише, масскультурная ирония, категория вежливости, коммуникативная ситуация, ролевые отношения, речевая экспрессия.

Цитирование. Брагина Н. Г. Масскультурная ирония: русские иронические речевые клише отказа / возражения в аспекте категории вежливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 53–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.5>

Введение

Иронический взгляд на миропорядок противопоставлен серьезному взгляду на культуру и ее развитие. Иронию можно определить как культурную апофатику: неслучайно с ней связывают понятие контркультуры. Будучи важным культурно-языковым явлением, ирония становится объектом наблюдения и изучения.

Наиболее изученными называются такие аспекты иронии, как исторический; функциональный (доминанта художественного направления); ирония в художественном методе, в структуре комического; ирония в межличностном общении: бытовом, педагогическом, политическом и др. [Пивоев, 2017]. Исторический аспект иронии от античности до XX в. рассматривается в лингвистической работе [Шилихина, 2014]. Ирония характеризуется по предметным областям: в философии, в этике, в литературоведении, в семиотике, в лингвистике.

По мнению некоторых исследователей, иронии свойственна элитарность: она опознается не всеми, и для ее понимания требуется умение считывать смысл, так как в ней юмор маскируется под серьезность [Зубков, Лисик, 2020; Осокин, 2019]. Если полагать, что элитарность противопоставлена массовости – толкование слова *элитарный* как ‘лучший’ содержит такие импликации, – то в отношении апроприрующей иронию современности, масскультурной по своему характеру, возникает определенное противоречие. Это противоречие может быть разрешено, если допустить существование двух видов иронии: а) индивидуальной, авторской; б) масскультурной.

Дэвид Фостер Уоллес в эссе «E Unibus Pluram» отмечал, что ирония из метода контркультурной борьбы превратилась в явление массовой культуры [Wallace, 1993]. В одном из интервью он также заметил, что ирония постмодерна стала всеобщим окруже-

нием. С работами Уоллеса принято связывать понятие постиронии, а также концепцию «новой искренности».

Тенденция масскультурной апроприации иронии в России стала заметна уже в начале 90-х гг. XX в., когда в массмедиа начал активно использоваться стёб, в интонации которого ирония становится одной из ведущих составляющих [Дубин, 2001, с. 170].

В употребление слово *стёб* вошло в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века. Национальный корпус русского языка фиксирует самое раннее его использование 1992 годом. Разные толковые словари снабжают *стёб* пометами *жаргонное* или *сленг*, то есть относят его к субстандарту и определяют как: ‘ирония, насмешка’ (БТС, с. 1264); ‘легкая или язвительная насмешка, ирония’ (ТСРРР, с. 306–307).

Социолог Б.М. Дубин характеризует стёб как «разновидность публичного интеллектуального эпатажа, который состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижении любых символов других групп... через подчеркнутое использование этих символов в несвойственном им, пародийном или пародическом контексте, составленном из стереотипов двух (точнее, как минимум двух) разных лексических и семантических уровней, рядов» [Дубин, 2001, с. 163]. Он отмечает «быстроту передачи «стёбового» образца словесного поведения» и «первичную массовизацию стёба как нового “всеобщего” языка» [Дубин, 2001, с. 166]. Культурную роль носителей стёба он описывает не как инновационную, а как эпигонскую в социологическом смысле [Дубин, 2001, с. 170], отмечая в целом деиндивидуализированный характер стёба [Дубин, 2001, с. 172]. Если согласиться с такой характеристикой стёба, то его можно рассматривать как одно из проявлений масскультурной иронии.

С появлением социальных сетей общая тенденция апроприации иронии массовой куль-

турой усилилась, в частности возникли новые интернет-жанры постфольклора, воспроизводящие иронический взгляд на мир: пирожки, порошки [Ковшова, Кронгауз, 2024], демотиваторы, аткрытки, стишки паблика «Вижу рифмы» и др. Интересное развитие получили коммеморативные практики. В 90-х гг. XX в. был установлен памятник Чижику-Пыжику. Это стало началом массовой установки в разных городах игровых, иронических памятников, что привело к модификации самого понятия памятника [Брагина, 2024a].

Таким образом, примерно со второй половины XX в. ирония, которую А. Блок в 1908 г. назвал «болезнью личности, болезнью индивидуализма» [Блок, 1962, с. 349], становится одной из важных составных частей масскультуры, серийно тиражируемой в разных дискурсивных практиках. Для современной коммуникации, включая речевую коммуникацию, характерно сосуществование двух видов иронии: авторской, индивидуальной и масскультурной, стереотипной.

В отличие от авторской масскультурная ирония предсказуема, а ироническая реакция на определенную коммуникативную ситуацию / класс ситуаций стереотипна. При воспроизводстве иронической реакции появляется возможность использовать определенные «заготовки»: вербальные, визуальные, вербально-визуальные и др. В речевой коммуникации такими «заготовками» становятся иронические речевые клише.

Результаты и обсуждение

Иронические речевые клише как один из видов масскультурной иронии

Иронические клише являются одним из видов речевых клише [Брагина, 2023]. Под *ироническими речевыми клише* будем понимать сформированные при помощи иронии / насмешки одно- и многословные диалогические единицы, устойчиво и стереотипно воспроизводимые, выступающие (как правило) в качестве ответной реплики, прагматически связанные с конкретным речевым актом, с конкретным классом коммуникативных ситуаций.

Иронические речевые клише лишены таких качеств живой иронии как: двусмысленность, спонтанность, создающая «эффект не-

тривиальной комбинации языковых единиц в высказывании» [Шилихина, 2014, с. 98]. Комбинация языковых единиц в них тривиальна: они стереотипны, конструируются по определенным моделям, воспроизводятся в готовом виде и не содержат новизны.

Разграничение авторской, индивидуальной и масскультурной иронии, как кажется, снимает дискуссионный вопрос о том, можно ли речевые клише, используемые как реакции на просьбу, например: *А больше ты ничего не хочешь? Держи карман шире!* – относить к ироническим.

О.П. Ермакова, отмечая «грубоватость» подобных единиц, рассматривала их как особый тип иронических высказываний [Ермакова, 2005, с. 33]. И.А. Шаронов, описывая насмешку и иронию, также характеризовал их как насмешливые и/или иронические [Шаронов, 2004]. Этой же точки зрения придерживается К.М. Шилихина [Шилихина, 2024].

Напротив, И.Б. Шатуновский такие единицы не относил к сигналам иронии (термин Вайнриха [Вайнрих, 1987, с. 79]). Он определял их как иронические, исключительно исходя из их происхождения, полагая, что живая ирония в них отсутствует. Фраза *А больше ты ничего не хочешь?* – это прямой и недвусмысленный отказ [Шатуновский, 2007, с. 344].

Иронические клише, относимые к масскультурной иронии, лишены свойств индивидуальной (живой) иронии, но они сохраняют в себе интенцию насмешки и используются для осмеяния, издевательства. Собственно смеховой эффект также трансформируются в экспрессию и служат для выражения конфликтного антивежливого поведения. Это, в частности, подтверждает собранная нами на основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) коллекция примеров общим объемом около 200 единиц.

Отличие авторской, живой иронии от масскультурной, передаваемой при помощи клише, можно проиллюстрировать диалогом Остапа Бендера с беспризорным:

(1) В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми. За ним бежал беспризорный. Дядя! – весело кричал он. Дай десять копеек! Молодой человек вынул из кармана налитое яблоко и подал его беспризорному, но тот не отставал. Тогда пешеход остановился, **ироничес-**

ки посмотрел на мальчика и воскликнул: **Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?** Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих претензий и немедленно отстал (Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев).

Фраза, которую произносит Остап Бендер и которая впоследствии стала крылатой, превратившись в клише, в данной коммуникативной ситуации – пример авторской иронии, причем недвусмысленной. Беспризорный воспринимает ее однозначно как отказ, меняя свое поведение, то есть прекращая назойливые просьбы. Если бы Бендер ответил мальчику: *Держи карман шире*, то, вероятнее всего, фраза имела бы тот же эффект, но ее при этом нельзя считать авторской: она стереотипна. Это – пример маскультурной иронии, выраженной при помощи речевого клише отказа.

Являясь коммуникативными ироническими «заготовками» и выступая как продукт маскультуры, такие клише позволяют любому носителю языка безотносительно к его способности иронизировать примерить на себя маску ироника.

Функционирование речевых клише при спонтанном экспрессивном отказе / возражении в аспекте категории вежливости

Экспрессивные спонтанные отказы / возражение, выраженные речевыми клише, могут подразделяться на прямые и иронические. Общая коммуникативная ситуация подразумевает, что ‘адресант (тот, кто отказывает / возражает) в эмоциональной форме выражает либо нежелание исполнить просьбу / требование адресата, либо несогласие с тем, что он сказал’.

При прямом отказе / возражении объектом эмоционального реагирования становится просьба / предположение адресата. Отказ / возражение выражается с помощью клише: *Нетушки! И не подумаю! Ни за что! И речи быть не может (!) Избавь(те) (!) Уволь(те) (!), Как бы не так (!) Ничего подобного (!)*.

При отказе-отношении / возражении-отношении объектом эмоционального реагирования становится не только просьба / предположение, но также и личность самого адресата, который подвергается осмеянию. Например, использу-

ются клише: *Спешу и падаю (!) Разбежался (!) Слуга покорный (!)*. При отказе-отношении адресант демонстрирует превосходство над адресатом. Допуская насмешку, издевку он выражает неуважение к собеседнику.

Отказ-отношение / возражение-отношение воплощают в себе модель речевой агрессии, коррелирующей с грубостью. Уже сама ситуация отказа создает угрозу социальному лицу адресата: в некоторых культурах принято в случае отказа употреблять максимально смягченные формы. Здесь же в дополнение к собственно отказу происходит также ироническое воздействие на социальное лицо адресата. Иронические клише, таким образом, являются дважды ликоугрожающими: отказ / возражение и насмешка, издевательство. Наряду с императивными речевыми клише [Брагина, 2024б] и репликами-повторами [Брагина, Шаронов, 2019] они могут быть включены в понятийное поле антивежливости, подразумевающей сознательное нарушение правил вежливого общения. С их помощью адресант выражает или устанавливает асимметричные отношения с адресатом – объектом иронической реакции. Ср.:

(2) – Ты чё, не врубаешься, что ли? Говорю же: спешу! Деньги давай! – Конечно, **разбежался** прям... (Ошевнев Ф.М. Записки букиниста // Ковчег);

(3) – Купи мне однокомнатную. Или эту разменяю. – Ага, **размечтался**, – ответила Зоя в тон ему (Мясников В.А. Водка);

(4) [Илья (муж, 33)] Уходи, говорю! [Антон (муж, 18)] спокойно Сейчас. Уйду. **Шнурки поглажу**. Может, мне тут понравилось. Бей, если хочешь. Не пойду (Коляда Н.В. Рогатка);

(5) Неужели вы не хотите со мной выпить из-за этой несчастной кровати? Будь она проклята! Да что вы! – воскликнул я. – Я о ней давно забыл! **Так я и поверил**, – заметил он скептически, – но что делать! (Искандер Ф.А. Муки совести, или Байская кровать).

В собранной нами коллекции насчитывается более сорока иронических речевых клише отказа / возражения, формирующих понятийное поле антивежливости и около трехсот словоупотреблений, извлеченных из Национального корпуса русского языка.

Следует при этом оговориться, что иронические клише также могут не выражать агрессии, маркируя критическое отношение к самому себе (самокритика) или неформаль-

ное дружеское общение. Это – общее правило смягчения отрицательной оценки у лексических единиц при адресации: 1) к самому себе – *Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец* (Фадеев М., Секачева И. Шоколадный заяц); – *Господи, какая я идиотка!*; 2) к близкому человеку – *Ну, собака, не забывайся. Помни, что ты моя жена и что я могу тебя каждый день через полицию вытребовать.* (Чехов А.П. Письмо Книппер-Чеховой О.Л., 1 и 2 февраля 1903 г. Ялта).

Смягченное употребление иронических клише можно проиллюстрировать следующими примерами, ср.:

(6) Ну да, взяла авиакомпания кредит у банка, который ходил в любимчиках у министра финансов, взяла под небольшой процент – так ведь и этот процент нынче не отдашь! Думали – за год отобьем. Как же, **размечтался!** И на кой ляд нам теперь новые самолеты? (Кантор М.К. В ту сторону);

(7) Только хозяину этой лошади какое дело до наших тигров?! На чем он завтра хлеб развозить будет? Может, лучше попросить? – с надеждой спросил Ионис. А вдруг продадут? Ага, **держи карман шире**, продадут! Догонят и еще добавят, – сказал я убежденно (Запашный В.М. Риск. Борьба. Любовь).

В первом примере присутствует самоирония, во втором – приводится фрагмент разговора между друзьями.

Образование иронических речевых клише отказа / возражения

Отмечаемые философами и лингвистами общие свойства иронии отражены в некоторых закономерностях образования иронических клише. Во-первых, это – использование высокой степени признака: ирония не любит умеренности [Витгенштейн, 2018]. В речи она может быть в самом обозначении признака (*Гений! Прекрасно! Чудный!* и т. п.), но часто выражается сочетанием с интенсификаторами (*Очень мило! Потрясающе интересный!*) [Ермакова, 2016, с. 138]. Во-вторых, ирония одновременно существует в двух модусах: истины и лжи. «Ирония в отличие от обмана не просто скрывает истину, но и выражает ее... Сущность иронии заключается в том, что я, говоря “да”, не скрываю своего

“нет”, а именно выражаю, выявляю его» [Лосев, 1966, с. 73]. «В иронии истина и ложь не составляют противоположности» [Вайнрих, 1987, с. 76].

Рассмотрим общие закономерности образования иронических речевых клише отказа / возражения.

Закономерность 1. ‘Гиперболизированное и, как его следствие, абсурдное «да» означает «нет»’, ср.:

А. ‘Гиперболизованная демонстрация адресантом усердия и скорости выполнения просьбы или готовности мгновенно согласиться с предположением’: *Бегу и спотыкаюсь; Спешу и падаю; Все дела брошу; Ну уж завтра; Только / Ща шнурки поглажу; Ща / Щас; Только штаны подтяну; Так я и + глагол прош. времени (сказал / спел / ответил); Разбежался; Разлетелся; Разогнался.*

Б. ‘Гиперболизованная демонстрация адресантом желания, твердого намерения выполнить просьбу, благодарность за просьбу или готовность мгновенно согласиться с предположением’: *Благодарю покорно / покорно благодарю (!); Всю жизнь мечтал(а) (!); Как же (!); Очень надо / нужно (!); Слуга покорный (!).*

В. ‘Совет адресату тщательно подготовиться к исполнению просьбы: гиперболизация действия, сопровождающего такую подготовку’: *Держи карман (шире) (!) Ищи дурака (!).*

Закономерность 2. ‘Вопрос: может быть предупредительно вежливым, но косвенно указывающим на чрезмерность просьбы или нереалистичность предположения, что означает несогласие’, ср.: *Мечты, мечты, где ваша сладость? Шутить изволите? Самый Х (умный, хитрый, крутой смелый...), (да?) А больше ты ничего не хочешь? А морда (рожа) не треснет? А не сплывется?*

Закономерность 3. ‘Утверждение: могут использоваться слова с образной семантикой, указывающие на чрезмерность просьбы или нереалистичность предположения, что означает несогласие’, ср.: *Еще чего захотел (!) Жирно будет (!) Нашли дурака (!) Размечтался (!) Раскатал губы / губищи (!) Хорошего понемножку (!)*

В группе примеров, иллюстрирующих закономерность 1, адресат в отношении адресанта демонстрирует беспрекословную сверх-услужливость (А); экзальтированную

благодарность, поддерживаемую восклицанием интонацией (Б); заинтересованность в результате, поддерживаемую (абсурдным) советом (В). В примерах, реализующих закономерность 2, адресат по отношению к просьбе / предположению адресанта проявляет выраженный в форме вопроса скепсис. В примерах, выражающих закономерность 3, адресат передает с помощью речевых клише легкое возмущение.

Иронические клише, таким образом, придают высказыванию экспрессию, основанную на комическом эффекте. Они используются для выражения пренебрежительного отношения адресанта как к самой просьбе / самому предположению, так и к адресату. Пренебрежение выражается не прямо, а под разными масками, что согласуется с общими свойствами театрализованности и диалогичности иронии. Ирония рассматривается как языковая мистификация, при которой иронизирующий надевает разные маски: глупца, невежды, наивного и доверчивого человека, подлого, глупо-восторженного и другие [Ермакова, 2007, с. 226]. Соответственно иронические клише участвуют в создании образа человека определенного психотипа.

***Иерархические отношения
между адресантом и адресатом
в ситуации иронической реакции
в ответ на предположение / просьбу***

Исходно ролевые отношения между адресантом и адресатом могут соответствовать (объективно или ситуативно) разным позициям в разных иерархиях, например: начальник – подчиненный (административная иерархия); старший – младший (возрастная иерархия); абьюзер – жертва абьюза (психологическая иерархия) и др.

Также адресант и адресат могут находиться в равных позициях, например: одноклассники, приятели, коллеги по работе и др.

Рассмотрим разные ролевые отношения между адресантом и адресатом в типичных ситуациях иронической реакции на просьбу / предположение.

1. Если адресатом является лицо, занимающее более низкую позицию в иерархии (административной, возрастной, психологичес-

кой и т. д.) или как-либо иначе зависимое от адресанта, то ироническая реакция выражает превосходство адресанта над адресатом. Могут включаться такие поведенческие стратегии как издевательство, глумление. Разговор идет «сверху – вниз». Адресант ставит адресата на место: «всяк сверчок знай свой шесток», ср.:

(8) Наталья (*размышляет*). Вообще это идея... Пиф-паф – и никаких проблем!.. Стреляет, и с кровли на стол начинает течь вторая струйка. Скуляев (*с беспокойством и надеждой*). Ты так весь барабан расстреляешь... Наталья (*жестко*). **Размечтался!.. Смеется**, Шахову. Пойди, Миха, сядь к столу, выпей с ним посюсю на дорожку!.. (Волков А.А. Ликвидаторы // Звезда. 2001).

Общую коммуникативную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: ‘Я считаю твоё предположение не соответствующим реальному положению дел, твою просьбу – дерзкой. Своё отношение я выражаю с помощью иронической реакции, которая может быть оскорбительной для тебя и которая показывает мою готовность игнорировать тебя и/или твоё высказывание’.

2. Если адресатом является лицо, занимающее более высокую позицию в иерархии (административной, возрастной, психологической и т. д.) и/или адресант иначе зависит от адресата, то ироническая реакция выражает протестное, дерзкое поведение. Разговор идет «снизу – вверх». Вопреки установленным нормам или сложившимся обстоятельствам адресант демонстрирует свой протест, свою независимость от адресата, ср.:

(9) – Катя, очень хорошо, что ты пришла, – бодро продолжил дядя Митя. – Ты вот что, ты нам картошечки свари. <...> Катю даже затрясло от бешенства. – Сейчас, **разбежалась!** – сладострастно прошептала она. – Картошечки ему... А ну – вон! Все – вон! – **Ну и молодежь нынче пошла**, – скорбно заговорил Колян (Тренина Т.М. Никогда не говори «навсегда»).

Общую коммуникативную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: ‘Вопреки твоим ожиданиям я не чувствую к тебе почтения, уважения и не считаю, что у меня есть какие-либо обязательства перед тобой. Своё отношение я выражаю с помо-

стью иронической реакции, которая может быть оскорбительной для тебя и которая показывает мою готовность игнорировать твое высказывание’.

3. Если адресант и адресат находятся на равнозначных позициях, то есть вне создаваемых иерархиями отношений, то ролевая иерархия устанавливается ситуативно. Ироническая реакция означает, что адресант в силу разных причин в данной ситуации занимает более высокую позицию. Адресант урезонивает адресата, ср.:

(10) – Дашь почитать? – **Счас! Разбежался!** Ты мне «Девятнадцать девять» отдал?! (Эппель А.И. Кастрировать Кастрюльца! // Знамя. 2002).

Общую коммуникативную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: ‘Основываясь на знании ситуации и/или опыте общения с тобой, я считаю твое предположение неправомерным, твою просьбу чрезмерной. Свое отношение я выражаю иронической реакцией, которая показывает мою готовность игнорировать твое высказывание’.

**Функционирование иронических
речевых клише отказа / возражения
во второй половине XX века.
«Ирония» и «глум» в русской
смеховой культуре**

Определение иронических речевых клише как разновидности масскультурной иронии ставит вопрос о времени их появления в современном русском языке.

Национальный корпус русского языка показывает, что употребление иронических речевых клише отказа / возражения в основном фиксируются с середины XX века. В более ранних текстах большинство из них вообще не встречается. Некоторые употребляются эпизодически, например, первой фиксацией в НКРЯ отмечены такие клише: *Нашли дурака* – 1853 г.; *Жирно будет* – 1853 г.; *Держи карман шире* – 1880 г.; *Еще чего захотел* – 1902 г.; *Благодарю покорно* – 1864 г. (первое ироническое употребление). Таким образом, использование иронических речевых клише отказа / возражения – относительно новое явление. Это согласуется с мнением

лингвистов и антропологов, утверждающих что в XX в. насыщенность повседневной жизни элементами игры-насмешки увеличилась по сравнению с XVIII и XIX вв. [Мечковская, 2007, с. 143].

Как отмечалось выше, иронические клише отказа / возражения отражают антивежливую коммуникацию. Используемые при них интерпретирующие предикаты описывают отрицательные эмоциональные реакции: смех, злость, раздражение, отвращение; негативные поведенческие реакции: грубость, противодействие и др. Ср.: *хихикнуть*; *оскаблиться*; (*зло / раздраженно*) *фыркнуть*; *съехидничать*; *проворчать*; *поморщиться*; *процедить сквозь зубы*; *грубо ответить*; *подхватить запальчиво*; *с отвращением перебить*; *кричать*; *выкрикнуть*; *оспорить*; *отразить неожиданную атаку*; *заметить скептически* и др.

Хотя использование иронических речевых клише для выражения негативной реакции, как показывает наш материал, – явление сравнительно новое, прагматика их употребления: «иронизирование с некоторым издевательством» [Лосев, 1966, с. 73], – возможно, имеет определенное историческое обоснование. Она может быть связана с русской смеховой культурой, с особенностями вербального поведения, обозначавшегося в древнерусском языке с помощью слова *глум*. Рассмотрим смысловые пересечения между словами *ирония* и *глум*.

Слово *ирония* заимствуется русским языком со второй четверти XVIII в. из западноевропейских языков. Позднее входят в употребление однокоренные слова: *иронический* (с 1892 г.), *иронизировать* (1880 г.) (Черных, с. 356). До появления *иронии* и ее дериватов в русском языке использовалось слово *глум* и его однокоренные слова. В их толкования входили семы: ‘смех’, ‘насмешка’, а также ‘бесстыдство, распутство’. «Словарь церковнославянского языка» (Дьяченко, с. 124) фиксирует слово *глоума* и несколько однокоренных слов. В словарях древнерусского языка словообразовательное гнездо представлено уже большим количеством единиц: *глоумити*, *глоумитисѧ*, *глоумица*, *глоумлениѧ*, *глоумъ*, *глоумьникъ*, *глоумьць* (СДРЯ XI–XIV, с. 332–333). В «Сло-

варь русского языка XI–XVII вв.» помимо перечисленных выше единиц также включены: *глумецъ*, *глумитель*, *глумительнѣ*, *глумленникъ*, *глумный*, *глумотворец* (СлРЯ XI–XVII, с. 36–38). Толкования слов с корнем *-глум-* в этих словарях содержат семантические компоненты: ‘скоморох’, ‘скоморошничать’, ‘лицедействовать’, ‘насмешка’, ‘издевательство’, ‘оскорбление’, ‘бесчестье’, ‘непристойность’ и др.

Ирония вытесняет слово *глум*, которое в современном русском языке используется редко. Однокоренные слова: *глумиться*, *глумление*, *глумливый*, *глумливость*, – продолжают употребляться. Они характеризуют агрессивное (речевое) поведение, связанное с осмеянием. В описание их семантики входят семы ‘злость’, ‘насмешка’, ‘издевательство’. Эти же компоненты могут включаться и в коннотативное поле *иронии*. В национальном корпусе сочетаемость слова *ирония* с прилагательными: *злая*, *убийственная*, *едкая*, *жестокая* и др. имеют высокую частотность. Таким образом, существуют определенные смысловые пересечения (на семантическом и коннотативном уровне) между сравнительно поздним заимствованием *ирония* и имеющем долгую историю употребления в русском языке словом *глум*, у которого есть родственные слова во многих славянских языках.

Возможно, плохая переводимость на некоторые языки иронических речевых клише отказа / возражения связана с их культурно-исторической близостью к той модели вербального поведения, которая играла важную роль в смеховой культуре Древней Руси и которая выражалась словом *глум*.

Переводы на английский язык русских иронических речевых клише отказа / возражения

Вопрос о переводимости иронии относится к дискуссионным. И.Б. Шатуновский полагал, что ирония в общем случае переводима, если иметь в виду языки средневропейского стандарта [Шатуновский, 2007, с. 340]. Существует, однако, устойчивое представление о том, что юмор, ирония культурно специфичны и плохо переводятся. Например, социальный антрополог К. Фокс отмечает уни-

кальность английского юмора. Она связывает это с вездесущностью иронии и с тем значением, которое ей придают англичане. «Англичане рождаются в иронии», – цитирует она одного из «проницательных наблюдателей». Пристрастие англичан к иронизированию создает определенные проблемы иностранцам в деловой коммуникации [Fox, 2004, p. 65].

Общие принципы конструирования иронических высказываний в разных лингвокультурах могут совпадать. Это позволяет приписывать иронии определенную универсальность. Если же обратиться к конкретным коммуникативным ситуациям и стереотипным ироническим реакциям, то здесь совпадений будет меньше. В этой связи представляет интерес перевод иронических клише на английский язык, а также использование иронических клише в качестве переводных эквивалентов при переводе с английского языка на русский.

Анализ переводов речевых иронических клише (русско-английских – преимущественно, а также англо-русских) позволил выделить следующие группы, в которых отражена корреляция рассматриваемых единиц и их английских эквивалентов: 1) совпадение по смыслу и образности русских и английских единиц (см. табл. 1); 2) снятая ирония в переводе на английский язык (см. табл. 2); 3) использование переводных эквивалентов с другой образностью (см. табл. 3); 4) пропуск переводных эквивалентов (см. табл. 4). Рассмотрим примеры.

Из 33 найденных в параллельных корпусах примеров 4 относятся к первой группе (см. табл. 1), 23 – ко второй (см. табл. 2), 2 – к третьей (см. табл. 3), 4 – к четвертой (см. табл. 4). Принимая во внимание возможные погрешности и относительно небольшую выборку, все же можно утверждать, что количественно клише со снятой иронией доминируют в английских переводах. В них ироничность внутренней формы русских клише утрачивается, ср.: *Размечтался* – *Nah; get real*; *Разбежался* – *Not so fast*; *Благодарю покорно* – *Thanks; No thank you; Thank you very much*; *Держи карман шире* – *Nothing doing; No, sir; Don't be silly*; *Слуга покорный!* – *not I!*; *Очень надо* – *We don't want*; *Очень нужно!* – *I don't want* и др.

Таблица 1. Совпадение по смыслу и образности русских и английских единиц

Table 1. Concordance of meaning and imagery of Russian and English units

– Может, под праздник из Склада чего выдадут. – Ага. Держи карман шире. Им самим надо (Толстая Т.Н. Кысь)	“Maybe they’ll give out something from the Warehouse for the holiday.” “ Yeah, sure. Hold your pockets open. They need it for themselves” (Tolstaya, T. The Slynx. Transl. by J. Gambrell)
– С тобой и в пустом-то зале разговаривать жутковато, а уж ездить на мотоцикле – слуга покорный... (Савченко В.И. Алгоритм успеха)	“Talking to you in an empty room is a real pain in the ass, but if you’re offering me a lift on your cycle, I’m your humble servant ” (Savchenko V. Success Algorithm. Transl. by H. Saltz Jacobson)

Таблица 2. Снятая ирония в переводе на английский язык

Table 2. Eliminated irony in English translation

У меня сердце обмерло, я бы не пережила, если бы с вами что-то случилось! – Еще чего! – отвечал ей Оглоблин (Елизаров М.Ю. Библиотекарь)	My heart sank, I couldn’t have borne it if anything had happened to you! “ Ah, come off it! ” Ogloblin responded (Elizarov M. The Librarian. Transl. by A. Bromfield)
– Ну что же, вы тогда сфотографируете их с близкого расстояния. – Благодарю покорно! Если они захотят порезвиться на месте нашего привала, нам придется удирать в лес и лезть на деревья (Обручев В.А. Плутония)	“Well then, you’ll be able to photograph them at short range.” “ No, thank you! If they want to gambol about near our camp we’ll have to make off into the forest and climb trees” (Obruchev V. Plutonia. Transl. by B. Pearce)
– Остановится? – спросил кто-то. – Держи карман! Для каждого полка останавливаться! (Гаршин В.М. Из воспоминаний рядового Иванова)	“I wonder if he’ll stop?” someone said. “ Don’t be silly! Can you see him stopping for every blessed regiment?” (Garshin V. The Reminiscences of Private Ivanov. Transl. by B. Isaacs)
– Я когда-нибудь напишу про вас стихи. – Очень нужно! – фыркнул Незнайка (Носов Н.Н. Приключения Незнайки и его друзей)	“Some day I’ll write a poem about you.” “ I don’t want any of your poems, ” snorted Dunno (Nosov N. The Adventures of Dunno and his Friends. Transl. by M. Wettlin)

Таблица 3. Использование переводных эквивалентов с другой образностью

Table 3. Use of translation equivalents with other imagery

– Ты придешь! – кричит Кент мне вслед. – Уверен, что придешь. – Держи карман шире, – отзываюсь я, едва не добавив: «Так будет лучше» (Оливер Л. Прежде чем я упаду. Пер. А. Киланова)	“You’ll come,” he calls after me. “I know you will.” “ Don’t hold your breath, ” I call back, and I almost add, It’s better this way (Lauren Oliver L. Before I fall)
--	--

Таблица 4. Пропуск переводных эквивалентов

Table 4. Omission of translation equivalents

– Хороша критика. Всякая темная личность мне читает мораль. Благодарю покорно (Набоков В.В. Весна в Фиальте)	Fine criticism! Every slick jackanapes sees fit to read me a lecture. Ignorance of my work is their bliss (Nabokov V. Spring in Fialta. Transl. by P. Pertzov)
Ишо следит за вами: либо голову расшибете с наскоку. – Не дождетесь. Еще чего. Голова мне завтра понадобится (Трифонов Ю.В. Нетерпение)	“Am I to sit here and watch you in case you dash your head against the wall.” “You needn’t expect that. I need my head for tomorrow” (Trifonov Yu. The Impatient Ones. Transl. by R. Daglish)

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать предварительные выводы о том, что употребляемые при отказе или возражении русские иронические клише служат для выражения речевой экспрессии и могут расцениваться как антивежливые. Для английского речевого поведения такое использование иронии менее характерно. Вероятно, здесь можно говорить об определенной культурной специфичности русских иронических речевых клише, особенности функционирования которых, связаны со смеховой культурой Древней Руси.

Заключение

Лексикон антивежливости включает иронические речевые клише, используемые при спонтанном экспрессивном отказе / возражении. Они являются дважды ликоугрожающими: помимо собственно отказа / возражения выражают также насмешку над адресатом. В будущем предстоит выяснить роль маскультурной иронии в общем формировании клише и каталогизировать те из них, которые могут быть включены в понятийное поле антивежливости.

Важным вопросом остается установление времени появления иронических клише в современном русском языке. Есть основания полагать, что с середины XX в. характер диалога несколько изменился, в частности, иронические клише стали использоваться более регулярно.

Вопрос о культурной специфичности иронических клише также сохраняет свою значимость. В языках средневропейского стандарта у иронии можно выделить универсальные характеристики, однако ее выражение в речевых клише национальных языков, как кажется, культурно специфично.

Представляет интерес культурно-прагматическая этимология иронических речевых клише, попадающих в понятийное поле антивежливости. Есть вероятность, что они наследуют некоторые черты смеховой культуры Древней Руси, в которой насмешку выражало слово *глум*, семантическими компонентами значения которого были: 'насмешка', 'издевательство', 'оскорбление' и др.

Дальнейшее исследование антивежливости и ее вербального воплощения может дать

нетривиальные результаты, показав, что это — отдельная самостоятельная область, которая не является зеркальным антиподом вежливости.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе», проект № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

The reported study was funded by RSF “Linguistic mechanisms of social interaction: politeness in lexis and discourse”, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блок А., 1962. Ирония // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5. М. ; Л. : ГИХЛ. С. 345–349.
- Брагина Н. Г., 2023. Речевые клише: аспекты лингвистического изучения // Русский язык за рубежом. № 5. С. 10–15. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.001
- Брагина Н. Г., 2024а. Публичные памятники как игровое пространство // Горизонты коммуникативной лингвистики : сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. Ольги Аркадьевны Леонтович. Волгоград : ПринТерра-Дизайн. С. 80–93.
- Брагина Н. Г., 2024б. Категория вежливости: русские императивные речевые клише // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 15, № 3. С. 219–233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Брагина Н. Г., Шаронов И. А., 2019. «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // Russian Journal of Linguistics. Т. 23, № 4. С. 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993
- Вайнрих Х., 1987. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Прогресс. С. 44–87.
- Витгенштейн Л., 2018. Философские исследования. М. : АСТ. 352 с.
- Дубин Б. В., 2001. Круговой стёб и массовые коммуникации : К социологии культурного перехода // Слово — письмо — литература : очерки по социологии современной культуры. М. : НЛО. С. 163–174.
- Ермакова О. П., 2005. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского. 204 с.
- Ермакова О. П., 2007. Ирония — ложь — шутка // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М. : Индрик. С. 219–229.

- Ермакова О. П., 2016. Интенсификаторы и деинтенсификаторы в контексте иронии // *Жанры речи*. № 1. С. 137–141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141
- Зубков А. А., Лисик Т. В., 2020. Постирония как современное явление в отечественном интернет-пространстве // *Общество. Наука. Инновации* : сб. ст. XX Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1. Киров : Вят. гос. ун-т. С. 247–253.
- Ковшова М. Л., Кронгауз М. А., 2024. Смех не без причины. Язык и механизмы комического в новых жанрах интернет-поэзии. М. : Дискурс. 208 с.
- Лосев А. Ф., 1966. Ирония античная и романтическая // *Эстетика и искусство: из истории домарксистской эстетической мысли*. М. : Наука. С. 54–85.
- Мечковская Н. Б., 2007. Феномен «смешного» в речи, его языковые первоэлементы и внеязыковые механизмы // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. М. : Индрик. С. 140–153.
- Осокин А. Н., 2019. Прогрессия наивного аспекта в трех формах иронической чувствительности: от эстетики Кэмп к феноменам Новой искренности и пост-иронии // *Культура и искусство*. № 10. С. 7–17. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.10.31145
- Пивоев В. М., 2017. Ирония как феномен культуры. М. ; Берлин : Директ-Медиа. 112 с.
- Шаронов И. А., 2004. Приемы речевой агрессии: ирония и насмешка // *Агрессия в языке и речи*. М. : РГГУ. С. 38–52.
- Шатуновский И. Б., 2007. Ирония и ее виды // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. М. : Индрик. С. 340–372.
- Шилихина К. М., 2014. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж : Наука-Юнипресс. 304 с.
- Шилихина К. М., 2024. Функционирование клише в ироническом дискурсе. // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. № 8. С. 219–229. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-219-229
- Wallace D. F., 1993. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction // *The Review of Contemporary Fiction*. Vol. 13, № 2. P. 151–194.
- Fox K., 2005. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. Hodder. 583 p.

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

СЛОВАРИ

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- Дьяченко – Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений). М. : Тип. Вильде, 1900. XL, 1120 с.
- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 1989. 494 с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1977. Вып. 4. 403 с.
- ТСРП – Толковый словарь русской разговорной речи / гл. ред. Л. П. Крысин. М. : Яз. слав. культуры, 2021. Вып. 4. 680 с.
- Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1999. 624 с.

REFERENCES

- Blok A., 1962. Ironiya [Irony]. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 5* [Collected Works. In 8 Vols. Vol. 5]. Moscow, Leningrad, GIKHL Publ., pp. 345–349.
- Bragina N.G., 2023. Rechevye klishe: aspekty lingvisticheskogo izucheniya [Speech Clichés: Aspects of Linguistic Study]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 10–15. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.001
- Bragina N.G., 2024a. Publichnye pamyatniki kak igrovoe prostranstvo [Public Monuments as a Ludic Space]. *Gorizonty kommunikativnoy lingvistiki: sb. nauch. trudov, posvyashh. yubileyu prof. Olgi Arkadyevny Leontovich* [Horizons of Communicative Linguistics. Collection of Scientific Papers Dedicated to the Anniversary of Prof. Olga Leontovich]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ., pp. 80–93.
- Bragina N.G., 2024b. Kategoriya vezhливosti: russkie imperativnye rechevye klishe [Category of Politeness: Russian Imperative Speech Clichés in Dialogue]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 15, no. 3, pp. 219–233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Bragina N.G., Sharonov I.A., 2019. «Pedagogicheskaya» agressiya v russkoy bytovoy kommunikatsii [“Pedagogical” Agression in Russian Everyday Communication]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993
- Vaynrkh Kh., 1987. Lingvistika lzhi [Linguistics of Lies]. *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya* [Language and Modeling Social Interaction]. Moscow, Progress Publ., pp. 44–87.

- Wittgenstein L., 2018. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Research]. Moscow, AST Publ. 352 p.
- Dubin B.V., 2001. Kruzhkovyy styob i massovye kommunikatsii: K sotsiologii kulturnogo perekhoda [Circle Banter and Mass Communication: Toward a Sociology of Cultural Transition]. *Slovo – pismo – literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kultury* [Word – Writing – Literature: Essays on the Sociology of Contemporary Culture]. Moscow, NLO Publ., pp. 163-174.
- Ermakova O.P., 2005. *Ironiya i ee rol v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of Language]. Kaluga, Izd-vo KGPU im. K. E. Tsiolkovskogo. 204p.
- Ermakova O.P., 2007. Ironiya – lozh – shutka [Irony Is a Lie Is a Joke]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [A Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of Comic]. Moscow, Indrik Publ., pp. 219-229.
- Ermakova O.P., 2016. Intensifikatory i deintensifikatory v kontekste ironii [Intensifiers and Deintensification in Ironic Context]. *Zhany rechi* [Speech Genres], no. 1, pp. 137-141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141
- Zubkov A.A., Lisik T. V., 2020. Postironiya kak sovremennoe yavlenie v oteshchestvennom internet-prostranstve [Post-Irony as a Modern Phenomenon in the Domestic Internet Space]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii: sb. st. XX Vseros. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. T. 1* [Society. Science. Innovations. Collection of Articles of the 20th All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 Vols. Vol. 1]. Kirov, Vyat. gos. un-t, pp. 247-253.
- Kovshova M.L., Krongauz M.A., 2024. *Smekh ne bez prichiny. Yazyk i mekhanizmy komicheskogo v novykh zhanakh internet-poezii* [Laughing for a Reason. Language and Mechanisms of the Comic in New Genres of Internet Poetry]. Moscow, Diskurs Publ. 208 p.
- Losev A.F., 1966. Ironiya antichnaya i romanticheskaya [Irony Ancient and Romantic]. *Estetika i iskusstvo: iz istorii domarksistskoy esteticheskoy mysli* [Aesthetics and Art: From the History of Pre-Marxist Aesthetic Thought]. Moscow, Nauka Publ., pp. 54-85.
- Mechkovskaya N.B., 2007. Fenomen «smeshnogo» v rechi, ego yazykovye pervoelementy i vneyazykovye mekhanizmy [The Phenomenon of “Funny” in Speech, Its Linguistic Primary Elements and Extra-Linguistic Mechanisms]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [A Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of Comic]. Moscow, Indrik Publ., pp. 140-153.
- Osokin A.N., 2019. Progressiya naivnogo aspekta v trekh formakh ironicheskoy chuvstvitelnosti: ot estetiki Kempa k fenomenam Novoy iskrennosti i post-ironii [Progression of the Naive Aspect in Three Forms of Ironic Sensibility: From Camp Aesthetics to the Phenomena of New Sincerity and Post-Irony]. *Kultura i iskusstvo* [Culture and Arts], no. 10, pp. 7-17. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.10.31145
- Pivoev V.M., 2017. *Ironiya kak fenomen kultury* [Irony as a Cultural Phenomenon]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ. 112 p.
- Sharonov I.A., 2004. Priemy rechevoy agressii: ironiya i nasmeshka [Techniques of Speech Aggression: Irony and Ridicule]. *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in Language and Speech]. Moscow, RGGU, pp. 38-52.
- Shatunovskiy I.B., 2007. Ironiya i ee vidy [Irony and Its Types]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [A Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of Comic]. Moscow, Indrik Publ., pp. 340-372.
- Shilikhina K.M., 2014. *Semantika i pragmatika verbalnoy ironii* [Semantics and Pragmatics of Verbal Irony]. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ. 304 p.
- Shilikhina K.M., 2024. Funktsionirovanie klishe v ironicheskom diskurse [The Functioning of Clichés in Ironic Discourse]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”, Series], no. 8, pp. 219-229. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-219-229
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge, CUP. 345 p.
- Wallace D.F., 1993. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction. *The Review of Contemporary Fiction*, vol. 13, no. 2, pp. 151-194.
- Fox K., 2005. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. Hodder. 583 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536p.
- Dyachenko G.M. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar (so vneseniem v nego vazhneyshikh*

- dreve-russkikh slov i vyrazheniy*) [The Complete Church Slavonic Dictionary (With the Addition of the Most Important Old Russian Words and Expressions)]. Moscow, Tip. Vilde, 1900. XL, 1120 p.
- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t. T. 2* [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 14th c.). In 10 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1989. 494 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1977, iss. 4. 403 p.
- Krysin L.P., ed. *Tolkovyy slovar russkoy razgovornoj rechi* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2021, iss. 4. 680 p.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. T. 1* [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999. 624 p.

Information About the Author

Natalia G. Bragina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Literature and Intercultural Communication; Head of the Laboratory for Research of Speech Communication and Category of Politeness, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, NGBragina@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0281-2067>

Информация об авторе

Наталья Георгиевна Брагина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации; заведующая лабораторией исследований речевой коммуникации и категории вежливости, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, NGBragina@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0281-2067>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.6>UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5Submitted: 25.03.2025
Accepted: 05.06.2025

“SORRY, BUT I HAVE TO SAY”: CRITICISM TRAPPED BY POLITENESS IN THE GENRE OF A THEATRE INTERNET REVIEW

Svetlana V. Ivanova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The study is focused on the interaction of criticism and politeness in critical theatre reviews posted on social networks. The sample includes more than 1,000 posts published in a theater lovers group on the VKontakte social network. The concept of polite criticism is introduced in the article. This type of criticism is implemented in the text in several directions. It is established that politeness can bring about modification of the communicative goal, alterations in the genre script, including the omission of aspects that provoke criticism, changes in the narrative strategy, when a critical judgment is placed in the middle of the text, where the severity of criticism is less pungent. The article also describes cases when the object of criticism is shifted by foregrounding the author as the one being criticized, as well as by taking criticism beyond the object that is criticized, i.e. to the level of the situation. It also shows that the situation under consideration can be represented in an abridged format. In linguistic terms, preference is given to lexical and grammatical units that reduce the critical tone of the statement. Logically, concession and contrast are engaged for the criticism to be outplayed by something praiseworthy. Polite criticism results in expressing a critical judgment on the border of bona-fide and non-bona-fide communication.

Key words: politeness, criticism, theatre review, internet review, non-bona-fide communication.

Citation. Ivanova S.V. “Sorry, But I Have to Say”: Criticism Trapped by Politeness in the Genre of a Theatre Internet Review. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 66-77. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.6>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5Дата поступления статьи: 25.03.2025
Дата принятия статьи: 05.06.2025

«ПРОСТИТЕ, НО Я ВСЕ ЖЕ СКАЖУ»: КРИТИКА В ТИСКАХ ВЕЖЛИВОСТИ В ЖАНРЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВА

Светлана Викторовна Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию проявлений категории вежливости при выражении критики в жанре театрального интернет-отзыва, размещенного в виде поста в социальных сетях. Эмпирическая выборка охватывает более чем 1 000 постов на русском языке, опубликованных в группе любителей театра в социальной сети «ВКонтакте». В статье предлагается понятие вежливой критики в дополнение к имеющимся разновидностям критики. Такая критика реализуется в тексте по нескольким направлениям. Установлено, что вежливость может приводить к смене коммуникативной цели, изменениям в жанровом скрипте вплоть до опущения вызывающих критику аспектов, изменению нарративной стратегии, когда критическое суждение помещается в середину текста, где острота критики менее ощутима. Описаны случаи смещения объекта критики за счет выдвигания в качестве критикуемого самого автора, а также вынесения критики за пределы критикуемого объекта – на уровень ситуации. Показано, что ситуация, которая описывается, может быть подвергнута редуцированию. В языковом плане предпочтение отдается лексическим и грамматическим единицам, которые снижают критическую тональность высказывания. На уровне логического механизма используются уступительные и контрастивные конструкции. В результате автор критического отзыва балансирует на грани двух полярных модусов коммуникации – bona-fide и non-bona-fide.

Ключевые слова: вежливость, критика, театральные отзывы, интернет-отзыв, non-bona-fide-коммуникация.

Цитирование. Иванова С. В. «Простите, но я все же скажу»: критика в тисках вежливости в жанре театрального интернет-отзыва // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 66–77. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.6>

Introduction

Even though professionals claim that “criticism need not be aggressive” [Attardo, 2020, p. 67], there is a wide-spread opinion that it really is. Not to sound offensive critics resort to various communicative instruments to get across their ideas without threatening the face of those under criticism. The key to the problem is politeness which could help reach this two-sided goal. Traditionally, politeness is understood as a universal communicative device which leads to “avoiding conflict and maintaining harmonious relations with others” [Holmes, 2009, p. 711]. Thus, criticism molded in politeness loses its assaultive or vindictive mode and becomes acceptable due to the wording which softens and smooths the message. There are various ways to introduce politeness into the text and the skill of a text producer as of a great communicator shows in it. Nevertheless, there are certain genres of texts the aim of which is to give a critical overview and evaluation of works of art. That said, several questions arise. Firstly, how in this case do two extremes – criticism and politeness – go together? Secondly, does politeness diminish the extent of the criticism? Or, thirdly, vice versa, does it help find a constructive solution or a balanced approach to the problem discussed?

The focus of the current study is a theatre review written by a theatre fan and posted in a social network group on the Internet. Theatre reviews have existed as a genre for a long time but traditionally their authors were professional critics. Nowadays with the introduction of electronic media common spectators have a chance to review the performances and express their personal opinion either praising or criticizing them. These fan communities are organized on various social networks and very often they are connected to the theatre they write about so the performers are able to get the spectators’ feedback and appraisal. All reviews may be divided into two major groups – those which contain critique and those which do not. Within the critical ones there are those with overall

criticism and those in which criticism is expressed but in a specific form, so it is kind of disguised or mitigated but linguistic competence still discerns it. This research is constrained to those reviews in which criticism intermingles with politeness, which actually reduces the severity of the judgement. The underlying hypothesis is that the authors resort to politeness as a compromising communicative strategy or as “a mitigation practice” [Locher, Larina, 2019, p. 875] to introduce criticism displaying disagreement, disapproval or some negative attitude to what they write about, on the one hand, and to save the public image of both sides, on the other hand.

This stance is preconditioned by understanding politeness being a communicative category that functions in the role of “a constraint observed in human communicative behaviour, influencing us to avoid communicative discord or offence, and maintain communicative concord” [Leech, Larina, 2014, p. 11]. It is an integral and formative part of communication since it reflects its social parameters, the communicative situation per se, the form of communication, and cultural values of a linguocultural community as well as of a smaller social group [Eslami, Larina, Pashmforoosh, 2023, pp. 11-12]. The major goal of using politeness is to avoid face-threatening situations keeping communication in the bounds of mutual respect and cooperation. Politeness has its verbal markers and, thus, it is predetermined in its expression by the language, on the one hand, and, on the other, it is standardized because it is based on a range of conventional, i.e. well-established and appropriate forms of verbalization. In a certain way, politeness is a social constraint that defines the way communicants are to behave verbally and non-verbally to stay in concord and maintain each other’s face.

This article deals with politeness expressed in a certain type of text which in genre terms is a theatre review posted on a social network in a group of theatre fans. This specification having to do with the type of text brings forward several topical issues. Basically, these texts meet the genre requirements of a theatre review. But

alongside the genre requirements these texts are certainly shaped in many ways by the channel of communication which is a social network representing internet communication. Therefore, it is understandable that critical reviews posted in a social group on the internet will reflect the internet culture, like conversationalization [Young, Fitzgerald, 2006, p. 289]. Moreover, as it is a tool of a certain community there is a set of rules the participants of the community stick to in their reviews. Thus, criticism they express is shaped by the medium of communication and stays in compliance with the conventions of the social community the authors belong to, in other words, the way politeness is understood by the community members has certain boundaries and ways of expression.

Another phenomenon underlying the study is criticism since the research deals with politeness in critical remarks. Criticism as a communicative strategy presents interest for researchers as it presupposes an expression of some negative opinion which mars the image of the one criticized. The way criticism is verbalized in theatre reviews under study accounts for the scale starting with denouncing the object of reviewing on the one pole and reaching a compromise by introducing criticism disguised with the help of different resources on the opposite pole.

To sum up, the study connects four major dominants which come into play and, consequently, should be taken into account, they are criticism, politeness, genre, and internet communication. The object of the research is politeness in critical theatre reviews, while the subject matter may be defined as linguistic resources of expressing politeness within the genre under analysis. The article is aimed at establishing the resources of politeness the authors draw upon in critical theatre reviews. Consequently, the study is to answer a number of questions. First of all, what is polite criticism, does it exist? If it does, then in which way politeness is introduced in critical theatre reviews? Or, putting it into linguistic terms, what linguistic resources are used to make critical remarks polite? Consequently, how does politeness modify a critical judgement, if it does? What changes does a critical review undergo under a molding press of politeness?

Research methods and material

The research draws upon the material taken from the social network represented by a VK group of Mariinsky Theatre fans – Mariinsky Theatre Lovers Society (Общество любителей Мариинского театра). The corpus under analysis encompasses critical theatre reviews in Russian posted daily by members of this social network group. The analysis was conducted for three years, starting in 2022. More than 3,000 theatrical reviews were analyzed to choose about 1,000 of them in which criticism is politely expressed. The original examples of posts quoted in the article in Russian are translated into English by the author of the article.

The methods employed fit into the pragmatic-communicative and discursive paradigm. They include communicative, contextual, functional, pragmatic, stylistic, and narrative analyses. Communicative analysis deals with defining the communicative goal of the utterance or text [Perotto, 2023, pp. 16-17]. Contextual analysis helps to establish contextual meaning of various linguistic units since the word acquires its precise meaning in a certain context [Holmes, 2009, pp. 715-716; Nefjodov, Chernjavskaja, 2020, p. 83]. Stylistic analysis deals with interpreting the role of stylistic devices, as for instance irony, and contributes to their disambiguation. Functional analysis is oriented at revealing the function of certain linguistic units in an utterance or a text as functional linguistics manifests “how the organization of language is related to its use” [Martin, 1997, p. 4]. Pragmatic analysis is necessitated for the study deals with the illocutionary speech acts and reveals the aim of the speaker and the metapragmatics of the utterance [Chernyavskaya, 2020, p. 135]. Last but not least, narrative analysis makes it possible to consider the text of a theatre review as a narrative and disclose how communicants construct meanings through their individual perspective [Tiupa, 2022, pp. 29-30].

The study went through several stages. First of all, the corpus of the empiric material was selected by way of dividing critical reviews into a group with overall unblemished criticism and those in which criticism is expressed in polite terms. At the second stage means of expressing politeness were analyzed and their pragmatic effect was tied

to the communicative goal employed while expressing polite criticism. At the third stage textual resources were examined since the study involved the genre of a theatre review which is a certain text type. Therefore, means of expressing politeness were attributed to different textual resources. This procedure enabled to find certain patterns of expressing polite criticism in the genre of a theatre review posted on a social network. The undertaken analysis proved legitimacy of the notion of polite criticism; its definition is provided in the conclusions as well as future perspectives of exploring the interplay of criticism and politeness are outlined.

Before presenting and discussing the results of the study it is salient to introduce and clarify the conceptual basis and the notions which will be used in the discussion section of the article. Dealing with critical theatre reviews posted on the internet and undergoing the politeness filter necessitates understanding of what criticism is. In terms of politeness theory, Brown and Levinson look upon criticism as a face-threatening act [Brown, Levinson, 1987, p. 66]. Referring to Merriam-Webster and Oxford dictionaries, Haugh and Chang underscore that "the act of criticism involves pointing out some kind of fault (i.e. weakness, failing, misdemeanour or mistake) for which a party is presumed to be responsible, and expressing disapproval of that fault" [Haugh, Chang, 2019, p. 908]. Thus, in brief, criticism may be generalized as faultfinding, it is even associated with communicative aggression or intolerance as many interlocutors look upon it as an embodiment of negative attitude towards people, their activities or whatever is referred to.

Another important aspect of studies concerning criticism is attempts at classifying criticisms. Taking the aim of criticism into account, A.V. Medvedeva singles out constructive and destructive criticism. The latter is further divided into indiscriminate (or sweeping) and adverse (negative) criticism. Indiscriminate or sweeping criticism differs from adverse criticism as the purpose of the former is to defame the object of criticism whereas adverse or negative criticism is not that radical or sweeping [Medvedeva, 2016, pp. 67-70]. Destructive criticism is opposed to constructive or positive criticism that embraces those cases when critical remarks are aimed at suggesting some solutions to the flaws or

weaknesses under criticism and overcoming the drawbacks mentioned [Medvedeva, 2016, p. 59]. Some researchers also single out positive criticism which is close or sometimes similar to constructive criticism, it underscores good intentions of the critic [Medvedeva, 2016, p. 57].

Alongside the types established in previous research, the study conducted and the empirical material it deals with enables to single out polite criticism as a variety of types of criticism, placing it under the rubric of positive criticism. It differs from constructive criticism as it usually does not presuppose any improvement of the object of criticism since the authors of reviews are not members of any professional boards dealing with the production of performances. Their goal is just to express their own opinion and share it with other members of the community. There is a chance that those involved in the production may get familiar with the review but still it is amateurish and does not have anything to do with any executive measures. The introduction of the term "polite criticism" enables to find a niche for the material under study which encompasses cases of a wide-spread communicative practice aimed at expressing your disapproval of or dissatisfaction with some faults but doing it within the boundaries of face-saving communication.

Since theatre reviews are under analysis, it makes sense as well to turn to interpretations of art criticism. Art criticism is an activity aimed at explaining and estimating objects of art [Dauer, 1990, p. 111]. It deals with individual vision and attitude, which makes critics vulnerable as they may be accused of subjectivity. Moreover, P. Pavis adds that art criticism depends on the medium [Pavis, 1991, p. 167], or in his wording, on the mass media engaged, which echoes McLuen's stance about the medium being the message. To sum up, art criticism evaluates merits, advantages and disadvantages of works of art interpreting them from a subjective perspective.

Another theoretical source in the foundation of this research is S. Attardo's theory on mechanisms and resources of humor. In his General Theory of Verbal Humor Attardo approaches humor as a communicative event [Attardo, 2020, p. 95]. He posits that "communication presupposes a system through which an exchange of information is achieved" [Attardo, 2020, p. 96]. Therefore, he builds a

system indicating the parameters or, in other words, knowledge resources humor draws upon in the text. Thus, he distinguishes script, language, narrative strategy, target, situation, and logical mechanism [Attardo, 2020, pp. 113-156], incorporating V. Raskin's semantic theory [Raskin, 1985] as well. In Raskin's words, "the script is a large chunk of semantic information surrounding the word or evoked by it", it is cognitive in nature and "represents the native speaker's knowledge of a small part of the world" [Raskin, 1985, p. 81]. Attardo adds that a script is a semantic network, "an organized cluster of nodes" representing "ideas, thoughts, or meanings" [Attardo, 2020, p. 116] and it may be instantiated by frames or scenarios. Language includes reference to genres, registers, stylistic codes, and various linguistic means pertaining to the phonological, morphological, syntactical and lexical levels of the language system [Attardo, 2020, pp. 138-139]. The narrative strategy deals with the text organization as there are many ways of telling the story [Attardo, 2020, p. 141]. The target presents the activity referred to. The situation resource is associated with the background events, constituting a macro-script [Attardo, 2020, p. 147]. The logical mechanism "accounts for the incongruity (script opposition and overlap)" that is created via the humorous effect since humor is dealt with in Attardo's theory [Attardo, 2020, p. 149]. What is remarkable about this theory is its applicability arising from its generalization potential due to the idea of studying different texts as communicative events which they really are. It has already been successfully applied to other types of texts such as telephone calls, cartoons, satire, and translation [Attardo, 2020, pp. 153-154] and it seems that the range of text types for analysis may be significantly widened. Thus, its heuristics may as well be extrapolated on the texts under analysis as it may help to reveal the textual resources politeness draws upon in critical theatre reviews. Therefore, the levels of textual structure addressed in Attardo's theory will be analyzed to establish how politeness works on each of them.

Having laid out the theoretical basis, I will start with politeness as a communicative strategy and give an overview how the communicative aim alters and overlaps with other communicative aims to implement polite criticism, the term will get some more coverage and preciseness. Further, I

will turn to different levels of the text structure to see what resources on the text level are used in internet reviews to express polite criticism. The discussion of the results will be followed by conclusions.

Results and discussion

Theatre reviews deal with expressing personal estimation which may presuppose positive and negative evaluation. The study is focused on critical remarks about the weaknesses in the performance which are politely expressed by the author of a review posted in an online social group. The first feature of the politeness strategy employed in critical reviews consists in involving communicative devices that seem to be aimed at expressing the communicative goal connected with a positive outlook which is completely different from criticizing. This obvious shift if not total replacement of the genuine communicative goal results in disguising critical remarks which may sound offensive in case the criticism is properly worded (the linguistic means testifying to the conclusions made are printed in bold here and further on. Besides, the authors' punctuation and spelling in Russian is preserved in all excerpts):

(1) **Надеюсь**, что, как обычно, шероховатости премьеры со временем приобретут нужные формы) (OLMT, 07.02.2025) – I **hope** that as usual shortcomings of the premier will acquire proper forms with time);

(2) А вот второе платье, розовое, будто из Средневековья какого. **Может, Аиду потом переоденут?**) (OLMT, 07.02.2025) – And the second dress, the pink one, is as if from some Middle Ages. **Maybe, they will change Aida's clothes later?**);

(3) Что касается Ирины Чуриловой-Аиды, то **лично для меня** у нее преобладает более лирическое сопрано, а **хотелось бы** в этой партии более драматического (OLMT, 07.02.2025) – As for Irina Churilova-Aida, for me **personally** her soprano is more lyrical and a more dramatic one **would be better** in this role.

In all these instances politeness mediates criticism turning it into expression of hope (1), hopeful suggestion (2), personal preference (3). This list of communicative goals used, resulting in mitigating criticism, may be extended and include reference to the author's emotional experience or reaction and justification of the drawback by way of explaining why it may have happened (4).

(4) Дмитрий Воропаев меня **расстроил** явным непопаданием в ноты – по верху в одном месте выпустил петуха. **Наверное был не в форме** (OLMT, 06.02.2025) – Dmitry Voropaev **upset** me with his obvious lack of timing – he let out a rooster at one point on top. **He was probably not in shape.**

All these examples of altered communicative goals testify to switching modes of communication resulting in disguising criticism and making the text with a critical remark communicatively acceptable and appropriate. In verbal terms it leads to ousting the language of criticism associated with linguistic units of disagreement or fault finding with the help of those which are seemingly aimed at expressing suggestion or hope or personal preference or offering an explanation which justifies the fault made. Thus, any positive communicative move may be used as long as it saves the face of the one criticized. The goal replacement has a metapragmatic explanation: the critic anticipates the negative reaction on the part of the criticized in case of a face-threatening communicative act and substitutes for what sounds aggressive, thereby softening the verdict.

Though the communicative pragmatic approach facilitates spotting cases of overlapping communicative goals, this analytical instrument does not cover all the instances of expressing politeness in critical theatre reviews. The approach taken by Attardo in his analysis of humor bridges this gap and reveals the whole range of linguistic instruments the authors of critical reviews resort to on different levels of text formation to mitigate, silence, i.e. somehow hide criticism with politeness devices. Since a critical review is a text as well, Attardo's approach could be implemented to yield more versatile results as it covers more ground, starting with the organization of the script, then turning to the language, narrative strategy, target, situation, and logical mechanism.

The script of a theatre review consists of the nodes constituted by words denoting the elements of the performance which are usually evaluated: scenario, production, music, singing, acting, orchestra, choir, decorations, mimance, etc. A critical review polished with politeness presupposes some kind of opposition of advantageous and disadvantageous elements of the script. The negative remark about one of the elements will be outbalanced by referring to some advantageous position or positions. Drawbacks

are never mentioned for their own sake in polite critical reviews. They are represented as something unexpected or surprising compared to everything else which was worth positive evaluation, they somehow dissolve in the text, hidden amid positive appraisal. As a result, the positively marked and critically assessed elements overlap.

(5) В постановке Большого Театра я не увидела **развития и кульминации** в привычном смысле, страсти не кипят, интрига не раскручивается, а все любовные страдания вовсе и не страдания, а кокетливый флирт. Но тут **много забавных героев**. Правда, непонятно, за чьей судьбой нужно следить особенно пристально. Арии словно и не связаны между собой, и даже не сразу ясно, кто тут главный :) Но в этом-то и весь **замысел режиссера**. Именно такой бессюжетный сюжет и позволил поставить эту комическую оперу в "неожиданной трактовке". **И надо же, получилась необычная опера, с элементами перформанса и инсталляции**, если хотите 👍👍 (OLMT, 15.03.2025) – In the Bolshoi Theatre production, I did not see any **development or culmination** in the usual sense; passions do not boil, the intrigue does not unfold, and all the suffering of love is not suffering at all, but a coquettish flirtation. But there are **many funny characters** here. True, it is not clear whose fate should be followed especially closely. The arias seem to be unrelated to each other, and it is not even immediately clear who is the main one here :) But that was **the director's whole idea**. It was precisely this plotless plot that allowed this comic opera to be staged in an "unexpected interpretation." **And what a surprise, it turned out to be an unusual opera, with elements of performance and installation**, if you like 👍👍

Thus, even if authors are in a critical mood, they intersperse positive and negative evaluation as it is implemented in (5) trying to balance or at least to alternate one with the other not to sound overall destructive.

Even though the opposition script is quite popular, some authors choose a different way warning at the beginning that they will only talk about what they enjoyed. As a result, critical remarks are omitted making room for what authors appreciated: this way they resort to negative politeness but it is still politeness. And in this case, all the nodes of the script get only positive rating:

(6) **Не будем останавливаться на неудавшихся партиях** – таких было в процентном отношении

сильно меньше. **Давайте лучше о приятных открытиях**, и здесь речь идет, безусловно, о двух тенорах. (OLMT, 13.03.2025) – **Let’s not dwell on the unsuccessful roles** – there were much fewer of them in percentage terms. **Let’s talk about pleasant discoveries**, and here we are talking, of course, about the two tenors;

(7) Если актерская игра мне понравилась у всех, то с вокалом, к сожалению, сложилось не все. **Не хотелось бы никого обижать, лучше промолчу** (OLMT, 13.03.2025) – If I liked everyone’s acting, then unfortunately, not everything went well with the vocals. **I wouldn’t like to offend anyone, so I’d better keep quiet.**

The language of polite criticism in reviews follows a certain pattern when it comes to the choice of words and grammatical structures. The authors are fond of minimizers expressed by relative pronouns and adverbs (see: [Holmes, 2009, p. 712]), parenthetical words introducing subjective modality or probability – the means aimed at mitigating the severity of criticism, all of them testifying to critical underpinnings but in a subtle way:

(8) Записала немного хор пилигримов, но **что-то глуховато** все звучало (OLMT, 02.02.2025) – I recorded a bit of the pilgrims’ choir, but it all sounded **a bit muffled**;

(9) Иными словами, на инструментальных проигрышах было **как-то** “неуютно”, а певцам особо не мешали (OLMT, 10.03.2025) – In other words, the instrumental passages were **somehow** “uncomfortable”, and the singers were not particularly disturbed;

(10) Вокал **практически** безупречный... (OLMT, 18.03.2025) – The vocals are **almost** flawless...

Critical authors may introduce parenthetical words expressing subjective modality, trying to show empathy, to say that they sympathize with the failure, to estrange themselves from gloating or fault-finding:

(11) **К сожалению**, не слышу в музыке Вайнберга того, что хотел показать в героине Достоевский – невинной жертвы (OLMT, 04.02.2025) – **Unfortunately**, I don’t hear in Weinberg’s music what Dostoevsky wanted to show in the heroine – an innocent victim.

On the whole, minimizers very often expressed in Russian by relative pronouns and epistemics of probability bring about evasiveness

and elusiveness, as a result the reviewer does not sound strict, the critical tonality being less articulated. Besides, trying not to degenerate into aggression some authors introduce humor or figurative expressions diverting the communication into a non-bona-fide mode, which means deviance from “the ‘ordinary’ information-conveying mode” [Raskin, 1985, p. 89]:

(12) Сегодня **вокально-драматическая температура по палате была весьма средней** (OLMT, 12.03.2025) – Today **the vocal-dramatic temperature in the ward was quite average**;

(13) М. Ильюшкина была хороша, **партнер ее** – сосредоточен, но **обедни не испортил** (OLMT, 14.03.2025) – M. Ilyushkina was good, **her partner** was focused, but **did not spoil the service**.

The same effect is achieved by the usage of colloquial words. The reason why critical authors use them is introducing the humorous note and diminishing the seriousness of the criticism, thus again diverting the narrative into a playful mode:

(14) Сама постановка, кстати, тоже вполне удобоваримая, правда, сцена в Виндзорском лесу не зашла. “Нечисть” долго светила фонариками и масками с красными огнями между “деревьев”, пассивно **кучковалась** за своеобразной решеткой, тянула руки к Фальстафу, но все это было в какой-то странной замедленной динамике. Так, что сэр Джон просто **перетапывался** на месте, словно ожидая автобус. Ну абсолютно **как тот Карабас-Барабас: “Ой, баюс-баюс”** (OLMT, 18.03.2025) – The production itself, by the way, is also quite digestible, although the scene in Windsor Forest didn’t go over well. The “evil spirits” shone their lanterns and masks with red lights between the “trees” for a long time, passively **huddled** behind a kind of lattice, stretched out their hands to Falstaff, but all this was in some strange slow motion. So, Sir John just **shuffled around** on the spot, as if waiting for a bus. Just like **that Karabas-Barabas: “Oh, scared-scared”**;

(15) Об оркестре. Странное впечатление. С точки зрения темпов мне показалось все ок. Громкость иногда необоснованно возрастала, заглушая артистов. Соло инструментов было неоднозначно. Флейта, мне кажется, звучала хорошо, а вот арфу (это **пряма моя тема**) **мучили чьи-то шаловливые ручонки. А вот не надо пихать пальцы в струны по самые локти, и дергать так, что резонатор фонит, заглушая соседние струнные. Понаберут хулиганов в оркестр, потом инструменты все поломатые** (OLMT, 14.03.2025) – About the orchestra. A strange impression. In terms of tempos, everything seemed ok

to me. The volume sometimes increased unjustifiably, drowning out the artists. The solo instruments were ambiguous. The flute, it seems to me, sounded good, **but the harp (this is just my thing) was tormented by someone's playful little hands. But you don't have to push your fingers into the strings up to your elbows and pull them so hard that the resonator starts to hum, drowning out the neighboring strings. They'll recruit hooligans into the orchestra, and then all the instruments will be broken.**

Alongside lexical means some grammatical units can be used to blur criticism, thus, questions instead of affirmative sentences are employed to downplay the rigidity of the critical remark by introducing it as a question as if the author suggests something or looks forward to clarification of a moot point.

(16) В очередной раз **задался вопросом** – если на сцене суждено показывать хаос и этот хаос, сбивающий с толку, возникает в твоей голове, как это расценивать: как успех постановки и исполнения, или следствие недостатков в работе над спектаклем? **И не нужна ли этой опере на веки вечная картинная рама, которая появляется в самой середине? Чтобы сузить, сконцентрировать действие, направить его в единое русло, призвать к ногге, привести, наконец, к цельному впечатлению?** (OLMT, 14.03.2025) – Once again, I asked myself the question – if chaos is destined to be shown on stage and this confusing chaos arises in your head, how should this be assessed: as a success of the production and performance, or a consequence of shortcomings in the work on the performance? **And doesn't this opera need a picture frame that will always be there, appearing in the very middle? To narrow and concentrate the action, to direct it into a single channel, to call it to its feet, to finally lead to a complete impression?**

The verbal language with its expression of politeness is also supported by the use of emoticons and other non-verbal signs which help to ease the situation and lighten the mood. It is well-represented in many reviews (as in (1), (2), (5), (17)).

A critical review as a text represents a narrative which in this case is understood as "a representation of a possible world in a linguistic and/or visual medium" [Fludernik, 2009, p. 6]. The narrative strategy may also be helpful for the author to sound polite. Thus, whatever critical remarks were expressed in the review the bon-

ton of the group communication is to say thank you to the theatre and the actors for their work at the end. Compared to purely critical reviews which usually start or finish with expressing disagreement or dissatisfaction polite reviewers hide it in the middle to make it less painful.

(17) Сегодня блистали красотой и отличным пением Мария Баянкина (Аида) и Зинаида Царенко (Амнерис). Правда, Амнерис Екатерины Семенчук мне все же вокально ближе) Грозный верховный жрец Рамфис (Геворг Григорян) и царь Египта (Яков Стрижак) звучали великолепно. О вокальном и драматическом таланте Владислава Сулимского (Амонасро) и говорить нечего))) Парил над залом чистый голос Жрицы (Кристина Карицына). Балет, хор, милейший питон, прекрасный оркестр под управлением любимого Кристиана Кнаппа – 🐍🐍🐍. Что касается Ованнеса Айвазяна, то в целом с партией Радамеса он почти справился и играл прекрасно, эмоционально, интересно, **но "Небесную Аиду", простите, в конце просто "запорол"**((Хорошо, что это была первая ария. А так очень хорошие впечатления от оперы остались. И невероятно понравилась игра всех артистов: помоему, выложились на 100%. Молодцы! (OLMT, 07.03.2025) – Today Maria Bayankina (Aida) and Zinaida Tsarenko (Amneris) shone with beauty and excellent singing. True, Ekaterina Semenchuk's Amneris is still vocally closer to me) The formidable high priest Ramfis (Gevorg Grigoryan) and the king of Egypt (Yakov Strizhak) sounded magnificent. There is nothing to say about the vocal and dramatic talent of Vladislav Sulimsky (Amonasro))) The pure voice of the Priestess (Kristina Karitsyna) soared above the hall. Ballet, choir, the cutest python, a wonderful orchestra conducted by beloved Christian Knapp – 🐍🐍🐍. As for Hovhannes Ayvazyan, in general he almost coped with the part of Radames and played it beautifully, emotionally, interestingly, **but "Heavenly Aida", forgive me, he simply "messed up" at the end**((It's good that it was the first aria. Otherwise, I was left with very good impressions of the opera. And I incredibly liked the performance of all the artists: in my opinion, they gave it 100%. Well done!;

(18) Что касается качества исполнения солистами и оркестром п/у Алексея Верещагина – на сей раз даже не хочу вдаваться в детали. **Собственно, кроме гонки солистов за оркестром в самом начале, неожиданно жесткого соло арфы, аккомпанирующей Коринне, да чьей-то визгливой верхней ноты в финальном гимне ничего особо предосудительного не заметила.** Оркестр вокалистов не заглушал. Состав исполнителей был ровным, голоса хорошие, ансамбли достойные, актерские рабо-

ты запоминающиеся. Bravo, москвичи! 🍷🍷 (OLMT, 14.03.2025) – As for the quality of the performance by the soloists and the orchestra under the direction of Alexei Vereshchagin – this time I don’t even want to go into details. **Actually, apart from the soloists’ race after the orchestra at the very beginning, the unexpectedly harsh solo of the harp accompanying Corinna, and someone’s shrill upper note in the final hymn, I didn’t notice anything particularly reprehensible.** The orchestra did not drown out the vocalists. The cast was even, the voices were good, the ensembles were worthy, the acting was memorable. Bravo, Muscovites! 🍷🍷

Another resource is connected with shifting the target of criticism. To save the face of the reviewee critics shift the blame, even onto themselves explaining that it may have been them who did not manage to appreciate something. This is achieved by changing the subject and object of the action which in the end results in less categorical statements as the true target is replaced (21) or the critic downgrades themselves in some way, for example, as being amateurish or biased (20), (22) or having a different taste (19) or some other excuses are found to justify the drawback.

(19) Татьяна Сержан на своем уровне опытного исполнителя итальянской оперы. Хорошая партия, делающая спектакль крепким, но лишний раз убеждаюсь, что это **не совсем мой тип голоса, не “улетаю” от него** (OLMT, 18.03.2025) – Tatyana Serzhan is at her level as an experienced performer of Italian opera. A good part, making the performance strong, but I am once again convinced **that this is not quite my type of voice, I do not “fly away” from it;**

(20) Однако думаю, что поклонники у спектакля все же будут, **не все такие брюзги как я** (OLMT, 15.03.2025) – However, I think that the play will still have fans, not all of them are **such grumps as me;**

(21) Что-то в этот раз спектакль оказался эмоционально сдержанным, не знаю что произошло, в атмосфере, **или что-то со мной не так**, но мне было реально скучно. И я вскидывалась и шла на голос любимой певицы Татьяны Сержан, который объективно вызывает во мне сильные чувства. В этот день она была по особенному очень трогательна и лирична (OLMT, 14.03.2025) – This time the performance was emotionally restrained, I don’t know what happened, in the atmosphere, **or something wrong with me**, but I was really bored. And I would jump up and go to the voice of my favorite singer Tatyana Serzhan, which objectively evokes strong feelings in me. That day she was especially touching and lyrical;

(22) И это «наша» третья «Травиата». Сразу скажу – не лучшая. **Это мое частное мнение, может и предвзятое** (OLMT, 13.03.2025) – And this is “our” third “La Traviata”. I’ll say right away – it’s not the best. **This is my personal opinion, maybe biased.**

The situation presupposes the environment in which the events took place [Attardo, 2020, p. 147]. The author sometimes takes into account the situational context trying to find an explanation to the shortcomings, like bad acoustics, the shape the performer is in or such like.

(23) **Страстным вчера был** и дирижер Кристиан Кнапп: **оркестр порой заглушал солистов** (OLMT, 22.03.2025) – Conductor Christian Knappe was **also passionate yesterday: the orchestra sometimes drowned out the soloists;**

(24) У Е. Семенчук в первом действии **был не слишком удачный наряд** и у меня создалось такое впечатление, что он ее немного стеснял, а во втором действии пела чудесно и наряд очень ей шел (OLMT, 22.03.2025) – E. Semenchuk’s **outfit in the first act was not very suitable** and I got the impression that it was a bit embarrassing for her, but in the second act she sang wonderfully and the outfit suited her very well;

(25) Аида 07.02 меня не вдохновила, я для себя **списала на неудачное место сбоку близко к сцене, и что постановка новая** (OLMT, 23.05.2025) – Aida 07.02 did not inspire me, I **attributed it to the bad location on the side close to the stage, and that the production was new.**

And the last but not least is the logical mechanism employed by the critic. Concessions and contrasts are widely employed, which results in multiple uses of the conjunctions *хотя, но* (*although, but*).

(26) Постановка, стилизованная под классические постановки 18 века статична и, к сожалению, не была оживлена артистами. **Тем не менее**, не могу не сказать спасибо маэстро Кнаппу, который всеми силами оживлял происходящее, передавая легкий, игривый характер музыки Моцарта (OLMT, 12.03.2025) – The production, stylized as a classical production of the 18th century, is static and, unfortunately, was not enlivened by the artists. **However**, I cannot help but thank Maestro Knappe, who did his best to enliven the proceedings, conveying the light, playful character of Mozart’s music;

(27) **Хотя** я не поклонница минимализма в декорациях и костюмах. **Но** необычная, повторяющаяся, **хотя** где то и однообразная, **но** четкая музыка Филипа Гласса, ритмичные и предельно ровные

движения кордебалета завораживали и убеждали (OLMT, 28.02.2025) – **Although** I am not a fan of minimalism in decorations and costumes. **But** the unusual, repetitive, **although** sometimes monotonous, **but** clear music of Philip Glass, the rhythmic and extremely smooth movements of the corps de ballet were fascinating and convincing.

Sometimes several resources come into play strengthening the mitigating effect: the opposing script combines with a humorous simile contributing to a playful non-bona-fide mode; minimizers downgrade the disapproval; the positive resume at the end strengthens the impression of approval in (28), whereas in (29) the target is shifted, epistemics are introduced and a logical mechanism helps outbalance the drawbacks with merits:

(28) Ованнес Айвазян **как ковбой на глазах “объезжает” как норовистого коня свой новый голос**. Сегодня я **буквально в паре мест** услышала “швы” при переходе на пиано в верхний регистр – а потом все **как-то** выровнялось и под конец он **очень** убедительно страдал на пиано на высоких нотах. **Все остальное было пропето так ярко, мощно, выразительно и осмысленно, с такой страстью и таким ровным, летящим красивым звуком, что хотелось слушать и слушать** (OLMT, 13.03.2025) – Hovhannes Ayvazyan, like a cowboy, **“breaks in” his new voice like a spirited horse**. Today I literally heard “seams” in **a couple of places** when switching to the piano in the upper register – and then everything somehow evened out and towards the end he **very** convincingly suffered on the piano on high notes. **Everything else was sung so brightly, powerfully, expressively and meaningfully, with such passion and such a smooth, flying beautiful sound that you wanted to listen and listen;**

(29) **На мое ухо**, не все у нее **пока** прозвучало ровно, **но** главная ария была прекрасна – и со второго действия **как будто** включились новые силы. Под конец, **мне показалось**, подустала – **но** эмоционально была **очень** убедительна (OLMT, 11.03.2025) – **To my ear**, not everything sounded even **so far, but** the main aria was wonderful – and from the second act it was **as if** new forces had been activated. Towards the end, **it seemed to me**, she was **a bit tired** – **but** emotionally she was very convincing.

To sum up, positive criticism does exist. It is proved by the recursive character of the resources applied. Thus, the shift of the communicative goal which results in replacing criticism by positive remarks is aimed at smoothing or even glossing over the critical effect of the review and employs

various resources belonging to the textual level of the criticism expressed, including the script, its language, the narrative strategy, the target, the situation, and the logical mechanism. Sometimes it leads to non-bona-fide communication, i.e. the mode of communication that diverges from the real situation [Attardo, 2020, p. 133; Raskin, 1985, pp. 89, 91; Shilikhina, 2013, p. 53; 2017]. Actually, K.M. Shilikhina posits that sometimes the transfer to the non-bona-fide mode may be explained by the speaker’s disagreement with the point of view expressed earlier [Shilikhina, 2013, p. 56]. This is the case when politeness goes hand in hand with criticism downplaying the latter. Politeness in critical reviews really tends to violate Grice’s Maxim of Quality (see: [Grice, 1975, p. 46]) as there is a certain distortion of what critics really mean and what they say. Nevertheless, to maintain the bona-fide communication the authors resort to different resources trying to make the ends meet. The balancing line is thin that’s why they engage various means to stay true to themselves, on the one hand, and not to threaten the face of those they write about, on the other. Thus, polite criticism, i.e. expressing disagreement in a polite way, may affect the quality of communication diverting it into the non-bona-fide mode but in so doing saving the face of those criticized. As a result, criticism yields to politeness and polite critics may find themselves on the verge of non-bona-fide communication.

Conclusion

Politeness has attracted researchers for a long time: the reasons for this never-ending interest can be found in its nature as a multifaceted category aimed at maintaining positive communication. No wonder, it often combines with criticism mitigating the negative effect of the latter. The positivity politeness brings into communication results from its face-saving communicative capacity which is achieved by way of activating versatile resources the format of communication provides. A wide range of positive communicative means are employed to muffle or at least to soften the critical sounding of the remark. On the other hand, it leads to non-bona-fide communication since critics put themselves as the ones responsible for the fault.

Although the analysis of overlapping communicative goals sheds some light on *how* politeness may be introduced into a critical theatre review, it does not reveal the intricacies of *what* in particular helps critics to sound less categorical.

The question about *what* resources are available to the reviewer to lower down the critical tonality by way of using politeness instruments finds its answer in case the analytical procedure proposed by Attardo to the analysis of humorous texts is applied. Since this approach is based on tackling the text as a communicative event, it enables to indicate the levels in the text responsible for the expression of polite criticism revealing *what* in particular happens to the criticism within the text of a critical review when it combines with politeness. Thus, reviewers employ the resources, the script provides either opposing the advantageous and disadvantageous elements of the performance making the latter less pronounced and somehow overshadowed by positive feedback, or completely omitting the elements of the script, which cause criticism, and referring only to laudable ones. The implication is that there is something authors do not enjoy but they do not feel like touching upon it so as not to introduce the apple of discord. The language of the review also reflects the turn to politeness as it is filled with evasive lexical units, including minimizers, epistemics of probability and parenthetical words conveying subjective modality, or using questions instead of statements, which altogether introduces less categorical tonality. Critics also use emoji which gives way to some playful mode. The narrative strategy may also be at hand when the author puts critical remarks in the middle of the text where they are less visible and do not arrest as much attention as if they were placed at the beginning or at the end which are strong positions in the text. The target of criticism may be shifted from the real object of criticism onto the imaginary one which foregrounds some other circumstances allegedly guilty for the failure, or the situation may be represented in an abridged format. At last, on the part of the logical mechanism concession and contrast may also be engaged for the criticism to be outplayed by something praiseworthy. Thus, polite criticism presupposes the use of various politeness devices while expressing disagreement or disapproval aimed at mitigating the negative effect of the critical judgement. All these resources

more often than not may contribute to converting communication into the non-bona-fide mode. The molding press of politeness makes critics reformat criticism as the fear of appearing offensive tends to overcome truthfulness of communication. Actually, this perspective may become an object of further research focused on studying the effects of using politeness in different types of critical communication.

REFERENCES

- Attardo S., 2020. *The Linguistics of Humor. An Introduction*. Oxford, Oxford University Press. XXI, 465 p.
- Brown P., Levinson S.C., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 345 p.
- Chernyavskaya V.E., 2020. Metapragmatika kommunikatsii: kogda avtor prinosit svoe znachenie, a adresat svoj kontekst [Metapragmatics: When the Author Brings Meaning and the Addressee Context]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg State University. Language and Literature], vol. 17, no. 1, pp. 135-147. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.109>
- Dauer F., 1990. Art and Art Criticism: A Definition of Art. *Metaphilosophy*, vol. 21, no. 1/2, pp. 111-132. URL: <http://www.jstor.org/stable/24436759>
- Eslami Z.R., Larina T., Pashmforoosh R., 2023. Identity, Politeness and Discursive Practices in a Changing World. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 1, pp. 7-38. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Fludernik M., 2009. *An Introduction to Narratology*. London, New York, Routledge. 190 p.
- Grice H.P., 1975. *Logic and Conversation. Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts*. New York, Academic Press, pp. 41-58.
- Haugh M., Chang W.-L.M., 2019. Indexical and Sequential Properties of Criticisms in Initial Interactions: Implications for Examining (Im)Politeness Across Cultures. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 904-929. DOI: [10.22363/2687-0088-2019-23-4-904-929](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-904-929).
- Holmes J., 2009. Politeness Strategies as Linguistic Variables. Mey J.L., ed. *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. S.I., Elsevier, pp. 711-723.
- Leech G., Larina T., 2014. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, no. 4, pp. 9-34.
- Locher M.A., Larina T.V., 2019. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global

- Contexts. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 873-903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903
- Martin J.R., 1997. Analyzing Genre: Functional Parameters. Christie F., Martin J.R., eds. *Genres and Institutions: Social Processes in the Workplace and School*. London, Cassell, pp. 3-39.
- Medvedeva A.V., 2016. *Kommunikativnye strategii i taktiki pri vyrazhenii kriticheskogo suzhdeniya v angliyskoy lingvokulture (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka)* [Communicative Strategies and Tactics of Expressing Critical Judgments in English Linguistic Culture (Based on the Material of Modern English)]. Ufa, Vost. pechat Publ. 166 p.
- Nefjodov S.T., Chernjanskaja V.E., 2020. Kontekst v lingvisticheskom analize: pragmaticheskaya i diskursivno-analiticheskaya perspektiva [Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 63, pp. 83-97. DOI: 10.17223/19986645/63/5
- Pavis P., 1991. *Slovar teatra* [Dictionary of the Theatre]. Moscow, Progress Publ. 504 p.
- Perotto M., 2023. *Communicative Analysis in Non-Literary Text for Advanced Students of Russian as a Foreign Language*. S.I., Firenze University Press. 209 p. DOI: 10.36253/979-12-215-0256-5
- Raskin V., 1985. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht, Boston, Lancaster, D. Reidel Publishing Company. XIX, 284 p.
- Shilikhina K., 2017. Metapragmatic Markers of the Bona Fide and Non-Bona Fide Modes of Communication. Chlopicki W., Brzozowska D., eds. *Humorous Discourse*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, pp. 107-130. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781501507106-006>
- Shilikhina K.M., 2013. Neumestnaya ironiya i neudachnaya shutka: markery pereklyucheniya mezhdu bona fide i non-bona fide modusami kommunikatsii [Inappropriate Irony and Bad Joke: Markers of Switching Between Bona Fide and Non-Bona Fide Modes of Communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], no. 5, pp. 52-59.
- Tiupa V.I., 2022. Narratologiya i etika [Narratology and Ethics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg State University. Language and Literature], vol. 19, no. 1, pp. 29-44. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.102>
- Young L., Fitzgerald B., 2006. *The Power of Language. How Discourse Influences Society*. London, Oakville, Equinox, 2006. 325 p.

SOURCE

OLMT – *Obshchestvo lyubiteley Mariinskogo teatra* [Mariinsky Theatre Lovers Society]. URL: <https://vk.com/mariinsky.friends>

Information About the Authors

Svetlana V. Ivanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the English Language in the Sphere of Philosophy and Social Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, svet_victoria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>

Информация об авторах

Светлана Викторовна Иванова, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка в сфере философии и социальных наук, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, svet_victoria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.7>

UDC 811.161.1'42

LBC 81.411.2-51

Submitted: 29.03.2025

Accepted: 05.06.2025

SPEECH ACTS WITH POLITE DIMINUTIVES: GENRE AND DISCURSIVE FEATURES¹

Irina V. Fufaeva

HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study delves into speech acts with diminutives used for politeness, focusing on their discursive and genre-related aspects. It draws on authorial recordings of colloquial speech, data from the National Corpus of the Russian Language, and recordings of urban speech from the 1970s and late twentieth century. The research highlights the potential usage of polite diminutives in diverse discourses linked to everyday life, especially in oral and interactional discourses. Detailed examples in the form of speech acts from various speech genres (information transmission, requests, proposals, commands, instructions, etc.) illustrate the deployment of polite diminutives in specific discourses: retail, administrative, medical, daily financial transactions, creative discussions (or gift presentation) by the speakers, as well as in speech genres of requests (predominantly in domestic discourse) and proposals (mainly in the hospitality discourse). The analysis concludes that the politeness function of diminutives in these speech acts exhibits specific characteristics across different discourses and speech genres, evolving from various derivational diminutive meanings (affection, diminishing), speech strategies (flattery), and registers (the so-called “nanny language”, the language in which adults speak to small children). The multifaceted nature of diminutive usage within diverse communicative contexts underscores the complex interplay between linguistic forms and social enactment of politeness strategies.

Key words: Russian language, colloquial speech, diminutive, politeness, discourse, speech genre.

Citation. Fufaeva I.V. Speech Acts with Polite Diminutives: Genre and Discursive Features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 78-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.7>

УДК 811.161.1'42

ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 29.03.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ С ВЕЖЛИВЫМИ ДИМИНУТИВАМИ: ЖАНРОВЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹

Ирина Владимировна Фуфаева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. Речевые акты, в которых используются diminutives как средство вежливости, рассмотрены с точки зрения их дискурсивной и жанровой принадлежности. Материалом исследования послужили авторские записи разговорной речи, данные Национального корпуса русского языка, сделанные в 1970-е гг. и на рубеже XX–XXI вв. записи городской речи, содержащиеся в научных публикациях. В статье обоснована возможность употребления вежливых diminutives в любых дискурсах, связанных с повседневной жизнью, особенно устных и интеракционных. Более детально, с иллюстрациями в виде речевых актов разных речевых жанров (просьба, предложение, команда, инструкция и др.), описаны закономерности употребления вежливых diminutives в некоторых дискурсах: магазинном, административном, медицинском, повседневных денежных расчетов, обсуждения творчества или подарка говорящего, а также в речевых жанрах просьбы (преимущественно в домашнем дискурсе) и предложения (преимущественно в дискурсе угощения). Установлено, что особенности реализации diminutives функцией вежливости в разных дискурсах и речевых жанрах связаны с ее формированием на базе различных словообразовательных diminutive значений (ласкательность, уменьшительность), речевых стратегий (заискивание) и регистров (язык нянь).

Ключевые слова: русский язык, разговорная речь, диминутив, вежливость, дискурс, речевой жанр.

Цитирование. Фуфаева И. В. Речевые акты с вежливыми диминутивами: жанровые и дискурсивные особенности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 78–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.7>

Введение

Настоящая статья посвящена рассмотрению в дискурсивном и жанровом аспектах тех речевых актов, в которых используются диминутивы как средство вежливости, уточнению функции диминутивов в этих речевых актах, выявлению общего и различного в прагматике вежливых диминутивов, представленных в разных дискурсах (магазинном, административном, домашнем и пр.) и в разных речевых жанрах (просьба, распоряжение и пр.), относящихся к этим дискурсам. Определяются механизмы и факторы формирования у диминутивов функции средства выражения вежливости на базе различных словообразовательных диминутивных значений.

Возможность диминутивов выступать в качестве неформальных средств вежливости была отмечена в отношении русской разговорной речи второй половины XX в. [Русская разговорная речь ... , 1978; Земская, 2004; Крысин, 2004]. Задолго до этого такая возможность (без использования термина «вежливость») отмечалась лингвистами XIX в. применительно к современной им разговорной речи. Так, Н.И. Греч писал об употреблении уменьшительности «для смягчения речи, из учтивости», «например *денёк, водица*» [Греч, 1830, с. 201]. А.Х. Востоков считал значение суффикса *-иц(а)* в слове *водица* не ласкательным, как в *сестрица*, а «смягчительным» и приводил в качестве уменьшительных имен, «смягчающих речь», также диминутивы *денек, солнышко* [Востоков, 1859, с. 11].

В наше время О.К. Клименко в работе «Категория вежливости и речевой этикет в русском языке» перечисляет диминутивы в ряду других средств вежливости: «Для актуализации вежливых отношений между коммуникантами и снижения категоричности высказывания в русском языке существует целый ряд средств, среди которых маркер вежливости: *пожалуйста, ты/-вы*-форма, ласкательно-уменьшительные формы обращений (*сын, Сереженька, доченька*), различные

минимизаторы, используемые для снижения социальной цены предмета просьбы и уменьшения затрат адресата (*чуть-чуть, маленький, капельку, глоточек, секундочку, на минутку* и др.). <...> Большую роль играют уменьшительно-ласкательные суффиксы как в обращениях (*дружок, сыночек, деточка, Манечка*), так и в других именах: *Ротик откройте* (у зубного врача); *Сестричка, принесите стаканчик воды* (в поликлинике); *Сынок, уступи бабуле местечко* (в автобусе); *Манечка, пости часочек* (в семье). Даже без слова *пожалуйста* подобные высказывания звучат как мягкая просьба, несмотря на наличие императива» [Клименко, 2005, с. 92].

Необходимо упомянуть, что использование в повседневной речи диминутивов для выражения вежливости или «смягчительности» нередко обсуждается и осуждается в общественных дискуссиях как признак дурного вкуса или заискивания, ср. эссе, посвященное «одержимости диминутивами» писателя Л.И. Сторча: «Задабривая, русский человек просит у кассира продать ему **билетик** подешевле на поезд; цветочник предлагает покупателю оформить **букетик**, диспетчер такси принимает **заказик** на **машинку**, а в бюро по ремонту квартир его коллега примет **заявочку на облицовочку плиточкой**. Риэлтор предложит клиенту посмотреть недорогую **квартирку, однушечку** или **двушечку**, а в случае нехватки у клиента денежных средств попытается сбыть ему **комнатку** в **трешечке**. Приятель просит у приятеля одолжить ему **денежку** (вспоминается **копеечка**, которую отняли у юродивого в “Борисе Годунове”»)» [Сторч] (выделено нами. – И. Ф.).

Эти распространенные представления придают актуальность любым научным исследованиям диминутивов в функции вежливости.

В трактовке Л.П. Крысина вежливые диминутивы относятся исключительно к городскому просторечию (так называемое «просторечие-2»), то есть к речи «выходцев из сельской местности... осевших в городе; и уро-

женцев городов, находящихся в тесном диалектном окружении; и жителей крупных городов, не имеющих среднего образования и занятых физическим трудом» [Крысин, 2004, с. 358]. Как он пишет, «для просторечия-2 характерно использование деминутивов типа *огурчик, номерок, документики, газировочка*, среди которых встречаются формы, образованные по специфической модели, не имеющей распространения в литературном языке (ср. *мяско* при разговорно-литературном *мясо*), как выражение своеобразно понимаемой вежливости. Ср. в речи медсестры при обращении к взрослому пациенту: *Подбородочек вот сюда поставьте, а грудочкой прижмитесь к краю стола*», в речи официантки: *Вот ваш лангетик, а водичку я сейчас принесу*», в речи парикмахера: *Височки прямые или косые?*»; покупатель – продавцу: *Мне, пожалуйста, колбаски батончик и сырку полкило*» и т. п.» [Крысин, 2004, с. 359].

Как нелитературные оцениваются эти единицы и в работе «Русская разговорная речь : Тексты», опубликованной под редакцией Е.А. Земской, Л.А. Капаназе в 1978 г.: «Для стереотипов, связанных с ситуацией покупки (магазин, рынок) и общественного питания (столовая, ресторан, кафе и т. п.) характерна высокая употребительность уменьшительных существительных (*сырку двести грамм; колбаски полкилограммчика; – На закусочку что возьмете?; – Лимончик к рыбке не пожелаете?*). Такое словоупотребление связано с гиперкоррекцией вежливости и должно быть оценено как нарушение норм литературного языка» [Русская разговорная речь..., 1978, с. 270].

Однако в записях устной речи, опубликованных в этой книге, есть речевые акты с вежливыми деминутивами авторства москвичей интеллигентных профессий (разделы «Языковое существование» и др.). Это касается и магазинного дискурса. Явно не просторечными являются речевые акты покупателей, записанные в булочной: «*Батончик за двадцать две длиненький*!//; *За двадцать две коротенький батон* // *За восемнадцать батон*!//; *Будьте любезны за шестнадцать батончик*» [Русская разговорная речь..., 1978, с. 280].

Таким образом, употребление деминутивов как средства выражения вежливости свой-

ственно и разговорному стилю русского литературного языка.

Материалы и методы

Деминутивы не являются стандартным, обязательным средством вежливости, и функция вежливости для них далеко не единственная и не основная. Поэтому интерпретация деминутивов в конкретном речевом акте именно как вежливых в какой-то мере субъективна, тем более что часто деминутивы могут выражать сразу несколько прагматических значений, одновременно реализовать разные интенции говорящего, и к выражению вежливости у деминутивов могут добавляться другие прагматические значения и функции.

Например, взаимодействие покупателя и продавца в продуктовом магазине или на рынке (но не в супермаркете, организованном по принципу самообслуживания) насыщено так называемыми «гастрономическими деминутивами» (термин В.Г. Гака): *творожок, ряженочка, огурчики, селедочка, свининка, курочка* и пр. Сам автор термина делал акцент на выражении с помощью «гастрономических деминутивов» удовольствия от еды, прежде всего в ситуации обсуждения каких-то блюд, вызывающего в памяти говорящих их вкус [Гак, 2000]. Однако и в магазинной ситуации, когда покупатель того или иного продукта рассказывает продавцу о своих предпочтениях, выражение удовольствия от еды тоже может иметь место, например объяснение покупателя продавцу мяса, что именно ему нужно: *На кости запечь/ хороший такой кусочек* (запись автора статьи, февраль 2025 г., Москва). Такого рода сопутствующие значения и стилистическая окраска могут предполагаться и в других коммуникативных ситуациях. Затруднительно отделить функцию вежливости от сопутствующих прагматических значений и функций.

В связи с этим необходимо установить границы исследуемого объекта: какие речевые акты включают вежливые деминутивы. Во-первых, это речевые акты, использующиеся в коммуникативных ситуациях, обычно предполагающих вежливую речь в принципе (общение незнакомых, просьба и др.). Во-вторых, это речевые акты, в которых деминути-

вы нацелены прежде всего на создание более приятной или, в некоторых случаях, хотя бы менее неприятной атмосферы коммуникации, на сдвиг тональности коммуникации к более позитивной, дружелюбной, с целью предотвращения агрессии собеседника или побуждения его желаемого поведения, например покупки товара. Под «вежливыми диминутивами» понимаются диминутивы, использующиеся с целью установления более позитивной и дружелюбной тональности коммуникации, чем тональность, которая была бы в их отсутствие (и в отсутствие других средств вежливости). Одновременно они могут выражать и другие прагматические нюансы. Возможно, диминутивы в обсуждаемой функции точнее обозначить более широким термином, например, как в XIX в., «учтивые» или «смягчительные», но в настоящей статье сохраняется уже принятая в XX–XXI вв. терминология.

Речевые жанры, в которых используются вежливые диминутивы, в целом относятся к простым (или первичным) жанрам в классификации М. Бахтина, естественно сложившимся непосредственно в практике обыденного общения, а среди них, как правило, к жанрам императивным, то есть таким, цель которых вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных или, напротив, нежелательных, опасных для кого-то из участников общения [Азимов, Шукин, 2009, с. 256].

В основном вежливые диминутивы используются в жанрах, принадлежащих к дискурсам так называемого интеракционального типа. Этот тип противопоставлен инакциональному. «Различия между речевыми жанрами обуславливаются их принадлежностью к инакциональному или интеракциональному типу дискурса. Первые не предполагают реального общения коммуникантов (художественный, международно-правовой, рекламный, научный, религиозный и пр.). Для вторых реальное общение является конструктивным фактором» [Алефиренко, 2009, с. 54]. Интеракциональными могут быть речевые жанры, предполагающие диалог (просьба, предложение) или не предполагающие его (жанр распоряжения в определенных ситуациях). Л.П. Крысин отмечал: «Такие формы обычно употребляются при обращении к собеседнику и сравнитель-

но редко – в речи, не имеющей индивидуального адресата (ср. рассказ, размышления вслух и т. п.)» [Крысин, 2000, с. 80].

В наше время вежливые диминутивы встречаются и в инакциональном рекламном дискурсе (низовом), например в рекламных постах в социальных сетях и объявлениях на досках объявлений (речевой жанр призыва): частное объявление мастерицы маникюра на доске в подъезде: *Девочки, перед Новым годом не забудьте записаться на **ноготочки!*** (запись автора статьи, декабрь 2016 г., Нижний Новгород); фрагмент частного объявления на интернет-форуме: *Я набираю сейчас себе команду **мамочек**, желающих приобрести финансовую независимость и дать своим **деткам** светлое будущее и достаток* (опубликовано 10 сентября 2018 г., <https://www.woman.ru/kids/newborns/thread/4812299/>).

Материалом исследования послужили записи устной разговорной речи, сделанные автором статьи, данные основного, устного и соцсетевого подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), записи городской речи, сделанные в 1970-е гг. и на рубеже XX–XXI вв. [Русская разговорная речь..., 1978; Китайгородская, Розанова, 1999, с. 335–350].

Настоящая статья частично опирается на наши предыдущие исследования [Фуфаева, 2018; 2020; 2021] и полученные в них результаты.

Результаты и обсуждение

Вежливые диминутивы можно услышать (а в наше время и прочесть, например, в общении в мессенджере) в любом дискурсе повседневной человеческой коммуникации. При этом для некоторых повседневных дискурсов и коммуникативных ситуаций они более специфичны, то есть их употребление дискурсивно обусловлено, хотя и не жестко. Аналогично эти единицы могут использоваться в достаточно широком спектре простых речевых жанров, но, например, в просьбе встречаются особенно регулярно, следовательно, имеет место их нежесткая жанровая обусловленность. В связи с этим целесообразно рассмотреть как повседневные дискурсы, имеющие

характерные зоны вежливых диминутивов, так и простые речевые жанры, в которых эти средства вежливости особенно употребительны.

Речевые акты одного и того же жанра могут быть порождены в рамках разных дискурсов. Речевой акт – команда, включающая вежливые диминутивы, может прозвучать из уст сотрудника службы безопасности в метро и на вокзале, медсестры в процедурном кабинете, тренера в спортивном зале, даже в домашнем дискурсе из уст одного члена семьи по отношению к другому и т. д. Речевой акт – предложение *конфетки берите* может быть произнесено продавцом, стоящим за прилавком, хозяйкой, угощающей гостей, и даже сотрудником на ресепшене косметической клиники. Часто такие коммуникативные ситуации и/или роли коммуникантов, участвующих в разных дискурсах, имеют нечто общее, и именно это общее во многом определяет характер используемых в конкретном акте фатических языковых средств, в частности средств вежливости, включая вежливые диминутивы.

На выбор диминутивов как средства вежливости влияет также их семантика. В отличие от формул вежливости, вежливые диминутивы, как правило, имеют денотаты, и часто это именно те объекты, которые наиболее важны для говорящего в конкретной семантической ситуации, составляют главное содержание его речевого акта. Ранее нами было показано, что в разных семантических сферах диминутивы образуются и употребляются с разной степенью интенсивности. В частности, весьма «диминутивногенна» лексико-семантическая сфера еды [Фуфаева, 2020]. Отсюда закономерно, что в рамках упоминавшегося магазинного дискурса вежливые диминутивы, судя по примерам (см.: [Русская разговорная речь..., 1978, с. 272–293; и др.]) и наблюдениям автора, в основном являются гастрономическими.

Исходя из вышесказанного, для описания речевого акта «на пересечении» дискурса и жанра существенны такие параметры, как коммуникативная ситуация, роли говорящего (адресанта) и воспринимающего (адресата). Выделение дискурсов в непрерывной ткани повседневной коммуникации достаточно условно. В данной статье используется выделение и наименования дискурсов, закрепив-

шихся в исследовательской практике: «магазинный», «административный», «медицинский» и др. При этом очевидно, что «магазинные» коммуникативные ситуации в разных местах, где торгуют в розницу, существенно различаются с точки зрения используемого языка. В продуктовых магазинах самообслуживания покупатель может приобрести необходимые товары без использования не только диминутивов, но и речи как таковой. Вежливые диминутивы характерны лишь для некоторых коммуникативных ситуаций, вокруг которых развивается магазинный дискурс, и то же относится и к другим упоминаемым дискурсам.

Рассмотрим «зоны вежливых диминутивов» некоторых дискурсов и характерные для них жанры и коммуникативные ситуации.

I. Дискурсы.

1. Магазинный дискурс.

Магазинный дискурс, как упоминалось выше, служит источником типичных примеров вежливых диминутивов еще со времени первых записей русской разговорной речи в 1960–1970-е годы. Тогда внимание в основном обращалось на эти единицы в речи покупателей: *Пожалуйста/ полкило морковочки и полкило лучку; Мне полкило огурчиков; (...) Девушка// будьте любезны четыреста грамм яблочек; <...> Килограмм помидорчиков; Огурчиков полкилишка; Два килограммчика компоту; Картошечки пять; Килограмм картошечки* [Русская разговорная речь..., 1978, с. 281]; *Скажите пожалуйста/ у вас нет сейчас/ была такая книжечка «Переводы технических текстов»* [Русская разговорная речь..., 1978, с. 273]. См. также приведенный Л.П. Крысиным фрагмент речи покупателя *колбаски батончик и сырку полкило* [Крысин, 2004, с. 359]. Интересно, что в эпоху дефицита и зависимости покупателя от продавца это речевое явление трактовалось как задабривание продавца, подобострастие перед ним, чему, надо отметить, противоречат записи в московской булочной типа *за шестнадцать батончик*, поскольку хлеб в Москве не был предметом дефицита.

В 1990-е гг. в фокусе внимания оказались диминутивы в речи продавцов, что связывалось с исчезновением дефицита, принижением роли продавца и определенной его зависимостью [Земская, 2004, с. 78].

Несмотря на то что речевая стратегия заискивания, безусловно, могла иметь место в нерыночном прошлом и может иметь его в каких-то случаях в рыночном настоящем, представляется неверным сводить к ней широкое употребление вежливых диминутивов в магазинном дискурсе и покупателями, и продавцами. На наш взгляд, это употребление определяется коммуникативной ситуацией, а именно возможностью непосредственного общения покупателя и продавца, что в свою очередь определяется организацией процесса торговли; также, по-видимому, важным фактором является продовольственная специализация. В небольших торговых точках, на рынках, в некоторых сетевых магазинах продавец торгует с прилавка, покупатель спрашивает, советуется, выбирает и, наконец, просит продать ему тот или иной продукт; продавец переспрашивает, предлагает, советует, хвалит те или иные продукты; в речи обоих коммуникантов представлен широкий спектр простых диалогических речевых жанров. То же относится к небольшим точкам общественного питания, кофейням, кафе, которые сейчас размещаются в самых разных местах, в том числе в магазинах, включая сетевые. Как показывают наблюдения, обычно интонация не сигнализирует о заискивании со стороны продавца или покупателя. Например:

(1) Место: мясной прилавок в магазине, который является самостоятельной небольшой торговой точкой. Адресант: покупатель, объясняющий продавцу, что ему нужно. Адресат: продавец. Речевой акт – пояснение: *На кости запечь/хороший такой кусочек* (запись автора статьи, февраль 2025 г., Москва);

(2) Место: прилавок в магазине, который является самостоятельной небольшой торговой точкой. В ассортименте выпечка, кулинария, готовые блюда (каши, супы). Адресант: продавщица. Адресат: покупатель, только что попросивший: *А мне суп/рыбный*. Речевой акт – переспрос: *Супчик?* (запись автора статьи, февраль 2025 г., Москва);

(3) Место: небольшая кофейня, находящаяся прямо в магазине. Адресант: девушка-бариста. Адресат: покупатель, заказавший какао. Последовательность речевых актов – подытоживание договоренности и сообщение информации (об оплате): *Какавушка триста тогда/двести рублей по карточке* (запись автора статьи, февраль 2025 г., Москва);

(4) Адресант: девушка-фармацевт в аптеке, в ответ на вопрос покупательницы поясняющая, что предложенное ею средство востребовано. Адресат: покупательница. Речевой акт – сообщение информации: *Кремушков много сейчас со скваланом* (запись автора статьи, февраль 2025 г., Москва);

(5) Адресант: покупательница, только что заказавшая кофе в небольшом кафе, являющемся частью магазина. Адресат: сотрудник кафе, работающий за стойкой, по сути продавец. Речевой акт – просьба: *Еще кексик* (запись автора статьи, март 2025 г., Москва).

Примеры иллюстрируют жанровую широту речевых актов. Диминутивами говорящие называют объекты торговли, причем не только еду / напитки, но и крем, а также пластиковую банковскую карту (*карточка*). Обращает на себя внимание использование молодыми сотрудницами диминутивов с безударным чисто ласкательным суффиксом *-ушк-*: *какавушка*, *кремушков*; ср.: *зимушка*, *матушка*. Эти диминутивы имеют особый стилистический оттенок, употребляются в соцсетях: у *какавушка* 3 вхождения в НКРЯ, только в подкорпусе соцсетей; у *кремушки* 2 вхождения в НКРЯ, только в подкорпусе соцсетей, только во мн. числе. В нашей картотеке имеется пример, где использован диминутив и с ласкательным суффиксом *-еньк-*: *Вспомнила: продавщица фруктов на Юго-Западной всегда говорила «пожалуйстаенько!»* (комментарий в телеграм-канале «Лингвота», ноябрь 2023 г.).

Современный магазинный дискурс включает и интернет-общение продавца и покупателя в случае покупки в интернет-магазине, и в такой коммуникации могут использоваться диминутивы как средство вежливости. Примеры речевых актов разных жанров из переписки сотрудницы интернет-магазина с покупательницей в мессенджере, 2025 г.: *Поняли вас, в таком случае сейчас подготовим ссылочку для оплаты* (сообщение информации); *К остальным позициям скидочка по нему* (по промокоду. – И. Ф.) *не применяется* (сообщение информации, отказ); *Рады за вас, что посылочка дошла в целости* (ответное присоединение к радости адресата).

В целом функция вежливости в этом дискурсе, как представляется, развилась у диминутивов на базе разных оттенков экспрессии диминутивов и речевых стратегий: выраже-

ния удовольствия от еды с помощью «гастрономических диминутивов»; словообразовательного диминутивного значения ласкательности, о чем говорит использование суффиксов *-ушк-* и *-еньк-*; речевой стратегии заискивания.

2. Административный дискурс.

В административном дискурсе вежливые диминутивы характерны для коммуникативных ситуаций, в которых низовой представитель власти взаимодействует с частным лицом.

Прежде всего это речевые акты-побуждения, имеющие жанровые черты команды и инструкции и стилистические черты разговорной речи или просторечия. Такой речевой акт может быть очень коротким и стандартным, многократно воспроизводимым. Вспомним сакраментальное лаконичное клише еще советского милиционера *Ваши документки*. В позиции низового представителя власти может находиться сотрудник полиции, службы безопасности метро, даже контролер общественного транспорта; важно, что в коммуникации он воспринимается и сам себя воспринимает именно в статусе представителя власти, иначе обращение к посторонним людям с командой и/или инструкцией было бы невозможно. Один и тот же текст может быть обращен поочередно к людям в группе, объединенным общим местонахождением. Например:

(6) Место: вход в железнодорожный вокзал, рамка. Адресант: работник службы безопасности РЖД. Адресаты: пассажиры, входящие в здание вокзала. Речевой акт: *Сумочки на ленточку/ проходим в рамочку/ ключи и телефоны выкладываем*. Этот текст непрерывно повторяется, поскольку пассажиры идут потоком (запись автора статьи, март 2025 г., Нижний Новгород);

(7) Место: электричка. Адресант: контролер РЖД, проходящий по вагонам. Адресаты: пассажиры, сидящие и стоящие в вагонах. Речевой акт: *Билетики/ проездные/ проходим вперед*. Текст также непрерывно воспроизводится по мере движения контролера по вагонам (запись автора статьи, ноябрь 2021 г., электричка Фрязино – Москва).

Структура таких лаконичных разговорных команд похожа. Этикетные формулы (*пожалуйста*) отсутствуют. Часть глаголов подвергается эллипсису, в этом случае императивность выражается без них: *Ваши документки*, *Сумочки на ленточку*, *Билетики про-*

ездные, и действие, которое надлежит выполнять адресатам (предъявить документ, билет, поставить сумку на транспортер), выражается через названия объектов действия. Если побуждение выражается глаголом, то используется не императив, а форма 1 л. мн. ч. наст. времени в значении императива: *проходим, выкладываем*, что может восприниматься как более категоричная и грубая форма, чем императив. Реплики произносятся с повелительной интонацией.

Диминутивы называют объекты требуемых действий и выражают основное содержание речевого акта, а в прагматическом аспекте, очевидно, призваны смягчить его категоричность, ср. ту же реплику без диминутивов: *Сумки на ленту, проходим в рамку, ключи и телефоны выкладываем*.

Использование вежливых диминутивов обнаруживается в других жанрах в административном дискурсе. Сотрудница муниципальных структур, работающая с посетителями в период коронавируса, написала в социальной сети в январе 2021 г. о том, что посетители воспринимают отсутствие диминутивов как грубость: *Почему, когда говорят: «Оденьте масочку!» «Присаживайтесь на стульчик!» и при этом завывают голос, это считается очень вежливым обращением? А когда говоришь ровным тоном: «Здравствуйте! Пожалуйста, наденьте вашу маску правильно. Садитесь, пожалуйста. Этот стул для вас» – это вызывает бурную реакцию вплоть до «Вы почему так грубо разговариваете!!!!?» и «Я жаловаться буду!»?* (здесь и далее в примерах орфографические и пунктуационные особенности сохранены).

Приведенные выше побудительные речевые акты, вызывающие речевую неудачу, стилистически скорее официальные и достаточно категоричны. Успех же коммуникации достигается переводом речи в разговорный и более экспрессивный (позитивный, дружелюбный) регистр с помощью интонации и диминутивов (*присаживайтесь* играет роль вежливого диминутива по отношению к императиву *садитесь*). Диминутивы называют объекты действия и само действие, предлагаемое посетителю. По-видимому, эти средства ожидаются адресатами, привыкшими к

тому, что официальные и категоричные побуждения смягчаются именно с их помощью.

3. Медицинский дискурс.

В рамках профессионального медицинского дискурса вежливые диминутивы характерны для двух профессиональных субдискурсов, которые развиваются на базе двух типов коммуникативных ситуаций: 1) прием врача; 2) проведение пациенту различных анализов, процедур, лечебной физкультуры, лечения зубов и других манипуляций.

На приеме врач может назвать с помощью диминутивов медицинские проблемы пациента: *переломчик*, *трещинка*, *гастритик*, *уплотненьце*. На приеме гинеколога в Рязани в 2016 г. записан диминутив *миомка* (речь не шла о небольшом объекте). Кроме того, диминутивами могут называть другие неприятные для пациента объекты, например болезненные процедуры: *Сейчас медсестра вам укольчик сделает в медицинском кабинете*. Эти диминутивы выполняют функцию эвфемизмов, призваны снизить неприятное впечатление пациента путем вербального преуменьшения проблемы, улучшить его настроение, утешить, а в целом речевой акт нацелен на сообщение пациенту информации.

Во время процедуры врач или медсестра используют диминутивы в речевых актах, которые тоже сочетают черты команды и инструкции и имеют профессиональные стилистические особенности. Например:

(8) Место: кабинет рентгена. Адресант: врач-рентгенолог (женщина). Адресат: пациентка за 50. Речевой акт – последовательность команд-инструкций: *Головушку на подголовник// Язычок расслабили// щёчки расслабили// Держим ручкой вот эту палочку// Ротиком не дышим// дышим носиком// Теперь подождите в коридорчике* (запись автора статьи, февраль 2025 г., Москва);

(9) Место: процедурный кабинет. Адресант: медсестра. Адресат: пациентка за 50. Речевой акт – последовательность команд-инструкций: *Ножки вытянем// Ручки тоже вытянем// Ладони вниз* (запись автора статьи, февраль 2025 г., Москва);

(10) Место: кабинет УЗИ. Адресант: врач УЗИ (женщина). Адресат: пациентка за 50. Речевой акт – команда-инструкция: *На левый бочок/ ко мне вполоборотика* (запись автора статьи, февраль 2025 г., Москва);

(11) Место: спортзал. Адресант: инструктор гимнастики для похудения. Адресаты: группа взрос-

лых женщин. Речевой акт – команда-инструкция: *Ножки ставим достаточно плотненько/ ручки на талии* («Бодифлекс в Самаре». URL: <https://yandex.ru/video/preview/11190203636012253490?p=1&filmId=11190203636012253490&text=бодифлекс+федор+жевгнин> (дата обращения 15.12.2020)).

Использование диминутивов в «процедурном» медицинском субдискурсе не сводится к командам. См. замечание и пример Е.А. Земской: «В разговоре с больными, с детьми часто используют уменьшительные образования, желая выразить ласковое отношение к собеседнику (а не к тому предмету, который называет данное уменьшительное слово): медсестра – *у вас сосудики близко/сейчас я ваткой чтобы синячка не было...*» [Земская, 2004, с. 128].

Сходство языка обоих медицинских субдискурсов, особенно «процедурного», с языком нянь (регистром общения взрослых с маленькими детьми) побуждает видеть важную роль языка нянь в формировании функции вежливости диминутивов в медицинском дискурсе, когда говорящий отождествляет пациента с ребенком, а себя с заботливым и строгим взрослым. При этом, по нашим наблюдениям, использование диминутивов не противоречит сердитой тональности медицинской («процедурной») коммуникации, что, впрочем, вполне возможно и для языка нянь.

4. Дискурс повседневных денежных расчетов.

В возмущенном эссе о диминутивах Л.И. Сторча упоминается коммуникативная ситуация одалживания денег: *Приятель просит у приятеля одолжить ему денежку* (вспоминается *копеечка*, которую отняли у юродивого в «Борисе Годунове»). Для этого дискурса характерен конкретный диминутив *денежка*, выражающий значение «деньги» с экспрессивной окраской преуменьшения суммы, иногда с иронической окраской. Экспрессивное значение этого слова сравнительно новое и возникло в советское время. Устаревшее значение слова – «монета достоинством в полкопейки» (как и у слова *деньга*).

В качестве средства вежливости диминутив *денежка* используется в основном для речевого жанра просьбы. Его содержанием не обязательно должна быть просьба дать в

долг (или просто дать денег без отдачи). Это может быть и просьба вернуть долг, компенсировать потраченные на что-то деньги, выдать заработанное и т. д. Диминутив *денежка* как средство вежливости может употребляться в жанре вопроса при выяснении перспектив получения денег, например зарплаты; в жанре сообщения при передаче информации о том, что говорящий или пишущий получил или отправил причитающуюся сумму. По устному сообщению антрополога Д., работающего в столичном университете, он каждый раз совершает над собой определенное усилие, чтобы использовать нейтральное *деньги* вместо стилистически маркированного *денежка* при переписке с хозяйкой съемной квартиры, когда сообщает ей о переводе арендной платы, а также в других ситуациях. Это высказывание свидетельствует о высокой распространенности и стандартности данного языкового средства и о его неприятии частью носителей литературного языка.

По-видимому, во многих подобных ситуациях диминутив *денежка* реализует речевую стратегию заискивания, выражая зависимость адресанта от адресата и, часто, преуменьшение суммы, ее незначительность, что связано с экспрессивным словообразовательным диминутивным значением преуменьшения (интенсификации малости). Это экспрессивное значение, в свою очередь, развилось на базе прямого нейтрального словообразовательного значения диминутивов – уменьшительности (об этом см.: [Фуфаева, 2018]).

Пример письменно-разговорного речевого акта – просьбы, обращенной к участникам чата: *Друзья, маленькая просьбочка от меня лично: я сейчас вкладывала свою денежку, поэтому буду очень благодарна, если напишете мне, кто отправил* (чат студентов и аспирантов – популяризаторов науки, адресант – студентка, сообщение написано в 2017 г.). Обращает на себя внимание использование и другого диминутива – *просьбочка*, а также лексического средства подчеркивания ее незначительности – *маленькая*. Все эти средства призваны выразить незначительность денежных потерь и усилий, требующихся от адресатов.

5. Обсуждение творчества или подарка говорящего.

Диминутивы, выражающие скромность говорящего, характерны для дискурса обсуж-

дения или презентации говорящим своего произведения или подарка и призваны преуменьшить собственные заслуги, чтобы не показаться хвастливым, излишне самоуверенным, оставаться в рамках этикета и приличий. Художник, показывая приятелю или упоминая свои картины, может назвать их *картинками*, поэт может назвать свои стихи *стишками*, см. из письма Сергея Довлатова (основной подкорпус): *Дорогой Донат, дело в том, что я сам не твердо знаю, какие мои стишки напечатаны, т. к. я – балда, посылаю штуки по три, а напечатали, судя по денежкам, по одному* (НКРЯ: Сергей Довлатов. Армейские письма к отцу (Из сборника «Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба»). 1962–1963). При вручении подарка может использоваться диминутив *подарочек*.

Например:

(12) **Вера:** < А мы вот вам **подарочек**/ Саше/ это самое/ **шоколадочку** только придется/ а вам вот более существенное. **Сергей:** В смысле? **Вера:** Набор здесь ложек и **вилочек** и чё посмотрите. **Ольга:** (НКРЯ: Разговор в гостях и поздравления с Новым годом. 2008);

(13) **Попов Юрий:** Ну как мой след/ он пока еще есть/ пока я живой/ он есть/ в моей писанине/ конечно/ она такая примитивная/ но тем не менее/ **сборничек** стихов. Там... [Читает стихотворение] «Мне женщина стихи читала на берегу среди камней// а ночь надежно нас скрывала от добрых и плохих людей./ Мы были двое в этом мире...» В общем/ знаете/ вот **стишки** такие есть (НКРЯ: След на песке (Касли, Челябинская область). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура»). 2012).

Можно сравнить в этих примерах наблюдения иноязычного лингвиста над подобным употреблением диминутивов в русской академической среде: «Экспрессивные производные используются в целях отрицательной оценки (иронической, уничижительной, презрительной), которая может быть направлена... на самого говорящего (самоирония, желание не выглядеть смешно, боязнь показаться хвастуном и т. п.): “...Я могу вам подбросить свои *соображеньица*//; Тут у меня кой-какие *замечаныица* есть//; Там у нее *обобщеныица* в конце//; Докладец мой *слышали?*; Я *набрoсал введеньице*”» [Акиль, 2010].

Представляется очевидной связь функции вежливости у диминутивов в этом дис-

курсе, как и в предыдущем, с их экспрессивным словообразовательным значением преуменьшения и, далее, с прямым словообразовательным значением – уменьшительности.

II. Жанры.

1. Просьба.

Жанр просьбы характерен для разных дискурсов: магазинного, домашнего, ряда профессиональных; с неформальной просьбой могут обратиться на улице, в транспорте, на концерте и т. д. Он архетипичен в плане использования средств вежливости в целом и вежливых диминутивов в частности. В приведенной выше цитате О.К. Клименко о диминутивах как средстве вежливости почти все примеры, кроме распоряжения стоматолога, относятся именно к жанру просьбы, и автор подытоживает: «Даже без слова *пожалуйста* подобные высказывания звучат как мягкая просьба, несмотря на наличие императива» [Клименко, 2005, с. 92]. Диминутивы придают повседневным незначительным просьбам, например *Сigaretки не найдется*, оттенок непринужденной вежливости, снижают категоричность просьбы, важность объекта запроса, дистанцию между собеседниками.

Приведем примеры устной просьбы в домашнем дискурсе.

(14) Место: квартира. Адресант: муж. Адресат: жена. Речевой акт – просьба: *Купи/ пожалуйста кефир однопроцентный/ и пару кексиков* (запись автора статьи, март 2025 г., Москва);

(15) Электронная переписка членов одной семьи в WhatsApp: *И еще вопрос можно мы займем дальнюю комнату А ты проходную Это где-то на месяцок* (запись автора статьи, 2025 г.).

Аналогичные вежливые диминутивы в просьбах записывались и в 1970-е гг.: *А. Ножнички есть?* (сестра спрашивает у сестры. – И. Ф.) [Русская разговорная речь..., 1978, с. 157]; *В. Знаешь что помоги// Я с яблоками все-таки хочу сделать/ почисть яблочек немножко* [Русская разговорная речь..., 1978, с. 247]; *А. Баночку ты там мне томатную вскроешь* [Русская разговорная речь..., 1978, с. 221]. Во втором примере в сообщении о своем намерении адресант пользуется нейтральным коррелятом *яблоки*, а переходя к просьбе, использует диминутив

яблочки, то есть употребление диминутива обусловлено не семантикой слова (продукт питания, фрукт), а жанром просьбы.

В прагматике вежливых диминутивов в жанре просьбы часто присутствует и экспрессия преуменьшения (интенсификация малости). С их помощью просящий преуменьшает затраты, в том числе времени и усилий адресата, и предмет просьбы. О том же пишет О.К. Клименко: «Возможно употребление различных минимизаторов, уменьшающих цену просьбы: *Подожди секундочку/ Посиди со мной минутку/ Налей мне капельку кофе* [Клименко, 2005, с. 93]. В данном случае функция вежливости в ее специфической разновидности, как представляется, развилась на базе экспрессивного словообразовательного значения диминутивов – преуменьшения и, далее, прямого значения диминутивов – уменьшительности.

2. Предложение.

Еще одним жанром, для которого характерны вежливые диминутивы и который может встретиться в разных дискурсах, является предложение. См. выше *Присаживайтесь на стульчик!*

В обсуждаемом аспекте важен дискурс угощения, для которого предложения являются основным жанром. Угощающий часто обозначает диминутивами предмет угощения: *кушайте салатик, возьмите селедочки, огурчика, налью тебе супчика* и т. д. Ср. в записях домашнего дискурса москвичей речевые акты хозяйки, угощающей гостей: – *Берите хлебушек*; [одному из гостей]: *Дайте салатик/ это рыбный/ и яичко с икрой берите* [Китайгородская, Розанова, 1999, с. 339]. Приведем пример из нашего материала:

(16) Место: косметическая клиника. Адресант: сотрудница на ресепшене. Адресат: посетительница, ожидающая очереди. Речевой акт – предложение: *Сделать вам чайку?* (запись автора статьи, март 2025 г., Москва).

Как представляется, здесь, как и в медицинском дискурсе, имеет место неполное воспроизведение языка нянь, ограниченное темой собственно угощения, когда угощаемый становится метафорическим ребенком.

Заключение

Речевые акты, содержащие вежливые диминутивы, относятся к повседневным дискурсам, прежде всего устным интеракционным, и являются реализациями первичных (простых) речевых жанров, в стилистическом диапазоне от явного просторечия (рекламные объявления) до разговорного стиля литературного языка, также в специфической коммуникативной ситуации приема врачом пациента как своего рода профессиональное ситуативно обусловленное средство вежливости.

Дискурсами, для которых особенно характерно использование вежливых диминутивов, являются магазинный, медицинский, угощения, дарения подарка, обсуждения творчества, что прослеживается на протяжении как минимум полувека записи русской разговорной речи, а также частично административный дискурс и дискурс денежных расчетов. При этом менее регулярно диминутивы могут употребляться и в других дискурсах, в том числе рекламном (письменном иначе), например в рекламном объявлении, содержащем просторечие или написанном разговорным стилем литературного языка.

В аспекте речевых жанров принадлежности речевых актов, содержащих вежливые диминутивы, выявлено, что эти лексические единицы особенно характерны для жанра просьбы и в определенной степени для жанра предложения, особенно в дискурсе угощения.

Как представляется на основе сделанных наблюдений, в разных дискурсах и жанрах функция вежливости формируется у диминутивов на базе их экспрессивных значений, прежде всего ласкательности и экспрессивного преуменьшения (интенсификации малости, развивающейся, в свою очередь, из прямого значения уменьшительности). Для медицинского дискурса (особенно «процедурного» субдискурса), дискурса угощения, речевого жанра предложения обилие диминутивов очевидным образом связано с тематически ограниченным воспроизводством языка нянь (регистра, с помощью которого взрослые общаются с маленькими детьми). Преуменьшение затрат или неприятностей собеседника или говорящего характерно для диминутивов в жанре просьбы,

дискурсах медицинском (субдискурсе приема врача) и обсуждения творчества или подарка. Магазинные диминутивы часто одновременно являются «гастрономическими».

Все это обуславливает появление у одной и той же функции вежливости, реализуемой диминутивами, некоторых разновидностей, так или иначе направленных на создание более приятной для всех коммуникантов атмосферы коммуникации, смягчение неприятного и усиление позитивного содержания коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

The study was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н., 2009. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР. 446 с.
- Акиль Я. Х., 2010. Категория диминутивности в русском языке. URL: <https://jcolang.uobaghdad.edu.iq/index.php/JCL/article/view/403>
- Алефиренко Н. Ф., 2009. Проблема соотношения речевого жанра и дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методики их преподавания. № 2. С. 53–61.
- Востоков А. Х., 1859. Русская грамматика. Изд. 10-е. СПб. : Тип. Императ. Рос. акад. 320 с.
- Гак В. Г., 2000. «Гастрономический» диминутив в русском языке // Активные языковые процессы XX века. М. : Азбуковник. С. 28–30.
- Греч Н. И., 1830. Пространная русская грамматика. Т. 1. Изд. 2-е. СПб. : [б. и.]. 386 с.
- Земская Е. А., 2004. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М. : Наука : Флинта. 240 с.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., 1999. Речь москвичей : Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Рус. слов. 396 с.
- Клименко О. К., 2005. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке // Русский язык в современном обществе : (Функциональные

- и статусные характеристики) : сб. обзоров. М. : ИНИОН РАН. С. 85–101.
- Крысин Л. П., 2004. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Яз. слав. культуры. 888 с.
- Русская разговорная речь : Тексты, 1978 / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М. : Наука. 307 с.
- Сторч Л. И. Об одержимости диминутивами в русском языке. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=163776
- Фуфаева И. В., 2018. «Преуменьшение» и «умаление» просьбы / временного периода в семантике русских диминутивов // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : в 2 т. Т. 2. Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 271–274.
- Фуфаева И. В., 2020. Метафора малого: русские диминутивы. М. : РГГУ. 270 с.
- Фуфаева И. В., 2021. Диминутивы как средство вежливости в русском языке // Русский язык за рубежом. № 2 (285). С. 32–39. DOI: 10.37632/PI.2021.285.2.005
- Grech N.I., 1830. *Prostrannaya russkaya grammatika. T. 1* [Comprehensive Russian Grammar. Vol. 1]. Saint Petersburg, s.n. 386 p.
- Zemskaya E.A., 2004. *Russkaya razgovornaya rech: lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Teaching Issues]. Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ. 240 p.
- Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N., 1999. *Rech moskvicey: Kommunikativno-kulturnyy aspekt* [Speech of Muscovites: Communicative-Cultural Aspect]. Moscow, Rus. slov. Publ. 396 p.
- Klimenko O.K., 2005. *Kategoriya vezhlivosti i rechevoy etiket v russkom yazyke* [The Category of Politeness and Speech Etiquette in the Russian Language]. *Russkiy yazyk v sovremennom obshchestve: (Funktsionalnye i statusnye kharakteristiki): sb. obzorov* [Russian Language in Modern Society: (Functional and Status Characteristics). Review Collection]. Moscow, INION RAN, pp. 85-101.
- Krysin L.P., 2004. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian Word, One's Own and Someone Else's: Research in Modern Russian language and Sociolinguistics]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 888 p.
- Zemskaya E.A., Kapanadze L.A., eds., 1978. *Russkaya razgovornaya rech: Teksty* [Russian Colloquial Speech: Texts]. Moscow, Nauka Publ. 370 p.
- Storch L.I. *Ob ocherzimosti diminutivami v russkom yazyke* [On the Obsession with Diminutives in the Russian Language]. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=163776
- Fufaeva I.V., 2018. «Preumenshenie» i «umalenie» prosby / vremennogo perioda v semantike russkikh diminutivov [Exaggeration and Diminution of a Request / Time Period in the Semantics of Russian Diminutives]. *Nauchnoye nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly: v 2 t. T. 2* [Scientific Heritage of V.A. Bogoroditsky and the Modern Vector of Research of the Kazan Linguistic School. In 2 Vols. Vol. 2]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, pp. 271-274.
- Fufaeva I.V., 2020. *Metafora malogo: russkie diminutivy* [Metaphor of Smallness. Russian Diminutives]. Moscow, RGGU Publ. 270 p.
- Fufaeva I.V., 2021. *Diminutivy kak sredstvo vezhlivosti v russkom yazyke* [Diminutives as a Means of Politeness in Russian]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 2 (285), pp. 32-39. DOI: 10.37632/PI.2021.285.2.005

REFERENCES

- Azimov E.G., Shchukin A.N., 2009. *Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)]. Moscow, IKAR Publ. 446 p.
- Akil Ya.H., 2010. *Kategoriya diminutivnosti v russkom yazyke* [The Category of Diminutiveness in the Russian Language]. URL: <https://jcolang.uobaghdad.edu.iq/index.php/JCL/article/view/403>
- Alefrenko N.F., 2009. Problema sootnosheniya rechevogo zhanra i diskursa [The Problem of Correlation of Speech Genre and Discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, no. 2, pp. 53-61.
- Vostokov A.Kh., 1859. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Ros. akad. 320 p.
- Gak V.G., 2000. «Gastronomicheskii» diminutiv v russkom yazyke [The “Gastronomic” Diminutive in the Russian Language]. *Aktivnye yazykovye protsessy XX veka* [Active Language Processes of the 20th Century]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 28-30.

Information About the Author

Irina V. Fufaeva, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Laboratory of Linguistic Conflictology, HSE University, Moscow, Russia, iriel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0952-8461>

Информация об авторе

Ирина Владимировна Фуфаева, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории лингвистической конфликтологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, iriel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0952-8461>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.8>

UDC 81'271.2

LBC 81.006

Submitted: 30.05.2025

Accepted: 07.07.2025

NON-COOPERATIVE SPEECH BEHAVIOUR, OR “ANTI-POLITENESS ETIQUETTE”¹

Galina I. Kustova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article examines anti-politeness strategies that are based on the rejection of the principle of cooperation and the politeness strategies associated with it. Non-cooperative behaviour, in the same way as the cooperative one, has its own variety of speech formulas (*How should I know?; I don't follow them!; They don't report to me!; How much longer?!; Nobody's asking you!* etc.), which are used in certain situations. Anti-politeness strategies employ the same mechanisms (indirect speech acts, implicative schemes) as politeness strategies do. The main strategies of anti-politeness are interrogative (– *Where did they go? – How should I know?*) and negative (– *Where did they go? – They don't report to me / I don't follow them*). Both strategies are based on the implication: “no source of information / I don't follow → I don't know.” The main types of non-cooperative formulas are: a reaction to unreliable, erroneous, unconvincing information/statements/conclusions; a reaction to the interlocutor's incorrect hypothesis about the speaker's awareness; a reaction to intellectual immaturity; a reaction to abuse of power (a reaction to an inappropriate question; a reaction to an unreasonable request; a reaction to inappropriate advice); a reaction to incorrect supposition. The analysis of non-cooperative formulas enables reconstructing an important extract of the Russian language picture of the world, i.e. the rules of communication and requirements for the interlocutor.

Key words: principle of cooperation, speech etiquette, speech aggression, speech formulas, implicative strategy, indirect speech act.

Citation. Kustova G.I. Non-Cooperative Speech Behaviour, or “Anti-Politeness Etiquette”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 91-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.8>

УДК 81'271.2

ББК 81.006

Дата поступления статьи: 30.05.2025

Дата принятия статьи: 07.07.2025

НЕКООПЕРАТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ИЛИ «ЭТИКЕТ АНТИВЕЖЛИВОСТИ»¹

Галина Ивановна Кустова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии антивежливости, которые базируются на отказе от принципа кооперации и связанных с ним стратегий вежливости. Некооперативное поведение, как и кооперативное, имеет свой арсенал устойчивых формул (*Откуда я знаю?!; Я за ними не слежу!; Они мне не докладывают; Сколько можно?!; Тебя никто не спрашивает!* и под.), которые употребляются в определенных ситуациях. Стратегии антивежливости используют те же механизмы (косвенные речевые акты, имплицативные схемы), что и стратегии вежливости. Основные стратегии антивежливости: вопросительная (– *Куда они уехали? – А я откуда знаю?*) и отрицательная (– *Куда они уехали? – Они мне не докладывают / Я за ними не слежу*). Обе стратегии базируются на импликации: ‘нет источника информации / не слежу → не знаю’. Основные типы некооперативных формул: реакция на недостоверные, ошибочные, неубедительные сообщения / утверждения / умозаключения; реакция на неверную гипотезу собеседника о знаниях говорящего; реакция на интеллектуальную незрелость; реакция на превышение полномочий (реакция

на неуместный вопрос; реакция на необоснованную просьбу; реакция на неуместный совет); реакция на неправильное предположение. Результаты анализа некооперативных формул позволяют реконструировать важный фрагмент русской языковой картины мира – представления о правилах общения и требованиях к собеседнику.

Ключевые слова: принцип кооперации, речевой этикет, речевая агрессия, речевые формулы, имплицативная стратегия, косвенный речевой акт.

Цитирование. Кустова Г. И. Некооперативное речевое поведение, или «этикет антивежливости» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 91–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.8>

Введение

Существует большое количество источников, посвященных стратегиям и установкам вежливости в коммуникации. Так, например, в работе Т.В. Лариной [Ларина, 2009] представлен обзор, где вежливость соотносится с постулатами общения [Lakoff, 1973] и с прагматическими компетенциями, представлениями о социальной дистанции, индивидуализме и коллективизме, личном пространстве.

Выдвигается и формулируется множество установок (максим) вежливого общения: хвали собеседника, порицай себя, увеличивай выгоду слушающего, соглашайся с ним [Leech, 1983, р. 67]. Если рассматривать эти рекомендации вне контекста и не знать заранее, что именно обсуждается, не так легко понять, чем они отличаются от других моделей коммуникации – общения прислуги с хозяином, подчиненного с начальником, заключенного с охранником и т. п.

Впрочем, есть и другая концептуализация пространства вежливости, где противопоставляется сближение и дистанцирование, и последнее уже предполагает сохранение лица, дистанцию, независимость, личную автономию [Brown, Levinson, 1987; Scollon R., Scollon S., 1983; 2001; Ларина, 2009].

Изучение стратегий вежливости неизбежно приводит к необходимости исследовать и противоположный полюс – стратегии, к которым применимы такие характеристики, как антивежливость, фамильярность, коммуникативное давление, грубость, травля, разжигание конфликта, агрессия (об антивежливости и агрессии см.: [Агрессия..., 2004; Брагина, 2018; Карасик, 2018; Китайгородская, Розанова, 2008; Крысин, 2004; Ларина, 2009; Розина, 2018; Стернин, Шилихина, 2001; Шаронов, Козодаева, 2018; Шатуновский, 2016; Щербинина, 2006]).

Описание стратегий вежливости и антивежливости требует учета множества факторов (параметров коммуникации), таких как, например: возраст собеседников; степень знакомства или родства; дружеские, враждебные или нейтральные отношения между ними; положение в социальной иерархии; обстановка общения (неформальное общение, деловая коммуникация, публичное выступление и т. п.); наличие / отсутствие аудитории (помимо адресата). Изменение значений этих параметров может существенно поменять оценку высказывания с точки зрения вежливости / антивежливости. Например, если человек подчеркнуто вежливо, с использованием официальных этикетных формул обращается к друзьям или близким, это может вызвать недоумение или даже обиду.

Очень важен контекст общения: насмешка, язвительное замечание или даже угроза не всегда равнозначны агрессии – так, если угроза является реакцией на агрессивное поведение, то она может быть правомерной.

Наконец, огромное значение в устной речи играет интонация: безупречно вежливая реплика, сказанная язвительным тоном, может быть обидной и даже оскорбительной. Изменение интонации с дружелюбной на агрессивную порой превращает сдержанный ответ (пусть даже содержащий скрытый упрек), например: [– *Где Иванов?*] – *Ну, откуда я могу это знать?*, в коммуникативную атаку, агрессивный выпад, наносящий собеседнику психологический ущерб (особенно если внести небольшие лексические изменения): [– *Где Иванов?*] – *Я-то откуда знаю?! / А я откуда знаю?! / А что ты у меня-то спрашиваешь?!*

Именно потому, что существует множество тонких градаций, которые не «захватываются» терминами «вежливость – антивежливость / агрессия», мы будем, наряду с этими

более конкретными терминами, использовать более общие термины «кооперативность» / «некооперативность» (в соответствии с пониманием, восходящим к Г.П. Грайсу [1985]), которые вмещают большой диапазон разных степеней вежливости / невежливости / агрессивности.

Материал и методы

В данной работе речь идет о некооперативном речевом поведении. В работе использовался метод аудиофиксации спонтанной устной речи носителей языка, а также корпусный метод. Материалом послужили записи разговорной речи и примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Основное внимание уделялось материалу из основного корпуса (поскольку размещенные там художественные тексты включают имитацию устной речи) и корпуса устной речи.

Результаты и обсуждение

Антивежливость как проявление некооперативности

Некооперативность в широком смысле – это **отказ от сотрудничества**. Сотрудничество (принцип кооперации) предполагает, прежде всего, следование постулатам общения («Говори необходимое; не говори лишнего»; «Не говори того, что считаешь ложным»; «Не отклоняйся от темы»; «Выражайся ясно»). Сам Г.П. Грайс, как известно, не включал принцип «Будь вежлив» в список коммуникативных постулатов, а относил его к «постулатам иной природы» (эстетическим, социальным, моральным) [Грайс, 1985, с. 223]. Однако, как показали дальнейшие исследования стратегий вежливости, эти стратегии имеют фундаментальную связь с принципом кооперации, так как постулаты общения предопределяют те коммуникативные импликатуры, на которых базируется теория косвенных речевых актов. Предлагаемый этой теорией анализ языковых форм (формул) вежливости в значительной мере основан на принципе кооперации, постулатах общения и коммуникативных импликациях [Серль, 1986; Гордон, Лакофф, 1985].

Поэтому есть все основания дополнить принцип кооперации принципом вежливости, а отказ от соблюдения требований вежливости считать некооперативностью (некооперативным речевым поведением).

Мы выбрали именно этот – максимально общий – термин «некооперативность», поскольку он вмещает в себя самые разные варианты намеренного (или ненамеренного) отказа от сотрудничества, в том числе отказа от соблюдения правил вежливости. Если стратегии вежливости обычно связывают с сознательной установкой говорящего, то в случае антивежливости, некооперативности это не обязательно. Вообще говоря, значения всех (или многих) из этих параметров общения в каждом конкретном случае могут быть установлены. Мы ограничимся собственно языковым материалом. Будем исходить из того, что если говорящий уже выбрал некоторую коммуникативную стратегию, конкретное языковое выражение, то с этого момента его высказывание должно оцениваться с точки зрения кооперативности / некооперативности безотносительно к первоначальному намерению автора. Если говорящий не получает отпора, он переходит все новые «красные линии», и его манера общения становится все более грубой или даже агрессивной, при том что у него нет такой цели. Особенно благоприятно для такого понижения стандартов непринужденное бытовое общение или общение с людьми, которые так или иначе зависят от говорящего.

Мы не будем разбирать психологический механизм такого «коммуникативного падения», понижения уровня самоконтроля и кооперативности. В нашу задачу не входит исследование установок говорящих, отношений между ними, условий коммуникации. Вообще говоря, значения всех (или многих) из этих параметров общения в каждом конкретном случае могут быть установлены. Мы ограничимся собственно языковым материалом. Будем исходить из того, что если говорящий уже выбрал некоторую коммуникативную стратегию, конкретное языковое выражение, то с этого момента его высказывание должно оцениваться с точки зрения кооперативности / некооперативности безотносительно к первоначальному намерению автора.

*«Арсенал агрессии»,
или «этикет антивежливости»*

Итак, постулаты речевой кооперации, сформулированные последователями и единомышленниками Г.П. Грайса [Гордон, Лакофф, 1985; Серль, 1986], включают, в частности, требование вежливости.

Кажется, что некооперативное, агрессивное речевое поведение – это просто несоблюдение, нарушение правил вежливости и, шире, правил кооперации. С точки зрения этики это действительно так, но с точки зрения языка все наоборот: в случае некооперативного речевого поведения говорящий – сознательно или неосознанно – выбирает определенную стратегию и определенные языковые средства ее реализации. В этом смысле он тоже действует по правилам, но по другим (подобно тому, как господин Журден говорил прозой, но не догадывался об этом). Он не соблюдает правил вежливости, но, так сказать, соблюдает «правила агрессии».

Правила этикета, в том числе речевого, отражаются в специальных пособиях; речевому этикету нужно обучать (обучаться), владение речевым этикетом – результат сознательного усвоения правил и приобретения навыков.

Существует определенный набор языковых средств (речевых формул, оборотов, моделей), выражающих кооперативное поведение, в котором важное место занимают формулы вежливости, ср.: *Не могли бы вы...; Я бы просил...; Было бы желательно...; Было бы очень любезно с вашей стороны...; Я был бы чрезвычайно признателен, если бы вы...* и т. д.

Однако у агрессии тоже есть свой «арсенал» языковых средств, который тоже состоит из совершенно определенных формул, клише, устойчивых оборотов и синтаксических моделей. Носитель языка (с определенного возраста) владеет этим арсеналом независимо от того, обучал ли его кто-то принципам некооперативного поведения и реализует ли он эти принципы в своей речи.

Носитель языка знает, какие средства входят в арсенал вежливости, а какие – в арсенал антивежливости. Именно поэтому он может выбрать режим общения – кооперативный или некооперативный.

*Кооперативные
и некооперативные стратегии:
сходство до степени смешения*

В кооперативном речевом поведении широко используются косвенные речевые акты – такие высказывания, которые по форме относятся к одному иллокутивному типу, а по функции – к другому. Хрестоматийным примером косвенного речевого акта является побуждение в форме вопроса: *Не могли бы Вы передать мне соль?* (= ‘передайте, пожалуйста, соль’), ср.: [Серль, 1986, с. 201].

Данная форма косвенного речевого акта – вопрос – соответствует стратегии вежливости, так как служит для смягчения побуждения, которое в форме императива звучит слишком категорично и может оказать негативное воздействие на адресата (стратегии смягчения побуждения в английской языковой культуре подробно рассматриваются, например, в [Ларина, 2009, с. 262–307]).

Другой хрестоматийный пример: *Зачем красить твой дом в пурпурный цвет?* [Гордон, Лакофф, 1985, с. 288]. Здесь вопрос скрывает за собой замечание, недоумение и имплицитует, что говорящий считает выбор собеседника неудачным, неадекватным. Однако делать человеку прямое замечание, сомневаться в оптимальности его поведения или решения, выступать с критикой – это невежливо. Вместо этого можно задать вопрос, который выражает завуалированные сомнения в правильности решения или поступка, но не содержит прямого осуждения.

Таким образом, вопрос как форма косвенного речевого акта служит для того, чтобы смягчить негативное воздействие – либо самого жанра (упрек, критика, замечание, порицание), либо грамматической формы (побуждение в форме императива). Принцип смягчения воздействия на адресата реализуется не только в вопросах, но и, например, в замене изъявительного наклонения на сослагательное: *Я прошу – Я бы просил; Я хочу – Я бы хотел; Желательно + инф. – Было бы желательно + инф.* В целом такие стратегии можно охарактеризовать как **имплицитивные**, или косвенные: говорящий использует косвенные высказывания, которые имплицитуют определенную информацию, и адресат должен

вывести эту информацию из исходной вежливой формулы.

Парадокс, с которым мы сталкиваемся при описании некооперативного поведения, состоит в том, что некооперативное (в том числе агрессивное) речевое поведение использует те же самые стратегии, что и кооперативное.

Одна из основных стратегий некооперативного речевого поведения, как и кооперативного, – **имплицативная**: говорящий вместо прямых высказываний использует косвенные.

Кроме того, некооперативное речевое поведение имеет свой набор устойчивых речевых формул (клише). Разумеется, некооперативные высказывания имеют другое лексическое наполнение, специфические показатели (ср.: *Ты что, Р?*) и соответствующую интонацию, однако построены они по тем же языковым моделям, что и формулы вежливости. Одна из важных моделей здесь – вопрос (как форма косвенного побуждения или как риторический вопрос).

Таким образом, одни и те же языковые модели и стратегии используются и как инструмент вежливости, для смягчения воздействия, и как инструмент агрессии – чтобы **усилить отрицательное воздействие** на адресата, увеличить отрицательный эффект от реплики (например, вместо нейтрального *Я не знаю* можно ответить *Откуда я знаю?!*, и это будет нарушением постулата вежливости).

Некооперативное речевое поведение имеет своего рода «этикет» – общепринятые способы выражения недовольства собеседником, способы негативного воздействия на него – не обязательно с целью коррекции его дальнейшего поведения, иногда это просто способ «выплеснуть» свое раздражение, негативные эмоции. «Этикет» здесь, разумеется, надо заключить в кавычки, тем не менее это именно система правил и система языковых средств, которыми в той или иной степени владеют говорящие.

Некооперативное поведение, как и кооперативное, жестко регулируется, и «формулы антивежливости» обычно употребляются в определенных ситуациях: ответ типа *Откуда я знаю?*; *Что ты привязался?*; *Отстань от меня со своими дурацкими вопросами*

и под. обычно встречается в разговоре с ребенком, родственником, близким знакомым, но не в разговоре с начальником / командиром, официальным лицом, представителем силовых органов, незнакомым человеком.

Сразу оговоримся, что у одной и той же формулы могут быть разные степени (уровни) агрессии. Отвечая *Откуда я знаю?!*, человек не всегда намеревается выразить недовольство (но это все равно некооперативный ответ). Однако та же реплика может быть эмоциональной атакой, агрессивным выпадом: *Да что ты привязался?! Откуда я знаю?!*

Уровень агрессии, эмоциональный накал в значительной степени выражается интонацией. Мы, естественно, не имеем возможности фиксировать и анализировать интонацию, поскольку нашим материалом являются письменные тексты. Поэтому далее мы не будем различать степени агрессивности, а будем рассматривать все примеры данного типа как некооперативное поведение.

Мы не располагаем статистикой, но при анализе языкового материала складывается впечатление, что формул вежливого обращения относительно немного, а формул агрессивного – значительно больше.

Например, чтобы вежливо поторопить кого-то, можно сказать:

Ты не мог бы собираться побыстрее?

Нейтральное *Что ты так долго?*, в зависимости от интонации, может быть и вежливым поторапливанием, и упреком.

А чтобы выразить недовольство тем, что человек слишком долго собирается, есть множество разных способов:

Можно побыстрее? / А побыстрее нельзя?

Ты что, заснул?

Что ты возишься / копаешься [как черепаха]?!

Сколько можно тебя ждать?

Да когда же ты соберешься?

Ты хочешь, чтобы мы из-за тебя опоздали?

Вопрос как реакция на высказывание собеседника – не единственная форма некооперативного поведения, могут использоваться и побудительные формы, ср.: **Отстань от меня со своими дурацкими вопросами / предложениями / замечаниями.**

Тем не менее очень большое количество агрессивных формул построено по модели вопроса, как видно даже из приведенных выше примеров. Поэтому следует признать: вопрос как косвенный речевой акт широко используется не только для смягчения побуждения или смягчения критики, но и с противоположной целью – для усиления критики и негативного воздействия на адресата, для выражения недовольства, раздражения:

Как ты разговариваешь с учителем?!
 Ты что, оглох?!
 Что стоишь? / Что встал?
 Тебе какое дело?! / Тебе-то что?!
 Как тебе не стыдно?!
 Тебе что, больше всех надо?!
 А тебя кто спрашивает?!
 Кто тебя просил [делать / говорить Р]?!
 А ты куда смотрел?!
 Сколько можно Р?! / До каких пор ты будешь Р?! / Опять ты Р?!
 Сколько это будет продолжаться?! / Когда это закончится?!

Неужели нельзя было [прийти пораньше / заранее предупредить...]?!

Ты что, с ума сошел / с дуба рухнул?!

Такие примеры можно умножать, чего мы, в силу ограниченности объема статьи, делать не будем, но заметим, что приведенные фразы имеют устойчивый характер, воспроизводятся и в этом смысле относятся к фразеологии – в широком понимании, поскольку во фразеологический фонд языка входят не только идиомы, но и семантически прозрачные устойчивые выражения (И.А. Мельчук называет их прагматемами, ср.: *Курсив мой; По газонам не ходить* и под. [Иорданская, Мельчук, 2007, с. 234–236]), – которые, как и идиомы, обычно являются лингвоспецифичными и различаются от языка к языку (мы сейчас отвлекаемся от вопроса о том, что одна и та же формула может быть не только упреком, но и жалобой, например: *Когда же это кончится?!).*

Импликативные (косвенные) стратегии не случайно так широко распространены как в арсенале вежливости, так и в арсенале агрессии. Языковые модели, используемые в косвенных речевых актах (например, вопросительные или побудительные), сами по себе, независимо от степени их вежливости или аг-

рессивности, сильнее воздействуют на адресата, чем «нейтральные» сообщения: сообщение адресат может проигнорировать, оно обычно не требует ответной реакции. Вопросы (или побуждения), по определению, предполагают реакцию – тем самым они сильнее «задевают» адресата, привлекают его внимание, их труднее проигнорировать.

Требования к коммуникации (реконструкция фрагмента языковой картины мира на основе типов некооперативных / агрессивных реакций)

В работе В.З. Санникова о союзе *но* показано, что высказывания с *но* базируются на общепринятых представлениях о нормальном ходе вещей и позволяют эти представления реконструировать [Санников, 1986]. Например:

Он целый день **ходил** по лесу, **но не нашел** ни одного гриба.

В данном случае союз *но* фиксирует несоответствие ожиданиям, нарушение нормального (с точки зрения человека) хода вещей: если человек потратил время и силы, он ожидает получить какой-то результат, а в реальности имеет место противоположное. Подобные ожидания являются общепринятыми и «защиты» в языковую картину мира, поэтому такие употребления союза *но* кажутся естественными, и замена союза *но* в условиях, когда общепринятые ожидания нарушаются, на другой союз вызывает семантический сбой, ср.: *Был страшный ливень, и он пошел гулять* – поскольку общепринятым ожиданием в такой ситуации будет «остаться дома», но это ожидание нарушено, употребление союза *и* кажется неестественным, в отличие от союза *но*: *Был страшный ливень, но он все равно пошел гулять* (дальнейшие исследования отношений, выражаемых противительными и уступительными союзами см.: [Урысон, 2011; Апресян, 2015]).

Типы некооперативных / агрессивных реакций на реплики собеседника (в том числе в виде устойчивых речевых формул) также могут служить источником для реконструкции важного фрагмента языковой картины мира – ожиданий, которые есть у говорящего по поводу речевого или неречевого поведения других

участников коммуникации; требований, которые предъявляются к собеседнику; общих представлений о правилах коммуникации.

Хотя агрессивные формулы некооперативны, их использование говорящий обычно оправдывает тем, что собеседник нарушает его ожидания, правила общения, и это вызывает негативную ответную реакцию. Парадокс состоит в том, что говорящий, считая, что собеседник нарушил нормы, требования к «правильной» коммуникации, и выражая свое недовольство (а также стремясь скорректировать речевое поведение собеседника), при этом сам нарушает принципы кооперации и постулаты вежливости, то есть пытается достичь благих целей сомнительными методами.

Наряду с вопросительными некооперативными формулами говорящие могут использовать и невопросительные модели, за которыми также стоит отказ от сотрудничества, отказ от использования стратегий вежливости:

(1) – Нет ее, уехала, – **с ехидной улыбочкой** произнесла соседка. У Сазонова упало сердце. – Куда? – **Мне не докладывают.** – Давно? Тетка пожала плечами: **Я ни за кем не слежу**, молодой человек (НКРЯ: Татьяна Моспан. Подиум. 2000);

(2) Позвонила Алине. Соседка **мерзким голосом** ответила: «Их нет дома, **они мне не докладывают**, куда ходят...» – и бросила трубку (НКРЯ: Ольга Новикова. Женский роман. 1993).

Оба типа формул (вопросительный и невопросительный) реализуют имплицативную стратегию: они содержат тот же смысл, что и в нейтральном ответе, но не в явном виде, а в виде имплицации, которую собеседник должен извлечь. В данных примерах собеседник должен вывести смысл ‘не знаю’: ‘они мне не докладывают, куда уходят, поэтому я не знаю’; ‘я ни за кем не слежу, поэтому не знаю, кто где находится’.

Вопросительные реплики тоже содержат импликацию:

Откуда я знаю? ≈ ‘Чтобы знать об X-е Р, нужно иметь источник информации (например, сообщение самого X-а, результат наблюдения и т. п.), у меня нет такого источника информации, поэтому я не знаю’.

Кроме того, такие «реактивные риторические вопросы», как их называл И.Б. Шатуновский, то есть вопросы, которые являются реакцией на неодобряемое действие или выска-

зывание другого человека (ср. *Вы что, не видите, что я занят?*; *Дверь я буду закрывать?*; *Откуда я знаю?*), содержат «заряд осуждения» [Шатуновский, 2016, с. 222].

Иногда некооперативные реплики – вопросительная и невопросительная – образуют своего рода пары (что естественно, так как за экспрессивным вопросом часто скрывается отрицание):

Кто тебя спрашивает?! (А тебя кто спрашивает?) VS Тебя никто не спрашивает

Кто тебя просил?! VS Тебя никто не просил!

Кто тебе разрешил?! VS Тебе никто не разрешил!

Ср. также:

– Где Маша? – **Я что, за ней слежу? / Я за ней не слежу!**

– Куда пошла Маша? – **Она мне что, докладывает? / Она мне не докладывает!**

Кажется, что вопросительная стратегия требует от собеседника больше усилий, чем невопросительная. На извлечение нужного смысла из невопросительной имплицативной формулы требуется один шаг: *Я не слежу* → ‘поэтому не знаю’; на извлечение смысла из вопросительной формулы требуется два шага: *Я что, слежу?* → ‘я не слежу’ → ‘поэтому не знаю’. Поскольку такая формула требует больших усилий и поскольку вопрос сам по себе является, как уже говорилось, более «сильным» речевым актом, – он обращен к собеседнику и требует немедленной реакции, – то можно предположить, что вопросительная стратегия воздействует сильнее и чаще используется как более эффективное средство воздействия на собеседника.

Далее мы переходим к обзору речевых формул, который покажет, какие представления о требованиях к коммуникантам, обязанностях участников коммуникации, адекватном поведении отражены в этих формулах и, следовательно, в русской языковой картине мира.

Параметры высказывания: требования к собеседнику и поводы для агрессии

Каждый тип речевого акта имеет определенный набор параметров: сообщения мо-

гут быть истинными или ложными; информативными или неинформативными; вопросы могут быть уместными или неуместными; просьбы – обоснованными или необоснованными; кроме того, речевые акты содержат разные типы информации – ассерцию, пресуппозицию, импликацию, исходное предположение вопроса, условия успешности (см.: [Падучева, 1985]), и каждый из этих параметров может служить объектом критики.

Далее мы рассмотрим некоторые параметры речевых и неречевых действий, на которые часто обращены некооперативные (в том числе агрессивные) реакции.

1. Реакция на недостоверные, ошибочные, необоснованные утверждения / умозаключения. Исходя из постулата ‘говори правду’, то есть ‘сообщай достоверную информацию’, говорящий может негативно реагировать на недостоверную информацию – или на такую информацию, которая ему кажется неправдоподобной, ни на чем не основанной, непроверяемой. Часто такой информацией являются не факты, а выводы, умозаключения собеседника. Поэтому реплики данного типа направлены не только на речевой аспект коммуникации, но и на ментальный: собеседник обвиняется в том, что слабо владеет логикой и правилами логического вывода, и потому пришел к неверному умозаключению / предположению:

Что за глупости / ерунда / чушь / бред?!
С чего ты взял?!
Откуда ты это взял / откуда ты взял эту глупость (чушь / ерунду)?!
Откуда ты знаешь?!
Кто тебе сказал? / Кто тебе сказал такую ерунду / чушь / глупость?!

Последняя формула предполагает, что поскольку информация недостоверная, собеседник получил ее из ненадежного источника.

(3) – Ну как, старик, сможешь помочь? – Да ты что, Стас?!.. **С чего ты взял?**.. Нашел целителя... (НКРЯ: Владимир Вещунов. Пережат // Дальний Восток. 2019);

(4) Я посмотрел: оказывается, рубашка у меня была грязная. Что это? — прошептала она. — Улица Лабораториум, да? **Глупости какие**, — громко сказал я. — **С чего ты взяла?** (НКРЯ: Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора. 1963).

Формула *С чего ты взял?* не обязательно эквивалентна опровержению, это может быть вопрос об источнике информации или об основании для умозаключения:

(5) – Неужели ты не понимаешь, что это твой враг! – воскликнула Елена Сергеевна. – **С чего ты взяла?** – удивился Михаил Афанасьевич (НКРЯ: Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // Ковчег. 2015).

Однако эта формула все равно предполагает, что говорящий сомневается в надежности источника (и, скорее всего, не согласен с самим тезисом).

Теоретически вопрос *С чего ты взял?* может подразумевать, что говорящий действительно интересуется ходом мысли собеседника, то есть интересуется, как собеседник пришел к такому выводу:

(6) – Надолго уезжаешь? – **С чего ты взяла?** – **Вещей много берешь**. (НКРЯ: Поляков Ю. М. Любовь в эпоху перемен. 2015).

Чаше это все-таки не прямое утверждение ‘ты ошибаешься’.

Другие формулы того же ряда:

(7) – Но, кажется, нас зовут обедать. – **Откуда ты взял?** Я ничего не слышал (НКРЯ: Фазиль Искандер. На даче // Знамя. 1999).

Эта формула не полностью «законсервировалась», и глагол сохраняет управление:

(8) Вы, – говорит, – посмотрите на свои каракули, в них можно разобраться? **Откуда вы взяли эти цифры?** С потолка? (НКРЯ: Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок. 1975–1977);

(9) – Если б у меня была такая холодная голова, как у вас... – **Откуда вы взяли, что** у меня холодная? (НКРЯ: Александр Солженицын. В круге первом (1968) // Новый Мир. 1990);

(10) **Откуда ты взял, что** она твоя дочь? – зло сказала Фаина Марковна (НКРЯ: Аркадий Мацанов. В следующем году в Одессе! // «Ковчег», 2013).

На примере оборота *Кто тебе / вам сказал?* легко проследить, как обычный нейтральный вопрос постепенно превращается в некооперативную формулу.

Первая фаза – прямой вопрос об источнике информации:

(11) – Мама, – начал я, проклиная себя за дрожь в голосе, – я знаю, что отец оставил завещание... не в нашу пользу... – **Кто тебе сказал?** – не сводя с меня пристального взгляда, спросила мать. – Какая разница – кто! – воскликнул я (НКРЯ: Вера Белоусова. Второй выстрел. 2000).

Вторая фаза – говорящий спрашивает об источнике информации и одновременно выражает удивление и недоверие к этому источнику, так как сама информация кажется сомнительной:

(12) – А на голову не обращайтесь внимания, не имеет отношения, – ответил буфетчик, – на голову плюньте, она здесь ни при чем. Рак печени, прошу остановить. – Да позвольте, **кто вам сказал?** – Верьте ему, – пламенно попросил буфетчик, – уж он знает. Ничего не понимаю, – пожимая плечами и отъезжая с креслом от стола, говорил профессор. **Как же он может знать**, когда вы помрете. **Тем более, что он не врач!** (НКРЯ: Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. 1929–1940).

Указание на недостоверность, ошибочность информации может сопровождаться содержательным комментарием:

(13) – Я даже не компьютеры имею в виду – **народ там более законопослушный.** – **Кто вам это сказал? Все точно так же:** если есть малейшая возможность сэкономить хотя бы полдоллара, каждый бизнесмен это сделает, не моргнув глазом (НКРЯ: Итоги. 13.01.2003).

В зависимости от интонации, у формулы *Кто вам сказал?*, как и у других формул этой группы, широкий прагматический диапазон – от опровержения сообщаемого до скрытой насмешки над интеллектуальной незрелостью собеседника.

Разумеется, арсенал вопросительных реплик-реакций на неправильное предположение не ограничивается приведенными, ср.:

– Может быть, ее украли? – Да кому она нужна?! –

‘пропавшая вещь никому не нужна, поэтому ее не могли украсть’.

Подобные импликации основываются на более общих представлениях о мире и закономерностях поведения людей: ‘обычно крадут такие вещи, которые для кого-то представляют ценность – данная вещь не представляет ценности (никому не нужна) – по-

этому трудно представить, зачем кому-то ее красть’.

2. Реакция на неверную гипотезу собеседника о знаниях говорящего. Если обратиться с вопросом к человеку, который не знает ответа на этот вопрос, это приведет, как минимум, к коммуникативной неудаче – спрашивающий не получит информации. Кроме того, он может получить еще и «порцию агрессии» или более слабое, но тоже некооперативное высказывание:

(14) – Когда убирать-то начнут? – спрашиваю дворника. – **А я откуда знаю?** – удивляется он. – Я за мусор не отвечаю (НКРЯ: Новая газета. 25.09.2018);

(15) – Меня никто и не приглашал. – Вас не пригласили?! – Нет. – Почему? – **Ну а я откуда знаю?** Я вам говорю о факте (НКРЯ: Московский комсомолец. 23.03.2016);

(16) – Что от вас требовали сказать? – **Откуда я знаю.** Они завуалированно спрашивали (НКРЯ: Новая газета. 08.04.2016).

3. Реакция на интеллектуальную незрелость. К перечисленным формулам примыкает другая группа формул, которые уличают адресата в нескритичности, излишней доверчивости, неумении отличать достоверную информацию от недостоверной, от обмана, розыгрыша, шуток, фейка (– *Он сказал Р. – И ты поверил?! / А ты и уши развесил?!*):

(17) – Откуда знаешь? спросила я. – Мне Светка говорила. – Сама? – Конечно. – **А ты поверил? Какой ты наивный, Шурик!** Она ж тебя **разыграла!** (НКРЯ: Екатерина Завершнева. Высотка. 2012).

Формулы *И ты поверил?! / А ты и поверил...* являются более мягким способом опровержения, чем откровенно агрессивные *А ты слушай больше / А ты и уши развесил*, но все равно намекают на недостаточную интеллектуальную зрелость: говорящий ставит себя в более высокую позицию, а собеседника – в позицию «наивного» простака или ребенка, не знающего жизни, не умеющего отличить ложь от правды.

4. Реакция на превышение полномочий / неадекватную самооценку:

1) реакция на неуместный вопрос: собеседник запрашивает информацию, на по-

лучение которой, по мнению говорящего, не имеет права:

– Где ты это взял? – **Тебе-то что?; Тебе какое дело?; А тебе не все равно?**

2) реакция на необоснованную просьбу: собеседник просит о чем-то таком, на что не имеет права, что рассматривается как превышение полномочий и недооценка статуса говорящего:

– Сделай Р. – **А шнурки тебе не погладить?; Может, тебе еще полы помыть?**

3) реакция на неуместный совет, рекомендацию, предложение:

Тебя кто-нибудь спрашивает?! / А тебя кто спрашивает?! / А тебя спрашивают?! / Да кто тебя (его) спрашивает?!

Только тебя не спросили!

Тебя никто не спрашивает!

Не лезь со своими советами!

Без твоих советов обойдемся!

Многие из этих предложений могут быть и реакцией на несанкционированное вмешательство в разговор.

Постулаты «Не спрашивай о том, что тебя не касается»; «Не проси того, на что не имеешь права» отсутствуют в перечне постулатов Грайса. Тем не менее это важные постулаты общения, нарушение которых нередко вызывает раздражение и пресекается агрессивными репликами.

Иногда раздражение вызывает завышенная самооценка собеседника:

– Может, меня назначат руководителем департамента? – А председателем совета директоров ты не хочешь? / А почему не министром? / А может, сразу министром?

– По-моему, за мной следят. – **Да кому ты нужен?! / Да кто ты такой,** чтобы за тобой следить?!

5. Реакция на непонимание или недопонимание простого и очевидного. Говорящий предполагает, что собеседник должен быстро понимать то, что очевидно, что несложно понять; не должен затрудняться делать выводы, которые, по мнению говорящего, «сами напрашиваются»:

Дошло наконец?!

Неужели так трудно понять?!

Ты что, совсем тупой?!

Да что тут непонятного?!

Ну, теперь ты понял?!

6. Реакция на неспособность отличать главное от второстепенного, важное от неважного, на неправильную оценку значимости того или иного события:

Да какое это имеет значение?

Да какая разница?

Ну и что же?

И что с того?

7. Реакция на неправильный анализ ситуации: – **Да что ты выдумал?! / Да что ты придумал?! и др.**

(18) – Видимо, нет, – вздохнул Двинятин, – по крайней мере, для нас с Аствацатуровым. – И как же вы их разбираете? – По алфавиту. – **Чушь какая!** – возмутился Трубинский. – **Кому это нужно?** (НКРЯ: Запись LiveJournal. 2004);

(19) – Простите, гражданочка, – вдруг обратился Василий Степанович к девице, – кот к вам черный не заходил? – **Какой там кот?** – в злобе закричала девица, – осел у нас в филиале сидит, осел! (НКРЯ: Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. 1929–1940).

8. Реакция на неправильную реконструкцию намерений и приоритетов говорящего собеседником:

– Ты что, не поехал на дачу? / Ты поедешь на дачу? – **Да что я там забыл?! / Мне что, больше делать нечего?! / Да что там делать?! / Да на что она мне сдалась?!**

Как видно из последних примеров, говорящие могут требовать от других участников коммуникации не только правильно анализировать текущие события и видеть их скрытые механизмы, но даже правильно предугадывать их желания, намерения и приоритеты (что является, безусловно, завышенным требованием). Тем не менее говорящие этого нередко ожидают от близких друзей и родственников, и неспособность к правильному прогнозу тоже иногда вызывает раздражение и агрессивную реакцию.

9. Реакция на избыточную или неинтересную информацию. Близким к предыдущему является ожидание / требование, чтобы собесед-

ник сообщал только интересную, важную информацию, в получении которой говорящий действительно заинтересован. В противном случае может последовать негативная реакция:

Мне это не интересно / Меня это не интересует / не волнует / Мне все равно / Мне-то что / Не знаю и знать не хочу.

Проявлением вежливости со стороны собеседника было бы выслушать информацию, в идеале добавив реплики вида: *Да что вы говорите?!; Надо же!; Подумать только!; Очень интересно!* – хотя это как будто бы противоречит постулату искренности (впрочем, неискренняя вежливость – вполне типичная ситуация).

Заключение

Как показывают стандартные (хотя и недружественные, некооперативные, а иногда и прямо агрессивные) реакции на разные аспекты речевых актов, говорящие предъявляют к собеседникам в основном вполне разумные требования. В целом это те самые требования речевой кооперации, которые описаны в постулатах Грайса, – с некоторыми расширениями и дополнениями. Раздражение и недовольство, вызванные тем, что собеседник эти требования не соблюдает, в каком-то смысле справедливы и обоснованы. Другое дело, что рассмотренный арсенал речевых формул используется для чрезмерной, излишне раздражительной, недостаточно уважительной реакции на слова собеседника, что, в свою очередь, нарушает фундаментальные принципы коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемого в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина.

The work was supported by the Russian Science Foundation grant 25-18-00222 “Control and Uplift in the Languages of Eurasia”, implemented at the Pushkin State Institute of the Russian Language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агрессия в языке и речи, 2004 / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М. : РГТУ. 281 с.
- Апресян В. Ю., 2015. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М. : Яз. слав. культур. 285 с.
- Брагина Н. Г., 2018. Вежливость как антивежливость: на стыке разных культурных норм и правил // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М. : РОССПЭН. С. 38–44.
- Гордон Д., Лакофф Дж., 1985. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М. : Прогресс. С. 276–302.
- Грайс Г. П., 1985. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М. : Прогресс. С. 217–237.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А., 2007. Смысл и сочетаемость в словаре. М. : Яз. слав. культур. 665 с.
- Карасик В. И., 2018. Вежливость и антивежливость в сетевом дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М. : РОССПЭН. С. 104–114.
- Крысин Л. П., 2004. Можно ли по речи узнать интеллигента? // Общественные науки и современность. № 5. С. 157–164.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., 2008. «Ты, Зин, на грубость нарываешься...» (инвективные стратегии в современном городском общении) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М. : Яз. слав. культур. С. 617–730.
- Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Рук. памятники Древ. Руси. 507 с.
- Падучева Е. В., 1985. Высказывание и его соотношение с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука. 271 с.
- Розина Р. И., 2018. Анатомия хамства // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М. : РОССПЭН. С. 225–233.
- Санников В. З., 1986. Значение союза *но* : Нарушение «нормального» положения вещей // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. № 5. С. 433–444.
- Серль Дж. Р., 1986. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. : Прогресс. С. 195–222.
- Стернин И. А., Шилихина К. М., 2001. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : Истоки. 135 с.
- Урысон Е. В., 2011. Опыт описания семантики союзов : Лингвистические данные о деятельности сознания. М. : Яз. слав. культур. 336 с.
- Шаронов И. А., Козодаева М. А., 2018. Невежливость и «антивежливость»: две мишени речевого этикета // Вежливость и антивежливость

- в языке и коммуникации. М. : РОССПЭН. С. 292–299.
- Шатуновский И. Б., 2016. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М. : Яз. слав. культур. 477 с.
- Щербинина Ю. В., 2006. Вербальная агрессия. М. : КомКнига. 355 с.
- Brown P., Levinson S. D., 1987. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.
- Lakoff R., 1973. The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's // Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago : [s. n.]. P. 292–305.
- Leech G. N., 1983. Principles of Pragmatics. L. ; N. Y. : Longman. 250 p.
- Scollon R., Scollon S., 1983. Face in Inter Ethnic Communication // Language and Communication. L. : Longman. P. 156–188.
- Scollon R., Scollon S., 2001. Intercultural Communication. A Discourse Approach. Oxford : Blackwell Publisher Ltd. xiv, 316 p.
- lingvistike. *Yyp. 16* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16]. Moscow, Progress Publ., pp. 217–237.
- Iordanskaya L.N., Melchuk I.A., 2007. *Smysl i sochetayemost v slovare* [Meaning and Compatibility in the Dictionary]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 665 p.
- Karasik V.I., 2018. Vezhlivost i antivezhlivost v setevom disкурсе [Politeness and Anti-Politeness in Internet Discourse]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 104–114.
- Krysin L.P., 2004. Mozhno li po rechi uznat intelligenta? [Is It Possible to Recognize an Intellectual by His Speech?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], no. 5, pp. 157–164.
- Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N., 2008. «Ty, Zin, na grubost naryvaeshsya...» (invektivnye strategii v sovremennom gorodskom obshhenii) [“You’re Asking for Rudeness, Zina...” (Invective Strategies in Modern Urban Communication)]. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova* [Phonetics and Non-Phonetics. On the 70th Anniversary of Sandro V. Kodzasov]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., pp. 617–730.
- Larina T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguacultural Traditions]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drev. Rusi Publ. 507 p.
- Paducheva E.V., 1985. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost s deystvitelnostyu (Referentsialnye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Utterance and Its Relation to Reality: Referential Aspects of Semantics of Pronouns]. Moscow, Nauka Publ. 271 p.
- Rozina R.I., 2018. Anatomiya khamstva [Anatomy of Boorishness]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 225–233.
- Sannikov V.Z., 1986. Znachenie soyuza no: Narusheniye «normalnogo» polozheniya veshchey [Meaning of the Conjunction But: Violation of the “Normal” State of Affairs]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], no. 5, pp. 433–444.
- Searle J.R., 1986. Kosvennyye rechevye akty [Indirect Speech Acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Yyp. 17* [New in Foreign Linguistics. Iss. 17]. Moscow, Progress Publ., pp. 195–222.

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

REFERENCES

- Sharonov I.A., ed., 2004. *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in Language and Speech]. Moscow, RGGU. 281 p.
- Apresyan V.Yu., 2015. *Ustupitelnost. Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeystviya slozhnykh znacheniy v yazyke* [Concessionality. Mechanisms of Formation and Interaction of Complex Meanings in Language]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 285 p.
- Bragina N.G., 2018. Vezhlivost kak antivezhlivost: na styke raznykh kulturnykh norm i pravil [Politeness as Anti-Politeness: At the Intersection of Different Cultural Norms and Rules]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 38–44.
- Gordon D., Lakoff G., 1985. Postulaty rechevogo obshcheniya [Conversational Postulates]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Yyp. 16* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16]. Moscow, Progress Publ., pp. 276–302.
- Grice H.P., 1985. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Yyp. 16* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16]. Moscow, Progress Publ., pp. 217–237.
- Iordanskaya L.N., Melchuk I.A., 2007. *Smysl i sochetayemost v slovare* [Meaning and Compatibility in the Dictionary]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 665 p.
- Karasik V.I., 2018. Vezhlivost i antivezhlivost v setevom disкурсе [Politeness and Anti-Politeness in Internet Discourse]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 104–114.
- Krysin L.P., 2004. Mozhno li po rechi uznat intelligenta? [Is It Possible to Recognize an Intellectual by His Speech?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], no. 5, pp. 157–164.
- Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N., 2008. «Ty, Zin, na grubost naryvaeshsya...» (invektivnye strategii v sovremennom gorodskom obshhenii) [“You’re Asking for Rudeness, Zina...” (Invective Strategies in Modern Urban Communication)]. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova* [Phonetics and Non-Phonetics. On the 70th Anniversary of Sandro V. Kodzasov]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., pp. 617–730.
- Larina T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguacultural Traditions]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drev. Rusi Publ. 507 p.
- Paducheva E.V., 1985. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost s deystvitelnostyu (Referentsialnye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Utterance and Its Relation to Reality: Referential Aspects of Semantics of Pronouns]. Moscow, Nauka Publ. 271 p.
- Rozina R.I., 2018. Anatomiya khamstva [Anatomy of Boorishness]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 225–233.
- Sannikov V.Z., 1986. Znachenie soyuza no: Narusheniye «normalnogo» polozheniya veshchey [Meaning of the Conjunction But: Violation of the “Normal” State of Affairs]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], no. 5, pp. 433–444.
- Searle J.R., 1986. Kosvennyye rechevye akty [Indirect Speech Acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Yyp. 17* [New in Foreign Linguistics. Iss. 17]. Moscow, Progress Publ., pp. 195–222.

- Sternin I.A., Shilikhina K.M., 2001. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative Aspects of Tolerance]. Voronezh, Istoki Publ. 135 p.
- Uryson E.V., 2011. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov: Lingvisticheskie dannye o deyatelnosti soznaniya* [An Attempt to Describe the Semantics of Conjunctions: Linguistic Data on the Activity of Consciousness]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 336 p.
- Sharonov I.A., Kozodaeva M.A., 2018. Nevezhlivost i «antivezhlivost»: dve misheni rechevogo etiketa [Impoliteness and “Anti-Politeness”: Two Targets of Speech Etiquette]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii*. [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 292-299.
- Shatunovskiy I.B., 2016. *Rechevye deystviya i deystviya mysli v russkom yazyke* [Speech Acts and Acts of Thought in Russian]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 477 p.
- Shcherbinina Yu.V., 2006. *Verbalnaya agressiya* [Verbal Aggression]. Moscow, KomKniga Publ. 355 p.
- Brown P., Levinson S.D., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 345 p.
- Lakoff R., 1973. The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago, s.n., pp. 292-305.
- Leech G.N., 1983. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman. 250 p.
- Scollon R., Scollon S., 1983. Face in Inter Ethnic Communication. *Language and Communication*. London, Longman, pp. 156-188.
- Scollon R., Scollon S., 2001. *Intercultural Communication. A Discourse Approach*. Oxford, Blackwell Publisher Ltd. xiv, 316 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Information About the Author

Galina I. Kustova, Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, galinak03@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

Информация об авторе

Галина Ивановна Кустова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, galinak03@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.9>

UDC 811.161.1'42

LBC 81.411.2-5

Submitted: 31.03.2025

Accepted: 05.06.2025

POLITENESS STRATEGIES IN TEXTBOOKS ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE ¹

Tatyana S. Veselovskaya

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Anna V. Kuptsova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of politeness strategies implemented in the textbooks of Russian as a foreign language. The success of intercultural cooperation largely depends on the participants' skills to apply communicative strategies, which allow them to maintain harmonious relationships and prevent conflicts. The paper aims to describe the distribution of positive and negative politeness techniques in learning dialogues. The undertaken contextual and pragmatic analysis resulted in identification of significant prevalence of positive politeness strategies in learning dialogues. Most frequent are the strategies: "to notice the listeners, pay attention to their interests and needs" and "to use in-group identity markers." Negative politeness strategies are less common in textbooks, with the dominance of "being conventionally indirect," "questioning and hedging," and "apologizing." This kind of distribution is noted to correspond to the peculiarities of Russian communicative behaviour, which implies intimacy and mutual understanding in converse. Special emphasis is placed on the cross-cultural differences: textbooks intended for Chinese learners commonly employ the strategies that intensify group harmony, while the material intended for European learners emphasises negative politeness strategies. It is explained by cultural diversity of the target groups.

Key words: politeness category, politeness strategy, learning dialogue, Russian as a foreign language, communicative behaviour.

Citation. Veselovskaya T.S., Kuptsova A.V. Politeness Strategies in Textbooks on Russian as a Foreign Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 104-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.9>

УДК 811.161.1'42

ББК 81.411.2-5

Дата поступления статьи: 31.03.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В УЧЕБНИКАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ ¹

Татьяна Сергеевна Веселовская

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Анна Владимировна Купцова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегий вежливости, реализованных в учебниках русского языка как иностранного. Успешность межкультурного взаимодействия во многом зависит от умения участников общения применять коммуникативные стратегии, позволяющие избегать потенциально конфликтных ситуаций. Цель статьи – охарактеризовать распределение стратегий негативной и позитивной вежливости в учебных диалогах. В результате их контекстуального и прагматического анализа выявлено, что в учебных диалогах существенно преобладают стратегии позитивной вежливости. К наиболее частотным относятся стратегии «заме-

чать слушающего, уделять внимание его интересам и потребностям» и «использовать маркеры внутригрупповой идентичности». Стратегии негативной вежливости встречаются в учебных материалах значительно реже, доминирующие из них составляют стратегии «использовать конвенциональную косвенность», «спрашивать, смягчать ответы» и «извиняться». Установлено, что такое распределение соответствует особенностям русского коммуникативного поведения, где важны близость и взаимопонимание при общении. Особое внимание уделено кросс-культурным различиям: в учебниках для китайского контингента чаще встречаются стратегии, подчеркивающие групповую гармонию, в то время как в материалах для европейских учащихся больше стратегий негативной вежливости, что связано с разностью культур целевых аудиторий.

Ключевые слова: категория вежливости, стратегия вежливости, учебный диалог, русский язык как иностранный, коммуникативное поведение.

Цитирование. Веселовская Т. С., Купцова А. В. Стратегии вежливости в учебниках по русскому языку как иностранному // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 104–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.9>

Введение

Коммуникация носит стратегический характер [Иссерс, 2017] и основана на выборе оптимальных языковых средств для решения коммуникативных задач. Однако данный выбор может быть затруднен в ситуации межкультурного общения, так как коммуниканты обладают разными наборами стратегий и репертуарами речевых ходов. Одной из важных составляющих коммуникативной подготовки иностранных обучающихся является овладение ими стратегиями и тактиками, свойственными носителям русского языка. В исследованиях показано, что носители с большим терпением относятся к грамматическим ошибкам в речи инофонов, в отличие от нарушений норм коммуникативного поведения, которые воспринимаются как грубость и оскорбление [Uso-Juan, 2007, p. 223]. Коммуникативное поведение связано с осознанием своей принадлежности к той или иной группе социума, поэтому обладает рядом национально-культурных особенностей [Жельвис, 2014; Карасик, 2020; Коммуникативное поведение, 2003; Красных, 2003]. Незнание этих особенностей приводит к тому, что коммуниканты строят высказывания, используя свои собственные стратегии, что становится причиной неверного восприятия собеседниками коммуникативных намерений говорящего и потенциально может приводить к конфликтным ситуациям. Исследование коммуникативных стратегий вежливости в учебных материалах по русскому языку как иностранному вносит большой вклад в решение задачи по обеспечению инофонов набором эффективных речевых инструментов.

Ученые исследуют разные аспекты проявления категории вежливости. Ставятся вопросы о необходимости включения единиц естественной речи в учебные материалы [Вострякова, 2022], анализируется выражение категории вежливости в формулировках заданий на материале учебников по немецкому языку [Закирова, Котюрова, 2016]. В работах показано, что нормы речевого этикета имеют лингвокультурную специфику [Ларина, 2001; 2009; Ларина, Харлова, 2015; Формановская, 2005], одни и те же единицы могут различаться по степени выражаемой ими вежливости (например, использование императивных клише). В настоящей работе в качестве теоретической рамки используется разработанная П. Браун и С. Левинсоном теория вежливости. Исследователи обосновали выделение «позитивного» и «негативного» лица говорящего в процессе коммуникации и показали, что негативная и позитивная вежливость представляют собой комплекс коммуникативных стратегий, которые используются собеседниками для эффективного достижения целей общения [Brown, Levinson, 1987]. Несмотря на критику, связанную с претензией на универсальность, данная теория успешно применяется к анализу материала на разных языках (западноевропейских и восточных) и является одной из самых разработанных (подробно см.: [Leech, 2007; Leech, Larina, 2014]). В рамках данной теории исследуются общение между учителем и учащимися [Ручкина, 2008; Sülü, 2015], маркеры вежливости в учебниках по английскому языку для делового общения [Alemi, Razzaghi, 2013; Kuzhevskaya, 2019], стратегии позитивной и негативной вежливости [Sri, 2022], анализиру-

ются диалоги [Шведко, 2022; Meiratnasari, Wijayant, Suparno, 2019] и прагматический компонент [Shooshtari, Bordbar, Banari, 2017] на материале учебников по английскому языку. При этом наблюдается недостаток работ, связанных с исследованием стратегий вежливости в учебных материалах на русском языке.

Цель статьи – охарактеризовать распределение стратегий негативной и позитивной вежливости в учебных диалогах.

Материал и методы

Материалом исследования послужили 417 учебных диалогов. Диалоги были отобраны из 15 учебников и учебных пособий по общему курсу русского языка как иностранного для учащихся из Китая, Италии, Франции, Португалии, Германии, Японии, стран Западной Африки, владеющих русским языком на уровнях А2–В1 в соответствии с общеевропейской классификацией компетенций владения иностранным языком CEFR (см. список источников). Все учебники написаны носителями русского языка или в соавторстве с зарубежными коллегами и изданы в период с 2000 по 2023 год.

Из учебников сплошной выборкой были отобраны все полнотекстовые диалоги. Для удобства анализа диалоги были разделены на две группы в зависимости от лингводидактической функции: речевые образцы (264 диалога) и собственно диалоги (153 диалога). Под речевыми образцами нами понимаются учебные диалоги, выполняющие функцию эталонного примера, необходимые для отработки целевых лексико-грамматических конструкций и интенций. В учебниках обычно предполагается многократное повторение и/или заучивание таких диалогов. В отличие от них собственно диалоги сопровождаются заданиями рецептивного характера на понимание, могут вводить новую тему, выполняют роль речевого инпута, а также служат для развития сюжетной линии.

Распределение стратегий позитивной и негативной вежливости, %

The distribution of positive and negative politeness strategies, %

Тип стратегий	Общее количество	Диалогические образцы	Собственно диалоги
Стратегии позитивной вежливости	83	63	72
Стратегии негативной вежливости	17	37	28

Материал был подвергнут контекстуальному и прагматическому анализу. В качестве основных методов исследования использовались контент-анализ и описательный метод. Была осуществлена экспертная разметка стратегий вежливости. Стратегии позитивной и негативной вежливости выделены в соответствии с классификацией, разработанной П. Браун и С. Левинсоном (перевод названий стратегий с английского языка в нашей статье приводится по работе [Руднева, 2018]).

Результаты и обсуждение

В соответствии с целью исследования каждая стратегия была проанализирована нами изолированно. Однако зачастую в диалогах используется набор взаимосвязанных стратегий, что сближает учебные тексты с реальной коммуникацией. Отобранные диалоги отражают действительность, но имеют ряд существенных отличий от общения в спонтанных ситуациях устного взаимодействия.

Распределение стратегий вежливости в учебных диалогах

В большинстве проанализированных диалогов обнаруживается стремление к гармоничному общению, проявляется нацеленность на кооперацию, смягчение конфронтации, представление дружеского контекста общения. Это согласуется с овладением коммуникативной компетенцией как основной целью обучения иностранному языку. В таблице представлено распределение стратегий позитивной и негативной вежливости в учебных диалогах.

Стратегии позитивной вежливости выражаются в проявлении заинтересованности к собеседнику, гармонизации процесса общения, выстраивании межличностных отношений на принципах взаимоуважения. В проанализированных диалогах стратегии позитивной вежливости более широко представлены и в диа-

логах-образцах (63 %), и в собственно диалогах (72 %). В учебных пособиях зачастую коммуникативный контекст диалогов с главными героями реконструируется через общую сюжетную линию, а контексты взаимоотношений между второстепенными персонажами не комментируются. В таких случаях предполагается, что коммуниканты нацелены на конструктивное общение, стремятся к сохранению социального лица друг друга, не имеют намерения быть невежливыми или агрессивными. При анализе такие случаи были помечены нами по умолчанию как позитивная вежливость.

Стратегии позитивной вежливости

Проведенное исследование показывает, что в учебных диалогах присутствует нацеленность на поддержание дружеских отношений между коммуникантами, а также иерархии «учитель – ученик», поощрение развернутых ответов учащихся, создание безопасной среды для высказываний. Позитивная вежливость способствует вовлечению всех участников и мягкой коррекции поведения. В проанализированных контекстах коммуниканты чаще всего находятся в близких отношениях или их общение имеет тенденцию к сближению. Примеры диалогов с незнакомыми собеседниками демонстрируют их заинтересованность в решении проблемы инициатора общения (например, поиск места, указание верного маршрута, предъявление исчерпывающей информации). Как отмечает Р. Ратмайр, в русской культуре более распространена позитивная вежливость (оказание внимания) по сравнению с западноевропейскими культурами [Ратмайр, 2003, с. 25]. Приведем фрагменты диалогов для иллюстрации каждой стратегии позитивной вежливости.

Стратегия 1 – Замечать слушающего, уделять внимание его интересам и потребностям. В учебных диалогах широко представлены иницирующие реплики, обращенные к собеседнику, демонстрирующие заинтересованность, проявление внимания к его нуждам, приветствие, вопросы для знакомства. Например: *Расскажите, что вы любите делать?*; *Наташа, почему ты грустная?* Значительное количество диалогов, реализующих

данную стратегию, связано с методическими задачами по освоению интенций на уровне А2–В1: установление контакта, знакомство, приветствие, обращение, умение задавать вопрос, благодарить и т. д. Например:

(1) – Оля, **о чем ты читаешь** ^{2?}

– О Красной площади (Русский язык. Китай, с. 14);

(2) Лю Ин: **Хочешь, я покажу тебе** наши семейные фотографии?

Петя: **Конечно**, будет интересно посмотреть.

Лю Ин: **Смотри**, это наша семья. <...> А это мои младшие братья.

Петя: **Как зовут твоих младших братьев?** (Русский язык 3, с. 54).

В примере (1) показан интерес к занятию Оли, в примере (2) представлен разговор двух одноклассников, в котором Петя проявляет интерес к семье Лю Ин, задает уточняющие вопросы.

Стратегия 2 – Преувеличивать (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику). Данная стратегия зачастую представлена в разделах, связанных с отработкой интонационных конструкций: *Какой прекрасный кот!*; *Какой чистый класс!*, а также в работе с лексическим материалом в диалогах-образцах. Так, вопросы личного характера о распорядке дня (преувеличенный интерес) в таком контексте не претендуют на нарушение личных границ: *Саша, когда ты обычно ложишься спать?*; *Наташа, что ты обычно делаешь утром?*; *А как ты обычно завтракаешь?* В диалогах частотно использование интенсификаторов, сопровождающих похвалу или одобрение: *полностью, точно, разумеется*, а также избыточно использование оценочных прилагательных: *Фильм отличный, играют великолепные актеры!* Ученики преувеличивают одобрение, чтобы сделать комплимент учителю: *Нам очень нравятся ваши уроки. На них всегда интересно!* Контекст похвалы учителю в целом достаточно широко представлен в учебниках. В примере (3) показано эмоциональное выражение радости, заинтересованности и похвалы при встрече двух друзей:

(3) Лена: Ой, Катюша! **Какая встреча! Сто лет не виделись!**

Катя: Да, быстро время идет. **Сколько лет твоим малышам? Какие милые!**

Лена: <...> Да, нашей Танюше три года.

Катя: **Ах, какая красавица!** (Раз, два, три, с. 313–314).

Стратегия 3 – Утверждать общую точку зрения, общие знания, сочувствие. Эта стратегия частотно представлена в диалогах, при ее реализации собеседники стремятся показать общность мнений, синхронизироваться в одинаковом отношении к чему-либо: *Я тоже люблю прозу Бунина; Конечно, я хочу посмотреть.* В примере (4) учитель проявляет подчеркнутый интерес к здоровью учащихся, а также желание добиться согласия со своим мнением о взаимовыручке у друзей:

(4) Анна Петровна: **Ах, Лю Ин!** Тебе нельзя было есть мороженое и пить холодную воду вместе. <...> Тебе надо было отдыхать дома и пить лекарство! <...> Да, я думаю, что так и нужно делать. **Надо помогать друзьям** (Русский язык. Китай, с. 189–190).

Стратегия 4 – Использовать маркеры внутригрупповой идентичности. Данная стратегия является одной из самых частотных стратегий, которая представлена широким языковым репертуаром: обращениями по имени (*Саша, Маша, Петя, Гриша*), употреблением имен с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*Танюша, Катюша, Леночка*), местоимения *мы* и глагольных форм 1-го лица мн. числа. С помощью маркеров внутригрупповой идентичности говорящий дает слушателю понять, что включает их обоих в одну группу: *наша новая школа, наш светлый класс, мы с вами, мы с тобой, друзья.* В учебном контексте это создает дружескую и комфортную среду, где каждый ощущает себя частью команды, которая решает общие задачи. Например: *Ребята, познакомьтесь, пожалуйста; Ребята, договорились, приду.* В учебнике «Раз, два, три» в диалоге между коллегами есть приметы разговорного стиля и эллиптические конструкции, которые свидетельствуют о едином коммуникативном стиле коллег: *шеф, ага, окей, черт!*

Стратегия 5 – Искать согласия. Позитивная вежливость также может выражаться через согласие говорящего со слушателем. Основными лингвистическими средствами выражения этой стратегии является повторение и перефразирование того, что сказал со-

беседник. Например: – *Пойдем в кино? – Пойдем!* Однако, несмотря на методический потенциал работы с повторениями, данная стратегия мало представлена в проанализированных диалогах.

Стратегия 6 – Избегать несогласия, использование знаков согласия и псевдосогласия. Данная стратегия часто реализуется в диалогах через конструкцию *Да, но: Да, хорошая идея, но у нас мало времени; – Эта книга неинтересная. – Да, но она полезная.* В примере (5) представлена последовательная реализация данной стратегии:

(5) – Ты ездил к ним в среду?

– **Да, но не в эту**, а в прошлую.

– Я плохо переносу самолет, меня укачивает. А поезд очень удобный.

– **Да, но на самолете быстрее.**

– **Это верно, но знаете, как говорят:** «Тише едешь – дальше будешь» (Русский язык 5, с. 55).

Коммуниканты не согласны друг с другом, но формально используют знаки псевдосогласия, чтобы избежать прямого столкновения мнений. В этом примере также есть апелляция к общим фоновым знаниям в виде русской пословицы (стратегия «предлагать, увеличивать и подтверждать общее между коммуникантами»).

Реализация этой стратегии возможна через прием «белая ложь». Например: – *Вам понравился фильм? – Да, очень...* (хотя на самом деле фильм не понравился). Такие примеры частотны при запросе об оценивании чего-либо (нового дома, техники, предмета мебели). В нескольких диалогах показан шутливый контекст оценивания мужем обновлений жены (новая прическа, новая одежда).

Стратегия 7 – Предполагать, увеличивать и подтверждать общее между коммуникантами.

Эта стратегия широко представлена в диалогах, коммуниканты нацелены на поиск общего, укрепление связей с группой. Общее выстраивается вокруг общего опыта и знаний (*новоселье, дача, получение квартиры, коммунальная квартира*), общие ценности обсуждаются учащимися из разных стран (ценность семьи, дружбы, образования, патриотическое отношение к родной стране, родному городу, бережное отношение к природе).

Подчеркивание общего опыта: *Мы тоже были в Германии, и нам было даже жарко!*; – *Ты тоже учила русский язык?* – *Да, я часто смотрела русские фильмы.* Подтверждение общности: *Мы с тобой оба не любим летать на самолетах.* Общие культурные корни как основа для диалога: – *Ты тоже русский? Мы приехали из Санкт-Петербурга.* В примере (6) есть отсылка к русскому суеверию, которое показывает, что у коммуникантов общие фоновые знания:

(6) Маша: Саша, предположим: что бы ты делал, если бы не сдал экзамен?

Саша: **Тыфу-тыфу-тыфу!** Маша, что это за вопрос?!? <...> Сейчас понятно. Но **я все равно постою по дереву** (Ура 3, с. 154–155).

Стратегия 8 – Шутить. Представленные в диалогах авторитетные фигуры с высоким социальным статусом (учитель, директор, начальник) создают комфортную среду общения с помощью шуток и подробных ответов на вопросы, показывая свое желание помочь и поддержать. В примере (7) учитель использует иронию, чтобы смягчить проверку. В примере (8) сын в разговоре с мамой смягчает общение и уходит от прямого конфликта с помощью шутливого высказывания:

(7) Учитель: Скажи правду, это твоё стихотворение?

Саша: Конечно, это я его написал.

Учитель: **Ах, какое счастье видеть живого Пушкина!** (Русский язык 3, с. 25);

(8) – Сколько можно летать? Ты же не птица!
– **Я не птица, я человек-птица.** Такая у меня работа – все время летать (Раз, два, три, с. 320).

Стратегия 9 – Утверждать или предполагать знание о желаниях собеседника, выразить заботу о них. В разговоре между друзьями о планах Гриша учитывает интересы Саши: *Знаешь, в торговом центре есть большой магазин видеоигр, а ты любишь видеоигры, правда? Ты будешь смотреть новые игры.* В диалогах частотное предугадывание желания, которое воспринимается как забота о собеседнике: – *Ты, наверное, хочешь чай?* – *Да, спасибо!*; – *Тебе холодно? Возьми мой плащ;* – *Я дам тебе учебник, не волнуйся!*

(9) – Олег: **Если не поймешь, поможем. Таня тоже пойдет** (Русский язык для начинающих, с. 131).

В примере (9) Олег демонстрирует заботу о Марио, свою готовность помочь ему в театре, а указание Олега на присутствие Тани также утверждает знание о том, что Марио будет чувствовать себя комфортнее в незнакомой обстановке с друзьями. Помимо этого, в примере реализована стратегия «обещание».

Стратегия 10 – Предлагать, обещать. В диалогах присутствуют обещания друзей, которые они дают друг другу. В проанализированных контекстах это в большей степени связано с формальным поддержанием вежливого и дружеского тона общения, чем с обещанием, которое нельзя нарушить. Например: *Спасибо, Аита! Обязательно позвоню!*; – *Я тебе пришлю рецепт глинтвейна;* – *Приходи, посмотришь.* – *Спасибо. Приду обязательно!* Также в диалогах есть примеры предложений: *Хочешь, я тебе помогу?* В материале представлены и другие способы реализации рассматриваемой стратегии:

(10) Сун Да: Привет, Анна! **Хочешь посмотреть фильм «Зимние цветы»? Я тебя приглашаю.**

Анна: **С удовольствием!** (Русский язык. Китай, с. 114).

В примере (10) представлено дружеское предложение без давления, хотя Сун Да обращается к Анне, используя полную форму имени, что в русской культуре является маркером достаточно формальных отношений.

(11) – А поесть ты взяла? Я сделала прекрасные котлетки.

– Пока, мамуля! **Приеду, съем твои котлетки** (Раз, два, три, с. 320).

Разговор мамы с сыном в примере (11) демонстрирует обещание. Сын заканчивает диалог на позитивной ноте и обещает по приезду съесть котлеты, которые приготовила его мама.

Стратегия 11 – Быть оптимистичным. Данная стратегия реализуется через создание общего позитивного фона общения, что свойственно большинству учебных диалогов. Выражение энтузиазма, предложение помощи, предложение совместной деятельности: *Конечно! И я могу помочь Ли Мину. Все будет*

хорошо! Главное – не нервничать! Уверенность в положительном исходе: Поедем, не пожалеешь!; Не волнуйся! Позанимаемся вместе, и завтра ты получишь «пятерку»!; Все будет хорошо. Поэтому учись и не беспокойся. В примере (12) представлено выражение уверенности, что Анна успеет сделать все необходимое в срок:

(12) Анна: Уже шесть тридцать? А мне еще надо идти домой.

Сун Да: *Успеешь*, у нас еще сорок пять минут (Русский язык. Китай, с. 114).

Стратегия 12 – Включать коммуникантов в совместную деятельность. Вовлечение в совместную деятельность (*давай, давайте, пойдём, вместе*) подчеркивает заинтересованность не только в общении, но и в активностях, выходящих за пределы коммуникативной ситуации: – *Пойдем, посмотрим! – Пойдем! Отличная идея!; И потом проведем несколько дней на Байкале. Мы втроем в палатке на природе!; Мы вместе пойдём к врачу.*

Стратегия 13 – Приводить (и просить) объяснения действий. Употребление данной стратегии частотно при отказе от приглашения: *К сожалению, я не смогу. Завтра уезжаю в командировку.* В диалогах есть объяснение причины действий, что делает общение более открытым и ясным. Например: – *Почему ты не хочешь в лес? – Мне не нравится, когда холодно; – Зачем тебе три билета? – Чтобы мы все пошли вместе!* Лю Ин объясняет причину своего состояния учительнице: *Я вчера гуляла весь вечер, поэтому сегодня заболела.*

Стратегия 14 – Предполагать или утверждать взаимность. В проанализированных примерах данная стратегия представлена незначительно. Она может быть объединена со стратегией «предлагать, преувеличивать и подтверждать общее между коммуникантами». Взаимный обмен: – *Ты мне можешь, а я тебе потом расскажу о новой работе.* Сун Да подчеркивает взаимную дружбу с Наташей: *Мы всегда помним друг о друге.* Жена подчеркивает взаимность через упоминание общих желаний со своим мужем: *Мы с ним всегда о большой семье мечтали – о пяти, шести детях.*

Стратегия 15 – Делать подарки собеседнику. Эта стратегия предполагает не только материальные подарки, но и подарки в метафорическом смысле, в области человеческих отношений, например выслушать собеседника. В речи такие «подарки» выполняют функцию коммуникативной поддержки. Анна Петровна обещает помочь в обучении, оказывает поддержку и укрепляет мотивацию учащихся: *Ребята, вот на этом уроке мы научимся, как это сказать по-русски.* Эмоциональная поддержка как подарок: *Я тебя выслушаю, рассказывай.* В примере (13) Андрей помогает другу, даже не имея ручки, дает полезную информацию:

(13) – *А ты не знаешь*, у кого есть красная ручка?

– Спроси у Антона. **По-моему**, у него есть (Русский язык. Китай, с. 67).

Вручение материального подарка (открытки) – символический жест дружбы. Сун Да передает открытку Наташе от китайской подруги: *...Ее открытка у меня в руках! Я пришел передать ее тебе!* В диалогах частотны ситуации вручения подарков: – *Вот тебе книга, которую ты хотел; Это вам цветы, Анна Петровна! С Днем учителя!* Это связано с традициями русской культуры, а также подобные коммуникативные ситуации позволяют тренировать употребление имен существительных и прилагательных в дательном падеже в речи.

Таким образом, в учебных диалогах активно используются стратегии позитивной вежливости, особенно «внимание к собеседнику», «создание общности», «демонстрация заботы», «оптимизм и вовлечение». Самыми широко представленными стратегиями являются: «замечать слушающего и уделять внимание его интересам», «использование маркеров внутригрупповой идентичности». Стратегия поддержания внутригрупповой идентичности значима для учебного процесса и включает широкий репертуар разных речевых форм.

Стратегии негативной вежливости

Анализ работ показывает, что стратегии негативной вежливости, которые подчеркивают уважение к автономии собеседника: изви-

нения, косвенные просьбы, вопросы (*Можешь ли ты...?*), – в меньшей степени присутствуют в учебных материалах на русском языке, чем стратегии позитивной вежливости. Напротив, собеседники стремятся к подчеркиванию близости, включению в группу «мы», взаимопониманию и налаживанию близких связей.

Кроме того, в реальной коммуникации на выбор стратегий смягчения влияет социальный статус коммуникантов. В учебных диалогах общение, как правило, строится между учителем и учениками или близкими людьми. Оно в меньшей степени требует маркеров смягчения.

Стратегия 1 – Использовать конвенциональную косвенность. Наиболее частотной стратегией негативной вежливости в проанализированных учебных диалогах является использование конвенциональной косвенности: *Простите, вы не скажете, как проехать к гостинице «Москва»?; Извините, пожалуйста, вы не могли бы поменяться со мной местом?* Просьба формулируется в виде вопроса: *Мама, можно спросить у тебя совета?; Не хотите ли вы провести с нами вместе праздник Луны?* Просьба может быть выражена косвенно: *Простите, у вас есть русско-итальянский словарь?; Андрей, скажи, пожалуйста, у тебя есть красная ручка?*

В проанализированных диалогах обычно ситуация отказа на просьбу имеет лингводидактическую цель (например, работа с интенцией отказа) или сопровождается объяснением / предложением другого решения. Данное наблюдение расходится с реальной коммуникативной практикой носителей русского языка, в речи которых вежливый отказ частотен.

Стратегия 2 – Спрашивать, смягчать ответы. Говорящий использует формулы (*кажется, вероятно, возможно, наверно, может быть, по-моему, на мой взгляд*), позволяющие не выражать категоричного мнения: *По-моему, шахматы – это не спорт; Может быть, поедem на метро?; Я думаю, вам нужно встать на учет.* Смягчение ответов показывает вежливость собеседников, а также дает возможность собеседнику ответить отрицательно: *Дед, могу я взять у тебя интервью?; Может быть, купим ей большой подарок?* Однословные ответы присутствуют в диалогах редко. Они

подчеркивают отстраненность и транслируют нежелание собеседника поддерживать общение. В рамках реализации лингводидактической цели использование полного ответа также связано с необходимостью повторения в речи учащихся определенных конструкций. Смягчение прерывания беседы: *Наташа, сейчас моя остановка. Потом поговорим. Я тебе позвоню.* В этом примере присутствует также стратегия обещания продолжения общения. Смягчение критики через отсылку к мнению эксперта в этой области показано в примере (14):

(14) Саша: Маша, а зачем мне стилист? Я уже умею одеваться!

Маша: Саша, не нервничай и слушай внимательно. **Советы профессионала всегда полезны** (Ура 3, с. 72–73).

Смягчение отказа с помощью извинения, а также предложение частичного решения – пример (15).

(15) – Андрей, скажи, пожалуйста, у тебя есть красная ручка?

– Нет, **извини, у меня нет** красной ручки. **У меня есть только** синяя ручка (Русский язык. Китай, с. 67).

Стратегия 3 – Быть пессимистичным. Диалоги, построенные с использованием этой стратегии, в проанализированном учебном материале не представлены.

Стратегия 4 – Преуменьшать неудобство. Данная стратегия представлена маркерами: *ничего, ничего страшного, все в порядке, не переживайте, не беспокойтесь, не стоит.* Коммуниканты могут конвенционально преуменьшать значимость оказанной услуги: *Это мелочь, не стоит благодарности; Это не трудно.*

Стратегия 5 – Выразить почтение. Эта стратегия передается через указание на различия в социальных статусах, обращение по имени-отчеству или полному имени, обращение на Вы: *Очень приятно, Иван Сергеевич; Господин Судзуки, вы очень воспитанный молодой человек; Госпожа Бауэр! Сегодня у вас свободный вечер.* Однако дистанция не увеличивается за счет маркеров вежливости, есть общая тенденция на сближение даже в рамках формальных ситуаций общения. Например, собеседник с более вы-

соким социальным статусом достаточно быстро предлагает перейти на «ты».

Стратегия 6 – Извиняться. Извинение – один из самых типичных способов минимизировать вторжение в автономию собеседника. Например: *Извините, как пройти в Институт Пушкина?*; *Извините, можно видеть Ивана Петровича Галкина?* В диалогах с интенцией извинения представлена причина нарушения договоренностей: *Извини, я все перепутал! Вышел не на той станции.* Есть несколько примеров, в которых указана реальная причина опоздания: *Прости за опоздание. Спала как убитая; Извините за опоздание. Я проспала.* Данные модели демонстрируют направленность русского коммуникативного поведения на открытость и прямоту.

Стратегия 7 – «Обезличивать» себя и собеседника. Частотно представлены контексты, в которых должествование или необходимость действия формулируется в обобщенном виде: *Надо позвонить.* Ли Мин обобщает ситуацию, избегая прямого указания на себя: *Надо помогать друзьям.* Эта стратегия позволяет уйти от обвинения собеседника: *Иногда случаются задержки. Так бывает, что багаж теряется* (вместо *Вы потеряли багаж*).

Стратегия 8 – Формулировать опасный речевой акт как общее правило. Данная стратегия позволяет избежать прямого личного запрета: *запрещено, тут нельзя, все должны, у нас принято, говорят, здесь такие правила.* Например, правила оплаты передаются обезличено: *обязаны оплатить штраф.* Однако таких контекстов в учебных диалогах мало, поскольку они, как правило, выходят за рамки социально-бытового взаимодействия: *Так принято в нашей компании; Обычно в таких случаях оформляют регистрацию.* Указывается объективная причина спешки, нивелируется упрек: *Почта закрывается в семь, поэтому надо спешить.* Данная стратегия может вводить контекст русской культуры: *Как говорят: лучше поздно, чем никогда.* В такой конструкции также присутствует позитивная стратегия, связанная с упоминанием общих фоновых знаний.

Стратегия 9 – Использовать субстантивацию. Диалоги, построенные с ис-

пользованием этой стратегии, в проанализированном учебном материале не представлены.

Стратегия 10 – Формулировать прямо, признавая долг по отношению к собеседнику. Данная стратегия представлена единичными примерами: *Я должен вам помочь – это мой долг; Я обязан вам помочь.*

Таким образом, в диалогах стратегии негативной вежливости представлены фрагментарно. Это в большей степени связано с направленностью учебников на межличностное общение в социально-бытовой сфере, ограниченным количеством ситуаций формального общения и общей тенденцией на сближение коммуникантов в рамках заданных ситуаций общения. Наиболее частотны следующие стратегии негативной вежливости: «использовать конвенциональную косвенность», «спрашивать, смягчать ответы» и «извиняться». Стратегии «быть пессимистичным» и «использовать субстантивацию» не представлены в отобранном материале.

Лингвокультурные особенности стратегий вежливости

В каждой культуре есть правила коммуникативного поведения. Тип культуры влияет на реализацию стратегий вежливости, их последовательность и сочетание друг с другом. В работах показано, что русскому коммуникативному поведению в меньшей степени свойственны негативные стратегии, которые частотны в индивидуалистических (преимущественно западноевропейских) культурах. Тем не менее культуры Южной Европы, в частности Италии и Испании, как правило, проявляют позитивную вежливость, что согласуется с их стремлением к эмоциональной близости и неформальности в общении [Spencer-Oatey, 2008, р. 56]. Исследования азиатских культур показывают направленность китайской коммуникации на внутригрупповую гармонию, а не на защиту личной автономии [Gu, 1990; Mao, 1994].

Проведенный нами анализ учебных материалов для разных целевых аудиторий согласуется с данными, полученными учеными. В учебниках для европейских учащихся было обнаружено значительно больше стратегий негативной вежливости, чем в учебниках для азиатского контингента. В учебниках по русскому языку для китайских учащихся также

присутствовало конвенциональное выражение почтения к китайской культуре (*мы любим нашу великую Родину, наш великий Китай, ваш Китай – прекрасная страна*).

Приведем несколько примеров развернутого анализа учебных диалогов, в которых наблюдается смешение стратегий, а также ярко проявлена культурная специфика.

В примере (16) представлен диалог между двумя друзьями:

(16) Марко: Марио, **ты не хочешь** есть?

Марио: **Ты идешь в буфет?**

Марко: Да.

Марио: **Идем вместе**. Есть я не хочу, я **уже** обедал, **но** я хочу пить (Русский язык для начинающих, с. 103).

Контекст коммуникативной ситуации задан в учебнике с помощью предваряющего текста: *В столовой я часто вижу Марио и Марко. Они обычно обедают и ужинают там. Сейчас они идут в буфет*. В тексте есть указание на локацию, а также на регулярность действия и роли коммуникантов. В диалоге позитивная вежливость передается через несколько стратегий: «замечать слушающего, уделять внимание его интересам и потребностям», «искать согласия», а также «использовать маркеры внутригрупповой идентичности». Негативная стратегия выражена через смягчение иллокутивной силы интенции предложения Марко и стратегию «спрашивать, смягчать ответы». Кроме того, в последней реплике Марио негативная вежливость реализована посредством стратегии «преуменьшать неудобство» (предложение альтернативы). Следует также подчеркнуть, что пример диалога взят из учебника для итальянцев, в культуре которых стратегии позитивной вежливости более частотны.

Анализ диалогов из учебников для китайцев подтверждает указанную выше тенденцию к сохранению групповой гармонии. Стратегии поиска согласия в этих диалогах всегда сопутствует стратегия выражения взаимности. Это может быть проявлено не только на интенциональном уровне, но и вербально.

В примере (17) представлен разговор двух друзей Димы (Д) и Кости (К) об их увлечениях, что соотносится с тематикой раздела:

(17) Д: Привет, **Костя!**

К: Здравствуй, **Дима! Куда это ты так спешишь?**

Д: Я на почту покупать марки – вышла новая серия.

К: **Так ты филателист?** Вот новость. **Значит, у нас с тобой есть общий язык.**

Д: Ты **тоже** марки собираешь?

К: Да, это мое любимое занятие. У меня уже большая коллекция.

Д: **Вот это да!** А я филателист, можно сказать, начинающий. Я коллекционирую марки на тему «самолеты».

К: У меня **как раз есть** лишняя марка на эту тему. Я могу подарить ее тебе.

Д: Спасибо! **Пойдем** сначала на почту, а потом я тебе **покажу** мою **коллекцию** (Русский язык 3, с. 51).

Стратегия позитивной вежливости «замечать слушающего, уделять внимание его интересам и потребностям» занимает главенствующее место в разговоре: каждый из друзей проявляет искренний интерес друг к другу, общение еще больше сближает друзей. Также в диалоге реализованы стратегии «включать коммуникантов в совместную деятельность», «использовать маркеры внутригрупповой идентичности», «быть оптимистичным». Стратегия «предполагать, увеличивать и подтверждать общее между коммуникантами» подчеркивается не только общим увлечением друзей, но и на вербальном уровне использованием таких слов, как *общий язык, тоже, как раз, у нас с тобой*. Взаимность усиливается стратегией «делать подарки собеседнику»: материальный подарок в виде марки от опытного филателиста Кости дополняется метафорическим подарком в виде проявленной заботы по отношению к Диме и его интересам. Позитивный контекст поддерживается выражением доверия со стороны Димы, который хочет показать свою коллекцию более опытному товарищу (стратегия «предлагать, обещать»).

Примеры подчеркнутого, преувеличенного интереса к собеседнику мы встречаем в учебниках для китайской аудитории и в формальном (общение между учителем и учениками на уроке), и в неформальном общении между друзьями. В примере (18) представлено поздравление учеников Лю Ин (ЛИ) и Ян Юн (ЯЮ) своей учительницы Анны Петровны (АП) с праздником:

(18) АП: Здравствуйте, ребята! Начнем наш урок. Сегодня мы... Ой, какие красивые цветы!

ЛИ: Это вам, Анна Петровна! Сегодня День учителя, и мы хотим поздравить вас с этим **прекрасным** праздником!

ЯЮ: **Нам очень нравятся ваши уроки. На них всегда интересно!** Мы хотим вам пожелать здоровья и успехов в работе.

<...>

АП: **Дорогие** ученики, спасибо вам большое! Мне очень приятно (Русский язык. Китай, с. 249–250).

Ситуация поздравления с Днем учителя в русской лингвокультуре представляется формальными поздравлениями и пожеланиями, однако, поскольку речь идет о китайском учебнике, мы наблюдаем не только частотные стратегии позитивной вежливости «замечать слушающего, уделять внимание его интересам и потребностям» и «использовать маркеры внутригрупповой идентичности», но и стратегию «преувеличивать (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику)», которая реализуется в словах учеников в виде преувеличенной оценки занятий с учителем и в словах благодарности учительницы в виде усиления перед обращением. Это не воспринимается как фрагмент естественного общения с позиции русской лингвокультуры.

Аналогичная стратегия демонстрации преувеличенного интереса эксплицируется в диалоге (19). Это ситуация неформального разговора о дружбе между друзьями Наташей (Н) и Петей (П):

(19) П: Наташа, как ты думаешь, настоящая дружба – это важно?

Н: Петя, конечно, очень важно. Настоящий друг **всегда вместе** с тобой, когда тебе весело и когда тебе грустно. Когда вы вместе, вам не скучно и **на сердце весело. Вы всегда помогаете друг другу.**

П: **Как ты правильно сказала, Наташа! Ты хорошая подруга!** (Русский язык. Китай, с. 195).

В диалоге (19) реализована стратегия «использовать маркеры внутригрупповой идентичности» (обращения по имени, использование слов *вместе, дружба, друг, друг другу*). Подчеркнутый интерес Пети выражается в неестественном преувеличении оценки качеств Наташи, которая тоже довольно преувеличенно описывает качества настоящего друга, пользуясь гиперболизированными вы-

ражениями. Кажется, что для неформального общения друзей подобные высказывания не совсем естественны. Однако для китайцев желание подчеркнуть общие цели и поддерживать внутригрупповую гармонию – важнейшие функции общения.

Косвенность накладывает на собеседника обязательства по интерпретации сообщения. В учебных диалогах преимущественно все диалоги представлены прямо и ясно, так как это в большей степени соответствует учебным целям.

В диалоге (20) из учебника для китайцев коммуникативные роли и контекст задаются посредством самопредставления героев в начале диалога: клиент (К) и агент туристической фирмы (А) общаются в ситуации заказа путевки:

(20) А: Добрый день. **Что вас интересует?** Я агент туристической фирмы «Нева».

К: **Я бы хотела купить** у вас тур в Финляндию.

А: **Вас интересует** четырехдневный или пятидневный тур?

К: 4 дня?! **Это так мало!** 5 – тоже. Я бы хотела поехать на неделю. Лучше в конце августа.

А: Есть тур на неделю на 29 августа. Проживание в Хельсинки. **Это вам подходит?** <...>

К: Ну, **аквапарк меня совсем не интересует.** А сколько городов мы посетим?

А: 4.

К: **Так мало?**

А: **Вот подробная программа вашего тура, посмотрите, пожалуйста** (Русский язык 3, с. 72–73).

В репликах агента, согласно его позиции, реализована стратегия позитивной вежливости «замечать слушающего, уделять внимание его интересам и потребностям» и «преувеличивать (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику)»: *Что вас интересует?*; *Это вам подходит?* Однако в диалоге представлена конфликтная ситуация, поэтому клиент показывает свое недовольство, используя категоричные высказывания (*аквапарк меня совсем не интересует*; *Так мало!*). Косвенный отказ без смягчения в конце диалога (*Так мало?*) демонстрирует, что коммуникация не состоялась, агенту не удалось заинтересовать клиента. Прямое предложение агента ознакомиться с программой тура полностью игнорируется клиентом. В этом диалоге представлена коммуникатив-

ная неудача, которая не была успешно преодолена, такие тексты нехарактерны для учебных материалов. Однако при рассмотрении диалога с позиции естественной коммуникации можно заметить ряд несоответствий в использовании маркеров вежливости: обращения, представление, прямые вопросы. Конфликтное поведение смоделировано в учебных целях, оно не является следствием некорректного использования стратегий вежливости коммуникантами.

Использование стратегии негативной вежливости в немецкой культуре выражается интенцией несогласия и косвенным отказом, подкрепленным логическими аргументами, помогая избежать прямого противостояния [Rütz, 1991]. В проанализированных учебниках для немецкоговорящих учащихся стратегии «использовать конвенциональную косвенность» и «спрашивать, смягчать ответы» представлены широко. Например:

(21) Ж: Максим, скоро отпуск. Поедем в деревню?

М: **Мы каждый год туда ездим!** Давай в этот раз поедем на море! Будем купаться, загорать...

Ж: **А как же мама?** Она ведь ждет нас!

М: Пусть твоя мама приедет в этот раз к нам. **Посетит здесь все наши достопримечательности и будет отдыхать у нас с внучкой. Наташка ведь еще маленькая,** и ей еще рано ехать так далеко (Мост 1, с. 116).

В диалоге (21) косвенный отказ Максима (М) на предложение его жены (Ж) сопровождается аргументами (*Мы каждый год туда ездим!*), конструкцией с частицей *пусть*. Дополнительная аргументация отказа вводит пресуппозицию, что теща Максима не видела достопримечательности места, в котором они с семьей живут. Ответ, сформулированный в виде вопроса (*А как же мама?*), также можно трактоваться как косвенный отказ.

Извинение как стратегия негативной вежливости представлена в учебнике для немцев и в диалоге (22), где взаимодействуют Вера Петровна (ВП) и ее приятельница (П):

(22) П: Вера Петровна, здравствуйте! **Извините, что опоздала.**

ВП: **Не волнуйтесь, ничего страшного.**

П: **А у нас электричку отменили. Пришлось ехать на автобусе. Потом по дороге к вам зашла в магазин. Вот торт купила.**

ВП: Спасибо. <...>

П: Так это и есть ваш новый дом... И **участок большой.** Я вокруг дома обошла: **красиво. И в доме все удобства** (Мост 2, с. 69)

В данном диалоге сложно восстановить коммуникативные роли, так как обращение по имени отчеству и на Вы сигнализирует о разном статусе и/или возрасте собеседников. Однако контекст приглашения в новый дом, который предлагается осмотреть, показывает, что П входит в достаточно близкий круг ВП. В диалоге негативная стратегия «извиняться» сопровождается стратегией «преуменьшать неудобство» (*Не волнуйтесь, ничего страшного*), чтобы собеседник не чувствовал дискомфорта. Общение выстраивается в дружелюбном формате благодаря извинению в начале и указанию причины опоздания (*У нас электричку отменили*). Покупка торта хозяйину – это, с одной стороны, часть традиций русского гостеприимства, а с другой стороны, способ реализовать дополнительный смысл нивелирования вины за опоздание (позитивная стратегия «делать подарки собеседнику»). Эти стратегии позволяют поддерживать благоприятный настрой диалога и способствуют реализации стратегии «быть оптимистичным».

Заключение

В учебных пособиях проявляется общая тенденция к преобладанию вежливой коммуникации: направленность на кооперативное общение, ориентация на собеседника, учет его интересов. В учебных диалогах на русском языке значительно шире представлены стратегии позитивной вежливости по сравнению с негативной вежливостью. Это согласуется с лингводидактическими задачами учебного материала и особенностями русского коммуникативного поведения, которому в большей степени свойственны стратегии сближения.

В качестве задач для будущих исследований обозначим два основных направления. Во-первых, анализ набора коммуникативных стратегий и их соотношения в учебниках. Во-вторых, соотнесение реальной коммуникатив-

ной практики носителей русского языка и сконструированного авторского материала. Это имеет очевидную прикладную ценность, так как позволяет инофонам освоить актуальный речевой инструментарий, способствующий значительному сокращению коммуникативных неудач при общении с русскими. Одним из возможных решений этих задач видится использование корпусного подхода при создании учебных материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе», проект № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

The reported study was funded by RSF “Linguistic mechanisms of social interaction: politeness in lexis and discourse”, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

² Здесь и далее в примерах полужирное выделение сделано авторами статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вострякова Н. А., 2022. Речь современной эпохи в учебнике РКИ как условие успешного диалога культур // Вестник Томского государственного университета. № 479. С. 213–225. DOI: 10.17223/15617793/479/22
- Жельвис В. И., 2014. Лингвокультурологический анализ дихотомии «прилично – неприлично» в англоязычных и русской культурах // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. № 4. С. 101–118.
- Закирова А. В., Котюрова И. А., 2016. Выражение категории вежливости в формулировках заданий в учебных пособиях по немецкому языку // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. № 4 (120). С. 93–96.
- Иссерс О. С., 2017. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 8-е, испр. и доп. М. : ЛЕНАНД. 308 с.
- Карасик В. И., 2020. Языковые картины бытия. М. : Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. 468 с.
- Коммуникативное поведение, 2003. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж : Истоки. 172 с.
- Красных В. В., 2003. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис. 375 с.
- Ларина Т. В., 2001. Сопоставление способов реализации реквестивных интенций в английском и русском языках (культурологический аспект) // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков : межвуз. темат. сб. науч. тр. Вып. 3. Омск : Омск. гос. ун-т. С. 60–68.
- Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Рук. памятники Древ. Руси. 507 с.
- Ларина Т. В., Харлова М. Л., 2015. Невежливость и грубость в межличностном общении американцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 13, № 3. С. 34–42.
- Ратмайр Р., 2003. Прагматика извинения : Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. М. : Яз. слав. культуры. 272 с.
- Руднева Е. А., 2018. Стратегии лингвистической вежливости в спонтанном речевом взаимодействии : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 208 с.
- Ручкина Е. М., 2008. Взаимодействие коммуникативных стратегий и стратегий вежливости в аргументативном диалоге // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 236–241.
- Формановская Н. И., 2005. Культура общения и речевой этикет. Изд. 2-е. М. : ИКАР. 250 с.
- Шведко А. Ю., 2022. Принцип вежливости и его реализация в диалогах, представленных в учебнике С.И. Гарагуля «Английский язык для студентов технических колледжей» // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». № 8. С. 27–31.
- Alemi M., Razzaghi S., 2013. Politeness Markers in English for Business Purposes Textbook // International Journal of Research Studies in Language Learning. Vol. 2, № 4. P. 109–123. DOI: 10.5861/ijrsl.2012.191
- Brown P., Levinson S., 1987. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.
- Gu Y., 1990. Politeness Phenomena in Modern Chinese // Journal of Pragmatics. Vol. 14, iss. 2. P. 237–257.
- Kuzhevskaya E. B., 2019. Politeness Strategies in Business English Discourse // Training, Language and Culture. Vol. 3, iss. 4. P. 36–46. DOI: 10.29366/2019tlc.3.4.4
- Leech G. N., 2007. Politeness: Is There an East-West Divide? // Journal of Politeness Research. Vol. 3, № 2. P. 167–206.
- Leech G. N., Larina T., 2014. Politeness: West and East // Russian Journal of Linguistics. № 4. С. 9–34.

- Mao L. R., 1994. Beyond Politeness Theory: 'Face' Revisited and Renewed // *Journal of Pragmatics*. Vol. 21, № 5. P. 451–486.
- Meiratnasari A., Wijayant A., Suparno S., 2019. An Analysis of Politeness Strategies in Indonesian English Textbooks // *ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. Vol. 2, № 4. P. 529–540. DOI: 10.34050/els-jish.v2i4.8393
- Pütz M., 1991. Linguistic Aspects of Face-Saving and Politeness in German // *Multilingua*. Vol. 10, iss. 3. P. 231–252.
- Shooshtari Z. G., Bordbar A., Banari R., 2017. Pragmatic Knowledge and Its Reflection in ESP Textbooks: The Case of Unauthentic Textbooks // *Theory and Practice in Language Studies*. Vol. 7, № 8. P. 701–707. DOI: <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0708.14>
- Spencer-Oatey H., 2008. *Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory*. 2nd ed. L.: Continuum International Publishing Group. 379 p.
- Sri A., 2022. Politeness Strategies Represented in an English Textbook for Senior High School: A Thesis Presented to Department of English Language Education as Partial Fulfilment of Requirements to Obtain the Sarjana Pendidikan Degree in English Language Education. Yogyakarta: [s. n.]. 50 p.
- Sülü A., 2015. Teacher's Politeness in EFL Class // *International Online Journal of Education and Teaching (IOJET)*. Vol. 2, № 4. P. 216–221.
- Uso-Juan E., 2007. The Presentation and Practice of the Communicative Act of Requesting in Textbooks: Focusing on Modifiers // *Intercultural Language Use and Language Learning*. Dordrecht: Springer. P. 223–243. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4020-5639-0_12
- Русский язык для начинающих* – Овсенко Ю. Г. Русский язык для начинающих. М.: Рус. яз.; Рим: Илья пунто Эдиториале, 2002. 458 с.
- Русский язык. Китай* – Литвинова Н. Д., Сапегина И. А. Русский язык. 3. Пекин: Изд-во нар. образования Китая, 2013. 330 с.
- Ура 3* – Ванин М., Заниван Б. Ура! 3. Guarda. Bologna: Zanichelli, 2021. 268 с.
- Акишина А. А., Санэфудзи М. Русские в Японии. Токио: Ток. ин-т рус. яз., 2007. 210 с.
- Асадзума Э., Головина К. Русский минимум. Пекин: Асахи, 2009. 55 с.
- Балде Н., Датта Д., Прокопишин А. К. Диалог А2. Португалия: Coimbra: Grácio Editor, 2019. 200 с.
- Балде Н., Датта Д., Прокопишин А. К. Диалог В1. Португалия: Coimbra: Grácio Editor, 2017. 195 с.
- Ванин М., Заниван Б. Ура! 2. Guarda. Bologna: Zanichelli. 207 с.
- Шаклеин В. М., Дерябина С. А., Микова С. С., Митрофанова И. И., Ндйя М., Рыжова Н. В. Русский язык для учащихся стран Западной Африки (Сенегал, Гамбия, Мали): учеб. пособие. М.: РУДН, 2016. 110 с.
- Tchernychev A. Как? Russe pour bien débuter et tout revoir. 2nd ed. France: Ellipses Édition Marketing S.A., 2021. 315 p.

REFERENCES

- Vostryakova N.A., 2022. Rech sovremennoy epokhi v uchebnike RKI kak uslovie uspehnogo dialoga kultur [Speech of the Modern Era in an RFL Textbook as a Condition for a Successful Dialogue of Cultures]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 479, pp. 213–225. DOI: 10.17223/15617793/479/22
- Zhelvis V.I., 2014. Lingvokulturologicheskiy analiz dikhotomii «prilichno – neprilichno» v angloyazychnykh i russkoy kulturakh [Linguistic and Cultural Analysis of the Dichotomy “decent – indecent” in English and Russian]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, no. 4, pp. 101–118.
- Zakirova A.V., Kotyurova I.A., 2016. Vyrazhenie kategorii vzhlivosti v formulirovках zadaniy v uchebnykh posobiakh po nemeckomu yazyku [Expression Category of Politeness in Given Formulation Tasks in Text Editions in German]. *Vestnik Donbasskoy natsionalnoy akademii stroitelstva i arhitektury* [Proceeding of the Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture], no. 4 (120), pp. 93–96.
- Issers O.S., 2017. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communication Strategies and Tactics of the Russian Language]. Moscow, LENAND Publ. 308 p.

ИСТОЧНИКИ

- Мост 1* – Адлер И., Болгова Л. Мост 1. Штутгарт: Ernst Klett Sprachen, 2018. 232 с.
- Мост 2* – Адлер И., Болгова Л., Трубаева Н. Мост 2. Продвинутый русский язык. Штутгарт: Ernst Klett Sprachen, 2018. 143 с.
- Раз, два, три* – Шибарова А., Ярин А. Раз, два, три! Вып. 2. Milan: Zibido San Giacomo, 2022. 337 с.
- Русский язык 3* – Ши Тецянь, Хуан Мэй. Русский язык (новое издание). III: учеб. для учащихся. Пекин: Изд-во преподавания и изучения иностр. яз., 2009. 296 с.
- Русский язык 5* – Ши Тецянь, Ван Фэнин. Русский язык (новое издание). V: учеб. для учащихся. Пекин: Изд-во преподавания и изучения иностр. яз., 2011. 232 с.

- Karasik V.I., 2020. *Yazykovye kartiny bytiya* [Linguistic Patterns of Being]. Moscow, In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina. 468 p.
- Sternin I.A., ed., 2003. *Kommunikativnoe povedenie. Vyp. 17. Vezhlivost kak kommunikativnaya kategoriya* [Communicative Behavior. Iss. 17. Politeness as a Communicative Category]. Voronezh, Istoki Publ. 172 p.
- Krasnyh V.V., 2003. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mifili realnost? [Our “Own” Among “Strangers”: Myth or Reality?]. Moscow, Gnozis Publ. 375 p.
- Larina T.V., 2001. Sopostavlenie sposobov realizatsii rekvestivnykh intentsiy v angliyskom i russkom yazykakh (kulturologicheskiy aspekt) [Comparison of Ways of Implementing Requestive Intentions in English and Russian (Cultural Aspect)]. *Voprosy issledovaniya i prepodavaniya inostrannykh yazykov: mezhvuz. temat. sb. nauch. tr. Vyp. 3* [Issues of Research and Teaching of Foreign Languages. Interuniversity Thematic Collection of Scientific Works. Iss. 3]. Omsk, Omsk. gos. un-t, pp. 60-68.
- Larina T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguacultural Traditions]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drev. Rusi Publ. 507 p.
- Larina T.V., Kharlova M.L., 2015. Nevezhlivost i grubost v mezhlichnostnom obshchenii amerikantsev [Impoliteness and Politeness in International Interaction of Americans]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and International Communication], vol. 13, no. 3, pp. 34-42.
- Ratmayr R., 2003. *Pragmatika izvineniya: Srovnitelnoe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoy kultury* [Pragmatics of Apology: A Comparative Study Based on the Russian Language and Russian Culture]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 272 p.
- Rudneva E.A., 2018. *Strategii lingvisticheskoy vezhlivosti v spontannom rechevom vzaimodeystvii: dis. ... kand. filol. nauk* [Strategies of Linguistic Politeness in Spontaneous Speech Interaction. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 208 p.
- Ruchkina E.M., 2008. Vzaimodeystvie kommunikativnykh strategiy i strategiy vezhlivosti v argumentativnom dialoge [Interaction of Conversation Strategies and Strategies of Politeness in Argumentative Dialogue]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, iss. 4, pp. 236-241.
- Formanovskaya N.I., 2005. *Kultura obshcheniya i rechevoy etiket* [Communication Culture and Speech Etiquette]. Moscow, IKAR Publ. 250 p.
- Shvedko A.Yu., 2022. Printsip vezhlivosti i ego realizatsiya v dialogakh, predstavlenykh v uchebnike S.I. Garagulya «Angliyskiy yazyk dlya studentov tekhnicheskikh kolledzhey» [The Principle of Politeness and Its Implementation in Dialogues Presented in S.I. Garagul's Textbook English for Students of Technical Colleges]. *Sborniki konferentsiy NIC «Sotsiosfera»* [Collections of Conferences of SIC Sociosphere], no. 8, pp. 27-31.
- Alemi M., Razzaghi S., 2013. Politeness Markers in English for Business Purposes Textbook. *International Journal of Research Studies in Language Learning*, vol. 2, no. 4, pp. 109-123. DOI:10.5861/ijrsl.2012.191
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 345 p.
- Gu Y., 1990. Politeness Phenomena in Modern Chinese. *Journal of Pragmatics*, vol. 14, iss. 2, pp. 237-257.
- Kuzhevskaya E.B., 2019. Politeness Strategies in Business English Discourse. *Training, Language and Culture*, vol. 3, iss. 4, pp. 36-46. DOI: 10.29366/2019tlc.3.4.4
- Leech G.N., 2007. Politeness: Is There an East-West Divide? *Journal of Politeness Research*, vol. 3, no. 2, pp. 167-206.
- Leech G.N., Larina T., 2014. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, no. 4, pp. 9-34.
- Mao L.R., 1994. Beyond Politeness Theory: “Face” Revisited and Renewed. *Journal of Pragmatics*, vol. 21, no. 5, pp. 451-486.
- Meiratnasari A., Wijayant A., Suparno S., 2019. An Analysis of Politeness Strategies in Indonesian English Textbooks. *ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, vol. 2, no. 4, pp. 529-540. DOI:10.34050/els-jish.v2i4.8393
- Pütz M., 1991. Linguistic Aspects of Face-Saving and Politeness in German. *Multilingua*, vol. 10, iss. 3, pp. 231-252.
- Shooshtari Z.G., Bordbar A., Banari R., 2017. Pragmatic Knowledge and Its Reflection in ESP Textbooks: The Case of Unauthentic Textbooks. *Theory and Practice in Language Studies*, vol. 7, no. 8, pp. 701-707. DOI: <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0708.14>
- Spencer-Oatey H., 2008. *Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory*. London, Continuum International Publishing Group. 379 p.

- Sri A., 2022. *Politeness Strategies Represented in an English Textbook for Senior High School: A Thesis Presented to Department of English Language Education as Partial Fulfillment of Requirements to Obtain the Sarjana Pendidikan Degree in English Language Education*. Yogyakarta, s.n. 50 p.
- Sülü A., 2015. Teacher's Politeness in EFL Class. *International Online Journal of Education and Teaching (IOJET)*, vol. 2, no. 4, pp. 216-221.
- Uso-Juan E., 2007. The Presentation and Practice of the Communicative Act of Requesting in Textbooks: Focusing on Modifiers. *Intercultural Language Use and Language Learning*. Dordrecht, Springer, pp. 223-243. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4020-5639-0_12
- Shi Tecyan, Van Fenin. *Russkiy yazyk (novoje izdanie). V: ucheb. dlya uchashchihsya* [Russian Language (New Edition). 5. Textbook for Students]. Beijing, Izd-vo prepodavaniya i izucheniya inostr. yaz., 2011. 232 p.
- Ovsienko Yu.G. *Russkiy yazyk dlya nachinayushchikh* [Russian for Beginners]. Moscow, Rus. yaz. Publ.; Rome, Il' punto Editoriale, 2002. 458 p.
- Litvinova N.D., Sapegina I.A. *Russkiy yazyk. 3* [Russian 3]. Beijing, Izd-vo nar. obrazovaniya Kitaya, 2013. 330 p.
- Vanin M., Zanivan B. *Ura! 3* [Hooray! 3]. Guarda, Bologna, Zanichelli, 2021. 268 p.
- Akishina A.A., Sanefudzi M. *Russkie v Yaponii* [Russians in Japan]. Tokio, Tok. in-t rus. yaz., 2007. 210 p.
- Asadzuma E., Golovina K. *Russkiy minimum* [Russian Minimum]. Beijing, Asahi Publ., 2009. 55 p.
- Balde N., Datta D., Prokopishin A.K. *Dialog A2*. Coimbra, Grácio Editor, 2019. 200 p.
- Balde N., Datta D., Prokopishin A.K. *Dialog B1*. Coimbra, Grácio Editor, 2017. 195 p.
- Vanin M., Zanivan B. *Ura! 2* [Hooray! 2]. Guarda, Bologna, Zanichelli, 207 p.
- Shaklein V.M., Deryabina S.A., Mikova S.S., Mitrofanova I.I., Ndyay M., Ryzhova N.V. *Russkiy yazyk dlya uchashchihsya stran Zapadnoy Afriki (Senegal, Gambiya, Mali): ucheb. posobie* [Russian Language for Students of West African Countries (Senegal, Gambia, Mali). Textbook]. Moscow, RUDN, 2016. 110 p.
- Tchernychev A. *Kak? Russe pour bien débiter et tout revoir* [How? Russian to Start Well and Review Everything]. France, Ellipses Édition Marketing S.A., 2021. 315 p.

SOURCES

- Adler I., Bolgova L. *Most 1* [Bridge 1]. Stuttgart, Ernst Klett Sprachen, 2018. 232 p.
- Adler I., Bolgova L., Trubacheva N. *Most 2. Prodvinityy russkiy yazyk* [Bridge 2. Advanced Russian]. Stuttgart, Ernst Klett Sprachen, 2018. 143 p.
- Shibarova A., Yarin A. *Raz, dva, tri! Vyp. 2* [One, Two, Three! Iss. 2]. Milan, Zibido San Giacomo, 2022. 337 p.
- Shi Tecyan, Huan Mey. *Russkiy yazyk (novoje izdanie). III: ucheb. dlya uchashchihsya* [Russian Language (New Edition). 3. Textbook for Students]. Beijing, Izd-vo prepodavaniya i izucheniya inostr. yaz., 2009. 296 p.

Information About the Authors

Tatyana S. Veselovskaya, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Laboratory of Cognitive and Linguistic Studies, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, veselovskayats@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5163-5650>

Anna V. Kuptsova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Senior Researcher, Laboratory of Research on Speech Communication and the Category of Politeness, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, ania.kovaleva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-2426-4624>

Информация об авторах

Татьяна Сергеевна Веселовская, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, veselovskayats@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5163-5650>

Анна Владимировна Купцова, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории исследований речевой коммуникации и категории вежливости, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, ania.kovaleva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-2426-4624>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.10>

UDC 811.161.1'36

LBC 81.411.2-2

Submitted: 10.02.2025

Accepted: 05.06.2025

GRAMMATICAL ASSIMILATION OF FOREIGN WORDS IN RUSSIAN IN THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURY (BASED ON DOCUMENTS FROM INSTITUTIONS IN SOUTH OF RUSSIA)

Oksana A. Gorban

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article deals with the analysis of morphological properties of foreign language vocabulary used in official records written in the south of Russia in the 18th century and aims to identify ways of its grammatical adaptation. The research material is comprised of the documents issued in the Don Cossacks Army (kept in the State Archive of the Volgograd Region), the Kalmyk Commission of the Board of Foreign Affairs, and the Astrakhan Provincial Chancellery (the National Archive of the Republic of Kalmykia). Words from Western European, Mongolian, and Turkic languages are identified. Most borrowings adapt to Russian morphology by receiving the typical features of masculine-gender nouns with a zero ending or masculine- and feminine-gender nouns with an *-a* ending; units with a final element that is unusual for Russian grammar do not decline. Masculine-gender words ending at the consonant were noted to have no forms of the “second genitive” and “second prepositional” within the variant case forms; in the plural the new *a*-forms dominated, but the old ones also remained. Ambiguous grammatical phenomena are characterized. They indicate a special tendency in its formation or an unestablished norm: nominative case variants (*Ombo – Omba, Dashi – Dasha*) of male names with a final element unusual for the Russian language, the existence of decline forms (*Dashi – Dasheyu*); female names ending with a consonant decline according to the masculine-name with the zero ending declension type.

Key words: Russian language, official language, borrowing, grammatical adaptation, 18th century, south of Russia.

Citation. Gorban O.A. Grammatical Assimilation of Foreign Words in Russian in the First Half of the 18th Century (Based on Documents from Institutions in South of Russia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 120-131. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.10>

УДК 811.161.1'36

ББК 81.411.2-2

Дата поступления статьи: 10.02.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ЮГА РОССИИ)

Оксана Анатольевна Горбань

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Работа посвящена анализу морфологических свойств иноязычной лексики в деловой письменности юга России XVIII в. с целью установить пути ее грамматической адаптации. Источники материала – документы учреждений юга России XVIII в.

ла – документы Войска Донского (Государственный архив Волгоградской области), Калмыцкой комиссии Коллегии иностранных дел, Астраханской губернской канцелярии (Национальный архив Республики Калмыкия). Выделены слова из западноевропейских, монгольских, тюркских языков. Большинство заимствований приспосабливается к русской морфологии, принимая типовые признаки существительных мужского рода с нулевым окончанием или мужского и женского с окончанием *-а(-я)*; единицы с несвойственной русской грамматике финалью не склоняются. Из вариантных падежных форм у слов мужского рода на согласный формы «второго родительного» и «второго предложного» не зафиксированы, во множественном числе преобладают новые *-а*-формы, но отмечены и старые. Охарактеризованы неоднозначные грамматические явления, свидетельствующие о еще не сложившейся норме или об особой тенденции ее формирования: в мужских именах с несвойственной русскому языку финалью обнаружены варианты именительного падежа (*Омбо – Омба, Даши – Даша*), наличие форм словоизменения (*Даши – Дашею*); женские имена на согласный склоняются по типу мужских имен с нулевым окончанием.

Ключевые слова: русский язык, деловой язык, заимствование, грамматическая адаптация, XVIII век, юг России.

Цитирование. Горбань О. А. Грамматическое освоение иноязычных слов в русском языке первой половины XVIII в. (на материале документов учреждений юга России) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 120–131. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.10>

Введение

Как известно, первая половина XVIII в., точнее Петровская эпоха, является переломным этапом в отечественной истории. Это также начальный период становления национального русского литературного языка, когда на основе взаимодействия различных исторически сложившихся традиций речевой культуры – книжной, деловой, разговорной – формируется его новая функциональная парадигма. Названные процессы коснулись не только стилистики, но и лексической, грамматической систем. Как отмечал В.М. Марков, XVIII в. – период наибольшего разнообразия форм, особенно интенсивного проникновения в письменность множества «просторечных» образований [Марков, 2001, с. 156].

Выработка норм литературного языка происходила во взаимодействии с мощной тенденцией пополнения его лексического состава многочисленными заимствованиями, в основном из западноевропейских языков. Это было обусловлено направлениями социального, экономического развития, а также языковой политикой Петра, о которой подробно писал В.М. Живов [Живов, 2017б, с. 945–954].

Вопросы развития словарного состава русского языка в XVIII в. за счет иноязычных влияний не раз становились предметом исследований. Ученые обращались к истории отдельных слов и лексических групп из разных языков, словообразовательных форман-

тов [Мальцева, 1990], способам семантической, стилистической, грамматической адаптации заимствований [Гайнуллина, 2008; Косенко, 2004; Котяева, 2014; Терентьева, 2012], их лексикографическому представлению [Смирнов, 1910]. Тем не менее освоение новой лексики на фоне динамики складывающейся литературной нормы представляло собой сложный процесс, что обуславливает необходимость его дальнейшего изучения с учетом жанрово-стилевой принадлежности текстов, их территориальной отнесенности.

Интенсивное употребление заимствований характерно в первую очередь для законодательных документов рассматриваемого периода, откуда они распространялись в том числе через деловую письменность различных регионов. По словам В.В. Виноградова, новые процессы в русском языке, «приспособление русского языка к западноевропейским понятиям, смешение его с элементами этих языков, предполагаемый переводами кодекс соответствий между смысловой системой русского языка и семантическими формами западноевропейских языков – все это легче всего могло развиваться и выработаться в официально-письменных, публицистических, общественно-деловых, светско-бытовых стилях литературной речи» [Виноградов, 1982, с. 71], и именно «светско-деловой язык решительно выступил в роли средней нормы литературности» [Виноградов, 1982, с. 72]. Нормализация литературного языка в документах XVIII в.

проявлялась, например, в значительной вариативности грамматических форм как результате активного взаимодействия литературного языка с говорами [Марков, 2001, с. 156–157], в конкуренции заимствованной и исконной лексики [Горбань, 2019; Шамшин, 2007] при меняющемся в целом отношении к употреблению иноязычных слов в речи на протяжении XVIII в. [Анциферова, 2014].

Особый интерес представляет региональная деловая письменность, которая отражает как общие, так и специфические явления русского языка (это показано, например, в источниках г. Тобольска [Терентьева, 2012]), тем самым позволяя раскрыть его развитие и функционирование во всей полноте. Обращение к деловым документам, созданным в первой половине XVIII в. в учреждениях юга России, обусловлено спецификой региона, населенного большим количеством разных народов, исторически находившихся в тесных культурных, экономических и иных взаимоотношениях друг с другом и с народами соседних государств. Данные отношения не могли не повлиять на межъязыковые процессы, изучение которых актуально для истории каждого из языков (см., например, работу: [Хараева, 2014]), в том числе русского.

Цель работы – выявить в документах, созданных в первой половине XVIII в. в канцеляриях юга России, иноязычную лексику, известную в русском языке после XVI в., ее морфологические классификационные и словоизменительные свойства как отражение процесса грамматической адаптации.

Материал и методы

Источниками материала являются документы:

1) канцелярий Войска Донского из фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области (ГАВО, ф. 332, оп. 1), 1734–1753 гг.;

2) Калмыцкой комиссии Коллегии иностранных дел, Астраханской губернской канцелярии и др., отложившиеся в фонде «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия (НАРК, ф. 36, оп. 1), в частности переписка В.Н. Татищева в бытность

его астраханским губернатором и состоящим при калмыцких делах, 1742–1743 гг. (далее при ссылке на названные источники указываются только архив, дело и лист / оборот листа).

В некоторых случаях мы обращались для сопоставления к материалу 1700–1800 гг. из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Словаря русского языка XVIII в. (СРЯ XVIII).

Методом сплошной выборки из рассмотренных текстов были извлечены иноязычные слова, зафиксированные русскими историческими словарями в памятниках письменности не ранее XVI в., а также имена собственные, не входившие в русский ономастикон; определялись их родовая морфологическая отнесенность, способность к словоизменению, характер падежных флексий. Привлечение лексики, пришедшей в язык до XVIII в., мотивировано тем, что после стабилизации произношения, написания, лексико-семантической определенности грамматическая адаптация иноязычного слова может занять значительно более длительное время [Косырева, Богословская, Долгенко, 2023] и в рассматриваемый период еще не завершиться.

Результаты и обсуждение

Источники содержат значительное количество иностранных слов из западноевропейских (*генераль*, *майор*, *гарнизон*, *конвой*, *мануфактура*, *репорт*, *промемория*, *контра* и др.), калмыцкого (*калмык*, *зайсанг*, *тайша*, *хошоут* и др.), тюркских (*кайсак*, *сайгак*, *бахча* = *бакча* и др.) языков. Мы говорим не о заимствованиях, а именно об иноязычной лексике, не затрагивая вопрос о степени вхождения единиц в систему языка. Это имена существительные нарицательные, собственные (в первую очередь личные), образованные от них прилагательные, изредка глаголы.

Некоторые из нарицательных существительных, порой в ином графическом и фонетическом облике, знакомы были и ранее, в XVII и даже XVI в. (*генераль*, *майор*, *зайсанг* = *зайсан* и др.), однако, по замечанию П.Я. Черных, в отличие от петровского и более позднего времени, тогда «эти слова еще не стали достоянием **действующего** (выде-

лено нами. – О. Г.) общерусского словаря» [Черных, 2020, с. 238], использовались, как правило, в дипломатическом языке при описании инокультурных реалий. Надо сказать, что отмеченные в текстах заимствования из восточных языков, особенно активные в астраханских источниках, являются преимущественно более ранними (например, часто встречающееся слово *удусь* известно русскому языку уже с XIV в.), тогда как западноевропейские составляют основную часть новых для языка единиц (о семантических группах заимствований разных периодов в документах НАРК см.: [Сусеева, Брысина, Супрун, 2019, с. 134–138]).

Грамматическое (морфологическое) освоение, оформление иностранных слов может быть рассмотрено с точки зрения, во-первых, классификационной (отнесение слова к тому или иному грамматическому роду и, в зависимости от этого и от оформления флексии / финали, к словоизменительному типу) и, во-вторых, словоизменительных особенностей внутри типа склонения в случае наличия в языке вариантных форм. Слова имеют различную частотность; для некоторые представлены почти полной парадигмой словоизменения, но чаще это отдельные формы, которые можно соотнести с общей нормой и предположить их место в системе. При определении формы приходится учитывать особенности графики и орфографии и интерпретировать некоторые написания как отражение фонетических явлений, а не морфологических. Документы разного происхождения содержат разные пласты иноязычной лексики, а также отражают

неодинаковые языковые компетенции и письменные навыки их создателей, связанные с общерусской и местными традициями.

Имена нарицательные

Имена мужского рода. Большинство существительных, оканчивающихся на согласный, оформляются как слова мужского рода с нулевым окончанием и относятся к соответствующему типу склонения. Например, часто употребляющееся *репортъ* реализует типовую парадигму, складывающуюся в этот период в качестве доминирующей¹ (табл. 1).

Аналогично: Р. ед. *гарнизона*, Д. ед. *ордеру*, П. ед. *в ордере* и др.

Как существительное данного типа склонения оформляется слово *кофей* (совр. *кофе*), представленное формой *кофеем* (ср. *конвоем*), что обусловлено влиянием языка-источника, где оно является словом мужского рода:

(1) по окончаній стола вышел в другую светлицу, на прежнее ж свое место села, где подчивана **кофеем** и чаем (НАРК, д. 149, л. 193 об.).

Существительные мужского рода, обозначающие лиц, могут приобретать флексию *-а* и входить в тип склонения на *-а*: *мурза*, *мурзы*, к *мурзе*, *мурзам*.

В соответствии с категорией одушевленности наблюдается омонимия форм В.=И.: *подать мне вашъ репортъ* (ГАВО, д. 8, л. 49 об.), либо В.=Р.: *слушав ... драгуна Андреяна Богданова* (ГАВО, д. 9, л. 35).

Таблица 1. Склонение существительных мужского рода с конечным согласным

Table 1. Declension of masculine nouns with a final consonant

Единственное число				
И.	репортъ	пашпортъ	–	–
Р.	из репорта	без пашпорта	–	от канвоя
Д.	по репорту	по пашпорту	–	канвою
В.	репортъ	пашпортъ	–	–
Т.	репортъмъ	с пашпортом	–	за канвоемъ
П.	при репортѣ	–	–	в канвои
Множественное число				
И.	–	пашпорты	медикаменты	–
Р.	–	без пашпортов	медикаментов	–
Д.	по репортам	–	–	–
Т.	репортами	пашпортами	–	–
П.	при репортах	–	–	–

Особого комментария требует употребление форм, характеризующихся в русском языке рассматриваемого периода вариантными окончаниями. Это, во-первых, варианты Р. и П. ед. (так называемые «родительный первый» и «родительный второй», «предложный первый» и «предложный второй»), а также варианты Р., Д., Т. и П. мн.

Вариантные окончания *-а(-я)* и *-у(-ю)* в Р. ед., *-е* и *-у/-ю* в П. ед. у существительных мужского рода широко представлены в деловых и литературных текстах XVII и XVIII вв. [Еськова, 2008, с. 545–621; Копосов, 2000, с. 28–30; Тарабасова, 1986, с. 62–80]. Во второй половине XVII и в XVIII в. отмечают заметное возрастание числа форм на *-а/-я* в Р. ед. и на *-е* в П. ед., тенденции к закреплению вариантов за определенной лексикой, предложными конструкциями, причем в северно- и южнорусских, московских и других памятниках письменности это происходило по-разному (см. об этом, например: [Копосов, 2000, с. 29–30; Горбань и др., 2022, с. 51–52]). Лексические, словообразовательные, морфологические, стилистические признаки дифференциации вариантов Р. и П. ед. описаны в грамматиках М.В. Ломоносова и А.А. Барсова [Ломоносов, 1755, с. 81–85; Барсов, 1981, с. 117–122, 437–442], что свидетельствует о процессах нормализации.

Данные наблюдения основаны на анализе исконно русской лексики или давних заимствований. Относительно новые иноязычные слова в рассмотренных нами документах во «втором родительном» и «втором предложном» не встретились. Национальный корпус русского языка фиксирует немногочисленные словоформы Р. ед. на *-у* в судебных документах первой половины XVIII в., отдельных документах Петра Первого, Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова и некоторые др.: *морского флоту, репорту не будет, без куражу, для интересу, из транжаменту, штрафу*; но в «Табели о рангах» 1722 г. само слово *ранг* встречается в форме *рангу* несколько раз (НКРЯ). Словоформы П. ед. на *-у* единичны: *на зеленом снурку, в маршу* = «во время похода» (НКРЯ; СРЯ XVIII, с. 74). Это может говорить о том, что новые иностранные слова осваиваются в целом в соответствии с продуктивными моделями слово-

изменения в рамках формирующейся литературной нормы.

Чаше в документах юга России встречаются варианты форм мн. числа: Р. *-ь* и *-ов(-ев)*, Д. *-ом* и *-ам(-ям)*, Т. *-ы(-и)* и *-ами (-ями)*, П. *-ех* и *-ах(-ях)*. Конкуренция названных форм была широко представлена в деловом языке XVII в. [Тарабасова, 1986, с. 97–115]. По сути речь идет об отражении здесь общего для русской грамматики процесса унификации и вытеснения в Д., Т., П. мн. старых флексий новыми *-ам*, *-ами*, *-ах*, а также распространение флексии *-ов* в Р. имен мужского рода с основой на твердый согласный. Как отмечал В.М. Живов, варианты окончаний в XVI в. были нейтральны с точки зрения различения книжного и некнижного регистров, однако в XVII в. обнаружилась явная экспансия новых *-а*-форм в некнижных текстах, а в деловом языке – особенно в Т. падеже [Живов, 2017а, с. 788–801]. Этот процесс касался и иноязычных слов. Так, в сочинениях Г. Котошихина, наряду с преобладающими новыми формами, исследователи отмечают и старые Р. *у рейтар*, Д. *к рейтаром*, *к потентатом*, Т. *с олстры*, П. *в рейтарех*, которые, впрочем, могут быть особенностью дипломатического языка и, вероятно, следствием польского влияния [Щемелинина, 2014, с. 37–38]. Такое варьирование наблюдается и при адаптации в старорусском языке польского выражения *панове / паны рада* [Новак, 2024, с. 330–331].

В XVIII в. наблюдалось «еще более радикальное устранение старых флексий» в книгах, изданных гражданским шрифтом [Живов, 2017б, с. 972]. В грамматиках М.В. Ломоносова и А.А. Барсова формы Д. мн. на *-ом* не указываются; формы Т. на *-ы* у Ломоносова не отмечаются, Барсов пишет о возможности варианта на *-ы* [Барсов, 1981, с. 129]. Соответственно, можно ожидать, что в заимствованиях петровской эпохи должны быть новые окончания, и исследуемые источники подтверждают их преобладание: Р. *без паишпортов*; Д. *по репортам*, *по паишпортам*, *по ордерам*, *по артикулам*; Т. *репортами*, *съ паишпортами*; П. *при репортах* и др. Тем не менее в документах встречаются и архаичные формы, например: Р. *от зайсангов*, *кайсаков*, но и *от калмыкъ*, *кайсакъ*; Д. *зай-*

сангам, но калмыком, кондуктором, материаломъ; В.=Р. кондукторов, но на кайсакъ; Т. с зайсангами, но и с зайсанги, с кондукторы, с калмыки, с офицеры, с материалы, под штрафы. Следует сказать, что написание безударного окончания Д. мн. -ом в «акающих» южнорусских говорах может быть мотивировано и грамматически как усвоенное писцами традиционное окончание, и фонетически как гиперкорректное при произношении -ам.

Среди иноязычных слов представлены двухчастные существительные *генерал майор, генераль адмиралъ, секундъ маэоръ, кабинетъ секретарь, манифактуръ коллегия* и т. п. Все они в рассмотренных документах пишутся раздельно в два слова. Данные лексемы созданы путем сложения, при этом у одних первой частью выступает слово, которое может употребляться и самостоятельно (*генераль, кабинетъ, манифактуръ / мануфактура*), у других такой элемент встречается только в сложных образованиях и, по-видимому, выступает в ряде случаев как префиксоид (*оберъ, ундеръ, вице*). Вопрос касается изменяемости первого компонента.

Если слово может выступать самостоятельно, то в составе сложной единицы оно может склоняться (чаще) или не склоняться: *генерала адмирала, генерала фелдъмаршала, генерала адютанта, генералу порутчику и генерал лейтенанта, генерал мазора*. Например:

(2) о пожаловании **генерала адютанта** Василия Салтыкова в генералы (НАРК, д. 141, л. 1 об.);

(3) его превосходительства г(о)с(по)д(и)на **генерал мазора** Данила Евремовича (ГАВО, д. 9, л. 31).

Однако в случае перестановки компонентов (возможно, ошибочной) они оба склоняются:

(4) От господина **майора генерала** Данилы Евремова (ГАВО, д. 8, л. 24).

В остальных случаях первая часть всегда остается неизменяемой: *ундеръ офицера, ундеръ афицерам; оберъ гофъ меистера, оберъ камисарам* и др.

Имена женского рода представлены падежными формами, характерными для типа склонения на -а (Р. ед. *фрелины*, Т. ед. *камандаю*), причем из европейских заимствований преобладают слова с финалью -ия мягкого варианта склонения (табл. 2).

Конечное -ии в устной речи подвергается стяжению, что отражается часто в написании *промемори* (вм. *промеморши*), *коллеги* (вм. *коллегши*) и т. д.

Имена собственные

В этой группе иноязычных слов можно отметить те же тенденции грамматического освоения слов, что и у нарицательных существительных, однако добавляется еще проблема соотношения форм с именами мужского или женского рода в русском языке и с лексическим значением мужского или женского пола.

Личные имена мужские. Здесь возможны разнообразные финали, о чем свидетельствует, например, перечень в одном предложении татарских имен: *кубанские татары* (скорее всего, это старая собирательная форма. – О. Г.) ... *Бегалей Бяка Умерче Леби Алейчекъ* (НАРК, д. 141, л. 9).

Таблица 2. Склонение существительных женского рода с финалью -ия

Table 2. Declension of feminine nouns with a final -ia

Единственное число				
И.	промемория	коллегия	камисия	–
Р.	промемории(и)	из коллегии	–	–
Д.	–	–	к камисии	по резолюции
В.	промеморию	в коллегию	в камисию	–
Т.	промемориею	–	–	–
П.	при промемории	в коллегии	–	–
Множественное число				
И.	промемории	–	–	–
Д.	по промемориям	–	–	–

Если иностранные имя или фамилия оканчиваются на согласный, они склоняются как существительные мужского рода с нулевым окончанием: *лекаръ Моллохъ, лекаря Моллоха, лекарю Моллоху; Бунчин, Бунчина, Бунчину, Бунчином; Арсланбека, Арасланбеком; сына Асарая, сыну Асарая; от подполковника Шарфа, оберъ гофъ меистера Милниха, графа Андрея Остермана, полковнику Даниле Деувскету (де Боскету), к маіору Дейдеру* и др. Например:

(5) с согласными ей зайсанги **Кусюпомъ** Арлюю Темеръ **Булатомъ** Денжином **Июрюнсаном** (НАРК, д. 141, л. 3 об.).

Форма *Арлюю* в (5), вероятно, соотносится с именами на *-а* (*Арла*), хотя в документах нам другие словоформы не встретились.

Если финаль мужского имени не совпадает с показателями И. ед. мужского рода в русском языке, то имя не склоняется. Например:

(6) от брегадира **Респе** принято пятьдесятъ четьри копейки (ГАВО, д. 9, л. 49 об.);

(7) представил бухаренина **Кензе** и татарина Джуруна (НАРК, д. 141, л. 20 об.).

В (7) можно видеть различие форм Р. ед. склоняемого и несклоняемого имен.

Все это соответствует в основном общерусским тенденциям рассматриваемого периода и современной норме русского языка.

Среди калмыцких и тюркских имен встречаются двухчастные, такие как: *Дондукъ Даши, Карачъ Салтанъ, Дженыбекъ Батырь, Темеръ Булатъ* и т. п. Они всегда оформляются раздельным написанием, однако первый компонент в них не изменяется: *Карачъ Салтана, Карачъ Салтану, от Дженыбекъ Батыря, Лабан Дундуку*.

Особо остановимся на имени наместника калмыцкого ханства *Ду(о)ндукъ Даши*, которое часто встречается в документах Калмыцкой комиссии и представлено всей парадигмой ед. числа. Важно отметить, что второй компонент имеет финаль *-и*, не согласующуюся с грамматикой русского языка, и в именительном падеже слово преимущественно так в текстах и выглядит, однако во всех косвенных падежах оно в астраханских источниках склоняется по типу имен на *-а*: *от Дундукъ Даши, к Дундукъ Даше, на Дундукъ*

Дашу, с Дундукъ Дашею, при Дундукъ Даше; в донских документах это малоупотребительное имя отмечено в Д. как неизменяемое:

(8) грава Алеѳея Петровича Бестужева Рюмина отправленного к наместнику ханства Калмыцкого **Дондукъ Даши** (ГАВО, д. 9, л. 31).

Материалы отражают и редкую форму И. с окончанием *-а*, причем в одном документе встречаем варианты:

(9) и как онъ намѣстникъ **Дондукъ Даша** такъ и прочіе находящіеся въ близости ево владѣльцы зайсанги и ихъ духовные по требованію моему присягу учинили, і в том бес печатей подписались, а **Дондукъ Даши** подписался с приложеніемъ ево печати (НАРК, д. 145, л. 138–138 об.).

Имя калмыцкого хана *Дондук-Омбо* тоже отмечено в форме Р. *Дондукъ Омбы* по типу имен на *-а*. В других документах В.Н. Татищева видим, что он пытался оформить его в именительном падеже как *Дондук-Омба* (НКРЯ), у иных авторов отмечается и *Дундукъ Омбо* (К. Тауберт, НКРЯ).

Личные имена женские. Имена на *-а* получают эту финаль как окончание и входят в соответствующий тип склонения, например: *владелица Солома, владелицы Соломы*.

Если же имя оканчивается на согласный, оно склоняется по типу мужских имен с нулевым окончанием, то есть относится к ним по формальному принципу, без соотнесения с полом лица. В этом плане показательно имя ханши Джан, которое очень часто встречается в астраханских документах и представлено полной парадигмой:

И. ханша Джанъ
Р. ханши Джана, ханши Джанъа
Д. ханше Джану
Т. ханшею Джаном
П. о ханше Джане

Предложный падеж здесь не информативен, так как эти формы у существительных на *-а* и мужского рода с нулевым окончанием совпадают. Зафиксирован случай, когда в тексте в Р. буква *ы* (как в женском роде) исправлена на *а* (как в мужском), что отразило первоначальный, естественный для русского женского имени вариант, соответствующий лексическому значению пола, но исправленный на

тот, который обусловлен формально. Вероятно, та же грамматическая особенность характеризует и единичные формы имен *владельцы Исеня, от ханши Деджита*.

Двухчастные женские имена, встретившиеся в источниках, содержат второй компонент на *-а*, который изменяется по соответствующему типу склонения. Первый компонент, если оканчивается на согласный, не склоняется: *Р. Лабан Нормы*; если имеет финаль *-а*, то склоняется по типу имен женского рода на *-а*: *ханша Дарма Бала, ханши Дармы Балы, к Дарме Бале*.

Указанные расхождения именительного и косвенных падежей, варьирование окончаний, наличие или отсутствие форм словоизменения свидетельствуют о недостаточной неосвоенности некоторых иноязычных имен русской грамматикой.

Имена прилагательные и глаголы

Слова других частей речи являются производными от иноязычных имен существительных (нарицательных и собственных), образуются по активным моделям русского языка, приобретая соответствующие морфологические свойства, и полностью вписываются в грамматическую систему. Например, прилагательные относительные: *И. ед. гарнизонной (полк), шкоцкой «шотландский» (замок)*, где наблюдаем исконно русское (не церковнославянское, закрепившееся в безударном положении как норма) окончание, *Р. ед. драгунского полку, В. ед. в правиньцяльную (канцелярию)* (написание *-ою* отражает редукцию [у] в южнорусских говорах); притяжательные: *из Джаниныхъ (улусов), Дундукъ Дашина (улуса), Чакдоржаповы (дети), у Лабанговой (жены)*; глаголы: *репортовать*.

Выводы

Иноязычные слова в документах первой половины XVIII в. канцелярий юга России по-разному осваиваются грамматикой русского языка.

С одной стороны, происходит приспособление к классификационным и словоизменительным категориям русской морфоло-

гии (род, способность к словоизменению, тип склонения), принимая типовые признаки русских существительных – мужского рода с нулевым окончанием или мужского и женского с окончанием *-а(-я)*; в ряде случаев родовая характеристика слова в языке-источнике обуславливает изменение его исходной формы для приведения в соответствие с русской грамматикой (*кофей*). На фоне складывающихся норм национального литературного языка и широкой вариативности некоторых падежных форм иноязычные слова приобретают иногда и свойственные русской лексике варианты окончаний, в том числе те, которые вытесняются из литературного языка новой нормой. В дательном, творительном и предложном падежах множественного числа имен мужского рода на согласный наряду с существенным преобладанием новых *-а*-форм отмечаются и старые; в единственном числе формы «второго родительного» и «второго предложного» у этих имен не отмечены, тогда как, по данным НКРЯ, в других источниках рассматриваемого периода немногочисленные подобные формы встречаются.

Освоение имен собственных осуществляется сходными способами. Кроме того, единицы с несвойственной русской грамматике финалью (например, мужские личные имена на *-е, -и*) не склоняются. В целом это соответствует общерусским тенденциям.

С другой стороны, встречаются неоднозначные классификационные явления. Для рассматриваемых источников характерно обилие имен из восточных языков. В мужских личных именах при наличии несвойственной русскому языку финали наблюдаются варианты в именительном падеже – с сохранением исходного облика слова и с приспособлением его к правилам русской грамматики (*Омбо – Омба, Даши – Даша*), а также противоречие между формой именительного падежа и способностью склоняться (*Даши – Дашею* и т. д., где финаль начальной формы предполагает неизменяемость имени). В женских именах наблюдается тенденция к формальному включению в тип склонения: имена на *-а* склоняются по типу имен мужского и женского рода на *-а*, тогда как не характерные для русского языка име-

на на согласный – по типу имен мужского рода с нулевым окончанием. Подобные явления могут свидетельствовать о еще не сложившейся норме или об иной, отличной от общерусской, тенденции ее формирования.

Сделанные нами наблюдения не носят исчерпывающий и окончательный характер. Расширение проанализированного материала архивных документов может привести к корректировке этих выводов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ При цитировании источников и указании конкретных словоформ из текстов их графика, орфография, пунктуация сохраняются; адаптация заключается в написании выносных букв в строке, раскрытии титл, отделении предлогов и частиц от связанных с ними словоформ, передаче имен собственных с прописной буквы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анциферова О. Н., 2014. Иноязычная лексика в «Письмовнике» Н.Г. Курганова // Научный диалог. № 9 (33). С. 6–13.
- Барсов А. А., 1981. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М. : Изд-во МГУ. 776 с.
- Виноградов В. В., 1982. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М. : Высш. шк. 529 с.
- Гайнуллина Н. И., 2008. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: проблемы адаптации. Алматы : Қазақ университеті. 295 с.
- Горбань О. А., 2019. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 4. С. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>
- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., Светлов А. В., 2022. Корпус архивных документов Войска Донского: проблемы морфологического анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 6. С. 47–56. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.4>
- Еськова Н. А., 2008. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков : Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М. : Рукоп. памятники Древ. Руси. 960 с.
- Живов В. М., 2017а. История языка русской письменности. В 2 т. Т. 1. М. : Рус. фонд содействия обр. и науке. 816 с.
- Живов В. М., 2017б. История языка русской письменности. В 2 т. Т. 2. М. : Рус. фонд содействия обр. и науке. 480 с. (Сквозная пагинация томов: с. 817–1297).
- Копосов Л. Ф., 2000. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 42 с.
- Косенко Е. И., 2004. Лексико-грамматическое освоение интернациональных терминов в русском языке XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала. 192 с.
- Косырева М. С., Богословская В. Р., Долгенко А. Н., 2023. Критерии освоенности иноязычной лексики // Власть истории – история власти. Т. 9, № 1 (43). С. 68–75.
- Котяева Н. С., 2014. О семантической адаптации иноязычных слов в русском литературном языке второй половины XVIII века (на материале комедий) // Мир русского слова. № 2. С. 25–31.
- Ломоносов М. В., 1755. Российская грамматика. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук. 210 с.
- Мальцева И. М., 1990. Заимствованная лексика интернационального фонда с типизированными формантами в русском языке XVIII века // Развитие словарного состава русского языка XVIII века (вопросы словообразования). Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. С. 58–77.
- Марков В. М., 2001. Проблемы грамматической лексикологии и русский литературный язык XVIII века // Марков В. М. Избранные работы по русскому языку / под ред. проф. Г. А. Николаева. Казань : ДАС. С. 156–163.
- Новак М. О., 2024. «Панове / паны рада» в истории русского языка: состоялась ли грамматическая адаптация? // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 2. С. 325–335. DOI: [10.31912/pvrl-2024.2.19](https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.2.19)
- Смирнов Н. А., 1910. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук. 399 с.
- Сусеева Д. А., Брыкина Е. В., Супрун В. И., 2019. Русский язык XVIII века на окраинах России: переписка В.Н. Татищева с царицынским комендантом и другими лицами (по материалам Национального архива Республики Калмыкия). Волгоград : Фортесс. 196 с.
- Тарабасова Н. И., 1986. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. М. : Наука. 164 с.
- Терентьева Л. К., 2012. Иноязычная лексика и ее адаптация в документах церковного и административного делопроизводства XVIII в.

- г. Тобольска : дис. ... канд. филол. наук. Тобольск. 200 с.
- Хараева А. Т., 2014. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века (на материале официально-деловых писем калмыцких ханов XVIII века и их современников). Элиста : Джангар. 224 с.
- Черных П. Я., 2020. Очерк русской исторической лексикологии : Древнерусский период. М. : ЛИБРОКОМ. 246 с.
- Шамшин И. В., 2007. Иноязычные наименования документов в русской административной лексике XVIII века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». № 1. С. 154–157.
- Щемелинина И. Н., 2014. Славянские единицы в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»: характер и условия их адаптации к русской языковой системе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». № 1. С. 35–39.
- ИСТОЧНИКИ**
- ГАВО – Михайловский станичный атаман // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332. Оп. 1.
- НАРК – Состоящий при Калмыцких делах при астраханском губернаторе // Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 36. Оп. 1.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
- СЛОВАРЬ**
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. СПб. : Наука, 2001. Вып. 12. 252 с.
- REFERENCES**
- Anciferova O.N., 2014. Inoyazychnaya leksika v «Pismovnike» N.G. Kurganova [Foreign Language Vocabulary in the “Pismovnik” by N. G. Kurganov]. *Nauchnyy dialog*, no. 9 (33), pp. 6–13.
- Barsov A.A., 1981. *Rossiyskaya grammatika Antona Alekseevicha Barsova* [Russian Grammar by Anton Barsov]. Moscow, Izd-vo MGU. 776 p.
- Vinogradov V.V., 1982. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 529 p.
- Gaynullina N.I., 2008. *Zaimstvovannaya leksika v Petrovskuyu epokhu: problemy adaptatsii* [Borrowed Vocabulary in the Petrine Era: Problems of Adaptation]. Almaty, Qazaq universiteti Publ. 295 p.
- Gorban O.A., 2019. Donosheniya i raporty donskikh kazakov v seredine XVIII v.: istochnikovedcheskiy analiz [The Donosheniya and Reports of Don Cossacks in the Mid 18th c.: Source Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 4, pp. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Svetlov A.V., 2022. Korpus arkhivnykh dokumentov Voyska Donskogo: problemy morfologicheskogo analiza [Corpus of the Archival Documents of the Don Cossack Army: Problems of Morphological Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 47–56. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.4>
- Eskova N.A., 2008. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar. Poyasnitelnye statyi* [Norms of the Russian Literary Language of the 18th–19th Centuries. Accent. Grammatical Forms. Variants of Words. Dictionary. Explanatory Articles]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drev. Rusi Publ. 960 p.
- Zhivov V.M., 2017. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti. V 2 t. T. 1* [The History of the Russian Writing. In 2 Vol. Vol. 1]. Moscow, Rus. fond sodeystviya obr. i nauke. 816 p.
- Zhivov V.M., 2017. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti. V 2 t. T. 2* [The History of the Russian Writing. In 2 Vol. Vol. 2]. Moscow, Rus. fond sodeystviya obr. i nauke. 480 p. (Main pagination of volumes: pp. 817–1297).
- Koposov L.F., 2000. *Severnorusskaya delovaya pismennost XVII–XVIII vv. (orfografiya, fonetika, morfologiya): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Northern Russian Official Writing of the 17th–18th Centuries (Spelling, Phonetics, Morphology). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 42 p.
- Kosenko E.I., 2004. *Leksiko-grammaticheskoe osvoenie internacionalnykh terminov v russkom yazyke XVIII veka: dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-Grammatical Assimilation of International Terms in the Russian Language of the 18th Century. Cand. philol. sci. diss.]. Makhachkala. 192 p.
- Kosyreva M.S., Bogoslovskaya V.R., Dolgenko A.N., 2023. Kriterii osvoennosti inoyazychnoy leksiki

- [Criteria for Assimilation Foreign Language Vocabulary]. *Vlast istorii – istoriya vlasti* [The Power of History – The History of Power], vol. 9, no. 1 (43), pp. 68-75.
- Kotyaeva N.S., 2014. O semanticheskoy adaptatsii inoyazychnykh slov v russkom literaturnom yazyke vtoroy poloviny XVIII veka (na materiale komediy) [On the Semantic Adaptation of Foreign Words in the Russian Literary Language of 18th Century (Based on the Material of Comedies)]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], no. 2, pp. 25-31.
- Lomonosov M.V., 1755. *Rossiyskaya grammatika* [Russian Grammar]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk. 210 p.
- Maltseva I.M., 1990. Zaimstvovannaya leksika internatsionalnogo fonda s tipizirovannymi formantami v russkom yazyke XVIII veka [Borrowed Vocabulary of the International Foundation with Typed Formants in the Russian Language of the 18th Century]. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo yazyka XVIII veka (voprosy slovoobrazovaniya)* [The Development of the Vocabulary of the Russian Language of the 18th Century (Issues of Word Formation)]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-niye Publ., pp. 58-77.
- Markov V.M., 2001. Problemy grammaticheskoy leksikologii i russkiy literaturnyy yazyk XVIII veka [Problems of Grammatical Lexicology and the Russian Literary Language of the 18th Century]. Markov V. M. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Kazan, «DAS» Publ., pp. 156-163.
- Novak M.O., 2024. «Panove / pany rada» v istorii russkogo yazyka: sostoyalas li grammaticheskaya adaptatsiya? [“Panove / pany rada” in the History of Russian: Was the Grammar Adaptation Successful?]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], no. 2, pp. 325-335. DOI: 10.31912/pvrl-2024.2.19
- Smirnov N.A., 1910. *Zapadnoe vliyanie na russkiy yazyk v Petrovskuyu epokhu* [Western Influence on the Russian Language in the Petrine Era]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk. 399 p.
- Suseeva D.A., Brysina E.V., Suprun V.I., 2019. *Russkiy yazyk XVIII veka na okrainakh Rossii: perepiska V.N. Tatishcheva s tsaritsynskim komendantom i drugimi litsami (po materialam Natsionalnogo arkhiva Respubliki Kalmykiya)* [The Russian Language of the 18th Century on the Outskirts of Russia: V. N. Tatishchev's Correspondence with the Tsaritsyn Commandant and Others (Based on the Materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. Volgograd, Fortress Publ. 196 p.
- Tarabasova N.I., 1986. *Yavleniya variativnosti v yazyke moskovskoy delovoy pismennosti XVII v.* [Phenomena of Variability in the Language of Moscow Official Writing of the 17th Century]. Moscow, Nauka Publ. 164 p.
- Terentyeva L.K., 2012. *Inoyazychnaya leksika i ee adaptatsiya v dokumentakh tserkovnogo i administrativnogo deloproizvodstva XVIII v. g. Tobolska: dis. ... kand. filol. nauk* [Foreign Language Vocabulary and Its Adaptation in Documents of the Church and Administrative Records Management of the 18th Century in Tobolsk. Cand. philol. sci. diss.]. Tobolsk. 200 p.
- Kharaeva A.T., 2014. *Russkie zaimstvovannyye slova v kalmytskom yazyke XVIII veka (na materiale ofitsialno-delovykh pisem kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov)* [Russian Loan Words in the Kalmyk Language of the 18th Century (Based on the Official Letters of the Kalmyk Khans of the 18th Century and Their Contemporaries)]. Elista, Dzhangar Publ. 224 p.
- Chernykh P.Ya., 2020. *Ocherk russkoy istoricheskoy leksikologii: Drevnerusskiy period* [An Essay on Russian Historical Lexicology: The Old Russian Period]. Moscow, LIBROKOM Publ. 246 p.
- Shamshin I.V., 2007. Inoyazychnyye naimenovaniya dokumentov v russkoy administrativnoy leksike XVIII veka [Foreign Language Names of Documents in the Russian Administrative Vocabulary of the 18th Century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Russian Philology], no. 1, pp. 154-157.
- Shchemelinina I.N., 2014. Slavyanskyye edinityy v sochinenii G. Kotoshikhina «O Rossii v tsarstvovanie Aleksey Mikhaylovich»: kharakter i usloviya k ikh adaptatsii k russkoy yazykovoy sisteme [Slavic Units in the G. Kotoshikhin's Work “On Russia in the Reign of Alexey Mikhailovich”: Nature and Conditions of Their Adaptation in the Russian Language System]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Russian Philology], no. 1, pp. 35-39.

SOURCES

- Mikhaylovskiy stanichnyy ataman [Mikhailovsky Stanitsa Ataman]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* [State Archive of Volgograd Region], f. 332, inv. 1.
- Sostoyashchiy pri Kalmytskikh delakh pri astrakhanskom gubernatore [Responsible for the Kalmyk Affairs

Under the Astrakhan Governor]. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1.
Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru>

DICTIONARY

Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the 18th c.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001, iss. 12. 252 p.

Information About the Author

Oksana A. Gorban, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Информация об авторе

Оксана Анатольевна Горбань, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.11>

UDC 81'25
LBC 81.18

Submitted: 07.02.2025
Accepted: 05.06.2025

PRESENTATIONAL DISCOURSE: PROTOTYPICAL CHARACTERISTICS OF TEXTS IN THE LINGUACULTURAL DIMENSION ¹

Vera A. Mityagina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elina Yu. Novikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines presentational discourse as a “superstructural” type of discourse that is influenced by all current trends in the development of modern communicative space. The study explores two widespread yet pragmatically opposing approaches to self-presentation in web space: 1) the presentational content of linguistic universities in Russia, Belarus, and Germany, shaped by similar discourse agents sharing common objectives; 2) the presentational content of two global websites (in English and German) and a local one (in Russian) of the multinational company *Bayer AG*. The aim of the research is to identify prototypical characteristics of presentational texts through a comparative analysis of linguacultural topics and issues. The study of the linguosemiotic space of linguistic universities revealed that the dominant thematic focus of their presentational content is multilingualism as a defining feature of their specialized educational programs, along with references to technical resources, prestige, membership in organizations and research activities. The primary linguistic means in university presentational content include intertextuality, simple syntax, epithets, and first- and second-person pronouns. In contrast, the multilingual self-presentation of transnational corporations is characterized by the obligatory inclusion of thematic dominants across all versions of their official website depending on the linguacultural and sociopragmatic features of each language version. Multilingual presentational discourse demonstrates the signs of deglobalization, where, alongside content equivalence in global versions, transcreation techniques are extensively employed in localized versions to align with the values of the target linguacultural continuum.

Key words: presentational discourse, multilingual website, self-presentation, linguistic pragmatics, university discourse, cross-cultural analysis.

Citation. Mityagina V.A., Novikova E. Yu. Presentational Discourse: Prototypical Characteristics of Texts in the Linguacultural Dimension. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 132-146. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.11>

ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ ДИСКУРС: ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ ¹

Вера Александровна Митягина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Элина Юрьевна Новикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию презентационного дискурса как дискурса «надстроечного» типа, который испытывает на себе влияние всех актуальных тенденций развития современного коммуникативного пространства. В работе рассматриваются два распространенных, но противоположных по ориентированности на аудиторию варианта реализации задач самопрезентации в веб-пространстве: 1) презентационный контент лингвистических вузов России, Беларуси и Германии, который формируется аналогичными агентами дискурса, объединенными общими целями и задачами; 2) презентационный контент двух глобальных сайтов (на английском и немецком языках) и локального (на русском языке) транснациональной компании Bayer AG. Цель исследования заключается в определении прототипических характеристик текстов, составляющих презентационный контент, на основе сопоставительного анализа по сквозным лингвокультурным темам и проблемам. Изучение лингвосомиотического пространства лингвистических вузов показало, что ведущей тематической доминантой их презентационного контента является многоязычие как характеристика профилизации реализуемых образовательных программ, а также указание на техническое оснащение, престиж, членство в организациях и проектах и исследования. К основным языковым презентемам университетского презентационного контента относятся интертекстуальность, простой синтаксис, эпитеты и местоимения первого и второго лица. Многоязычная самопрезентация транснациональной компании отличается облигаторным наличием тематических доминант во всех версиях официального сайта и зависимостью в месте размещения от лингвокультурной и социопрагматической детерминации конкретной языковой версии. В многоязычном презентационном дискурсе отражается деглобализация контента, показателем которой является использование приемов транскреации в локализованной версии сайта, ориентированной на ценности целевого лингвокультурного континуума.

Ключевые слова: презентационный дискурс, многоязычный сайт, самопрезентация, лингвопрагматика, университетский дискурс, кросс-культурный анализ.

Цитирование. Митягина В. А., Новикова Э. Ю. Презентационный дискурс: прототипические характеристики текстов в лингвокультурном измерении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 132–146. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.11>

Введение

Современные лингвистические исследования демонстрируют особый интерес ученых к лингвокультурологическому анализу форм, форматов, стратегий, жанров и коммуникативного потенциала различных дискурсов и дискурсивных практик, их способности к гибридизации и конвергенции. Презентационный дискурс в эпоху продвижения личности, корпорации, продукта, услуги по устным, письменным и сетевым каналам коммуникации выступает важным компонентом любого профессионального, институционального и персональ-

ного дискурсов, обнаруживая богатый материал для формирующегося научного направления маркетинговой лингвистики. Некоторые аспекты анализа презентационного дискурса охарактеризованы в работах А.В. Олянича, который понимает под презентационным дискурсом «“надстроечный” тип дискурса, в рамках которого говорящий транслирует важную для него информацию, им классифицированную и когнитивно освоенную, в коммуникативную разноуровневую среду – как персональную (личностную), так и институционализированную (коллективную, организационную)» [Олянич, 2015, с. 148]. Презентационный по-

тенциал дискурса, по мнению А.В. Олянич, может быть успешно реализован при условии выполнения коммуникантами стратегических задач. Эффективность его коммуникативного воздействия зависит от сформированности презентационных стратегий, которые включают: активное воплощение коммуникативного пространства в структуре коммуникативной среды без изменения ее задач; смысловое изменение коммуникативного пространства, ведущее к изменению структуры среды; расширение и детализацию структуры коммуникационной среды при сохранении коммуникативного пространства [Олянич, 2004]. В многочисленных работах описаны феномены брендинга и коммуникативного продвижения продукта или корпорации (см., например: [Кривоносов, Веренич, 2024]), жанровой пиарологии [Кривоносов, Веренич, 2024; Степанов, Кривоносов, 2024]. М.Е. Букеева обращается к вопросам гибридизации жанровых форм презентационного дискурса, согласно ее трактовке гибридность жанров проявляется как во внешнем оформлении текстов, так и в их содержании. Сочетание вербальных и невербальных элементов (фотографий, схем, рисунков) помогает привлечь внимание аудитории, облегчает восприятие сложной информации и способствует созданию уникальности предлагаемых материалов [Букеева, 2014]. Дискурсивные характеристики презентационного дискурса высшей школы в фокусе инаковости рассмотрены в наших предыдущих работах. К дискурсивным характеристикам интернационального презентационного дискурса относим: актуализацию языка науки, креативный характер коммуникации, стремление к сокращению асимметрии знаний, конструирование авторитетности и ориентацию на письменные формы общения [Митягина, Фадеева, 2022]. Особое место в исследованиях занимает аспект самовыражения и самопрезентации личности и/или института [Погонцева, 2012; Карасик, 2022; Новикова, Ключак, 2023]. В.И. Карасик отмечает, что самовыражение в коммуникации может принимать различные формы, каждая из которых имеет свои особенности и проявляется в зависимости от типа дискурса и целей коммуникантов. Он выделяет три типа самовыражения: 1) произвольное самовыражение, которое на-

блюдается во всех типах дискурса, но наиболее характерно для повседневного общения; 2) намеренное самовыражение, которое связано с созданием и продвижением определенного имиджа, соответствующего психотипам личности и их принадлежности к той или иной организации; 3) завуалированное самовыражение, которое является усложненной формой намеренной самопрезентации и отличается от произвольного и намеренного самовыражения тем, что представляет собой двухплановую коммуникацию, поэтому его можно рассматривать как разновидность манипуляции [Карасик, 2022].

В эпоху многоязычного Интернета презентационный дискурс как никакой другой испытывает «давление» со стороны встроенных браузерных переводческих систем, которые в стремлении обеспечить присутствие и внимание пользователей «навязывают» быстрый автоматизированный перевод. Появление текста на родном для пользователя языке или на английском языке – средстве глобальной коммуникации – далеко не всегда соответствует типу дискурса и целям коммуникантов, а также не может гарантировать обеспечение лингвокультурного содержания в переводе. Какой должна быть эффективная стратегия самопрезентации в многоязычном интернет-пространстве? Представляется логичным сравнить два распространенных, но противоположных по ориентированности на аудиторию варианта реализации задач самопрезентации в веб-пространстве.

Вариант 1. Презентационный контент, размещенный аналогичными агентами дискурса, которые объединены видом, целями и задачами дискурса, и представленный в пространствах разных лингвокультур на государственном языке страны и, как правило, в очень сокращенной глобализованной версии на английском языке. Это в первую очередь сайты университетов, органов власти, государственных медицинских, образовательных учреждений, предприятий транспортной инфраструктуры, партийных и общественных объединений, библиотек и т. п., посещение которых предполагает владение языком страны пребывания как языком официальной коммуникации, преподавания и идентификации себя в заданном коммуникативном пространстве.

Вариант 2. Презентационный контент, размещенный компанией, деятельность которой обусловлена транснациональной активностью и ориентирована на потребителей в разных странах. Языковые версии официального сайта в национальных вариантах представляют собой комбинацию глобального и локального контентов как результата машинного перевода (в отредактированном или браузерном автоматизированном формате).

Цель проведенного исследования заключалась в определении прототипических характеристик текстов, составляющих презентационный контент разных институциональных дискурсов и формирующих «надстроечный» презентационный дискурс, на основе изучения опыта составления и перевода презентационных текстов в коммуникативном пространстве русского, немецкого и английского языков. В статье предпринят сопоставительный анализ контента сайтов с презентационной составляющей по сквозным лингвокультурным темам и проблемам.

Материал и методы

Материал исследования соответствует заявленной комплексной цели и включает значимые для осмысления логики актуальных языковых процессов коммуникативные феномены во всей полноте решаемых ими интеракционных задач.

Богатый презентационный потенциал социокоммуникативного действия демонстрирует **PR-дискурс университета**. Он представляет собой смежный тип общего университетского дискурса, лингвопрагматические и лингвокультурные особенности которого широко исследуются [Максимов, Найден, Серебренникова, 2010; Гордиевский, 2006; Чубарова, 2008; Багиян, Моногарова, 2021; и др.]. PR-дискурс университета выполняет ряд взаимосвязанных функций: диалоговую, социетальную, информативную, воздействующую, просветительскую, презентационную, ориентирующую и организационно-директивную. Эти функции направлены на решение комплексной задачи – формирование, поддержание и удовлетворение интереса к образовательному учреждению и его услугам через презентационные тексты,

распространяемые по различным каналам коммуникации, в первую очередь через официальный веб-сайт вуза.

PR-дискурс университета, как и институциональный университетский дискурс в целом, характеризуется следующими базовыми компонентами: представление о социальной миссии института, специфический язык, нормативная модель типичной событийной и статусно-ролевой коммуникации, система базовых ценностей, основные стратегии, жанры, прецедентные тексты, типичные дискурсивные формулы (фразеологизмы, анекдоты, жесты и т. д.) [Русакова, Русаков, 2008; Карасик, 1999].

Материалом исследования послужили презентационные тексты на национальных языках, размещенные на официальных интернет-страницах российского, белорусского и германского вузов: это Московский государственный лингвистический университет (далее – МГЛУ(р)); Минский государственный лингвистический университет (далее – МГЛУ(б)); Институт переводоведения, языкознания, культурологии Майнцского университета (далее – FTSK).

Богатый исследовательский материал дает также многоязычный презентационный дискурс, представленный на глобальных англоязычном и немецкоязычном и локальном русскоязычном сайтах германской фармацевтической компании Bayer AG, которые предлагают выбор языка и локации: «Воспользуйтесь меню подразделений, чтобы перейти к международному сайту Bayer или найти версии сайта для других стран и языков» (Bayer в России и СНГ | Bayer Russia and CIS, <https://www.bayer.ru/ru/>). Bayer AG основана в 1863 г. и является одной из крупнейших фармацевтических корпораций. В настоящее время в группу Bayer входят 385 консолидированных компаний в 83 странах, поэтому многоязычная коммуникация в Интернете – объективное условие ее устойчивого развития.

У компании два глобальных (на английском и немецком языках) и 109 локальных сайтов, которые можно выбрать; языковая версия контента меняется автоматически в соответствии с локацией. Обратим внимание на важные для осмысления языковой логики интернет-присутствия разных организаций

статистические данные итальянской компании CSA Research (<https://csa-research.com/>). Она проводит масштабные исследования, ориентированные на успешное развитие бизнеса на разных языках и в разных культурах. По состоянию на март 2025 г. имеет место следующая статистическая ситуация:

- 65 % пользователей предпочитают контент на родном языке;
- 67 % пользователей терпимо относятся к контенту на разных языках на веб-сайте;
- 73 % пользователей хотели бы получать обзоры предлагаемых продуктов на родном языке;
- 40 % пользователей не хотят совершать покупки на неродном языке (<https://insights.csa-research.com>).

Можно констатировать, что доверия английскому языку как лингва франка у большинства интернет-пользователей нет, каким бы высоким ни был уровень их языковой компетенции.

Предпринимаемое кросс-культурное лингвокультурологическое исследование презентационного дискурса в двух вариантах его формирования обусловило использование в работе комплексной методики.

Изучение презентационного потенциала университетского дискурса включает в себя несколько этапов и ряд методов: 1) метод сплошной выборки языковых единиц, релевантных для исследования, с целью формирования необходимой эмпирической базы; 2) метод анализа текста как продукта дискурса с использованием дедуктивного и индуктивного подходов для определения стратегических намерений, стратегий и тактик коммуникантов в процессе реализации презентационного потенциала общения; 3) метод исследования знаковой составляющей коммуникации, включающий анализ характеристик вербальных и невербальных знаков, а также их комбинаций в рамках презентационного лингвосомиотического пространства университетского дискурса; 4) метод межкультурного сопоставления языковых и речевых особенностей коммуникации, направленный на выявление видов и типов презентем как единиц презентационного университетского дискурса.

Определение структуры текста и языковых единиц, отражающих прототипические

характеристики и выражающих лингвокультурное содержание в презентационных текстах на глобальных и локальном сайтах компании Bayer AG, выполняется с применением: 1) сопоставительного лингвокультурологического контент-анализа презентационных текстов как комбинаторных средств транспонирования глобально и локально детерминированных смыслов; 2) дискурсивного анализа языковых средств достижения коммуникативных целей в пространстве презентационного контента, включающего когнитивный и прагматический аспекты рассмотрения текстов как комплексных знаков контента.

Результаты и обсуждение

Презентационный интернет-дискурс лингвистических вузов

PR-дискурс вуза, в том числе его презентационный компонент, интегрирован в сложное полидискурсивное пространство университетской коммуникативной деятельности. Будучи институциональным дискурсом, он входит в сложную иерархию дискурсов – образовательного, академического, медийного и др. Именно комплексный характер PR-дискурса обеспечивает выполнение задач социокоммуникативной деятельности университета. У.Б. Ильина относит к ним: создание и распространение наиболее полной, многосторонней и достоверной информации о вузе; просвещение; позиционирование вуза; создание и усиление положительного образа вуза, формирование общественного мнения; повышение влияния вуза в регионе и в обществе; создание четких информационных линий; разработка и реализацию концепции информационной политики по отношению к СМИ; формирование интереса к вузу со стороны абитуриентов и общественности; поддержание заинтересованности студентов, внимания со стороны профессорско-преподавательского состава; поддержание «духа университетской корпорации» [Ильина, 2013]. Презентационная функция университетского PR-дискурса направлена на создание коммуникативного пространства, необходимого для достижения целей вуза и формирования его положительного имиджа. Эта функция реализуется через имиджевые

тексты (имиджевые рубрики веб-сайта, информационные буклеты, рекламные флаеры, презентационные видеоролики и презентации, статьи, бэкграундеры, интервью), которые знакомят аудиторию с достижениями и преимуществами вуза.

Результаты анализа университетской стартовой страницы в рубрике «О вузе» позволили выявить тематические доминанты, реализованные как вербальными, так и невербальными знаками – презентемами (табл. 1). В кросс-культурной среде обращает на себя внимание сходство презентационных доминант на уровне позиционирования вуза как ведущего университета по подготовке специалистов с иностранными языками, вуза с развитой технической базой, сетью международного сотрудничества и хорошими возможностями в реализации академической мобильности. Российский и белорусский университеты приоритетным также считают вхождение в крупные организации и востребованность выпускников. Для германского вуза важными составляющими привлекательности вуза являются инфраструктура и комфортная коммуникативная среда, индивидуальный подход. Российский вуз апеллирует к традициям, белорусский – к интересной студенческой жизни. Такой обзор говорит в пользу того, что в основе презентационного дискурса вуза, который рассматривается на материале трех лингвокультур, лежат как общие, так и отличительные ценности и лингвокультурные концепты.

Сайт МГЛУ(р) полифункционален и интертекстуален, содержит широкую рубрикацию, множество текстов, графических элементов, фото и видеоконтента. На стартовой странице есть слоган **МГЛУ – БАЗОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО ЯЗЫКАМ И КУЛЬТУРЕ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ**.

Презентационный текст в рубрике «Об университете» помещен на отдельной странице в виде объёмного текста, в котором отсутствуют подрубрики и фото. В тексте содержатся сведения о вузе, его истории, выпускниках и технологиях обучения. Изложение информации ведется в основном от 1-го лица с использованием местоимений *мы, наш*: *В процессе учебы мы стараемся формировать профессионально ориентированную личность. Нам есть, что хранить. Нам есть, что передать*. Обращенность к реципиенту отсутствует. Воздействующий потенциал текста реализован на уровне информации и тематических акцентов: *Наших выпускников можно встретить в любой точке мира. В процессе учебы мы стараемся формировать профессионально ориентированную личность. МГЛУ участвует в международных образовательных проектах*.

Стилистически окрашенные средства реализованы на уровне эпитетов: *Московский государственный лингвистический университет сегодня – современный гуманитарный университет со славной многолетней историей, центр лингвистического образования, где готовят специалистов высочайшего класса по самым перспективным направлениям и проводят фундаментальные и прикладные научные исследования в различных областях знаний*. Маркерами самовыражения и самореализации являются глаголы отношения: *мы чтим традиции нашего университета...* – и глаголы действия: *мы даем им в руки эффективнейший инструмент – знание иностранных языков; ...где готовят специалистов высочайшего класса по самым перспективным направлениям и проводят фундаментальные и прикладные*

Таблица 1. Тематические доминанты самопрезентации вуза

Table 1. Thematic Dominants of University Self-Presentation

МГЛУ(р)	МГЛУ(б)	FTSK
Престиж; многоязычие; членство в организациях и проектах; исследования; многоуровневое образование; верность традициям; востребованность выпускников; репутация выпускников	Лидерство; многоязычие; профилизация; членство в организациях; техническое оснащение; интернационализация обучения; востребованность выпускников; интересное студенчество	Престиж; многоязычие; техническое оснащение; интернационализация обучения; исследования; тесная связь «студент – преподаватель»; доступный компактный кампус

научные исследования; *Мы предоставляем очень широкие возможности.*

Стартовая страница вуза МГЛУ(б) представляет собой интертекстуальное пространство с множеством жанров, рубрик и ссылок, дизайн лаконичен, графические элементы с ярко выраженной прагматикой отсутствуют, фото мало. Презентационный текст о вузе в рубрике «МГЛУ сегодня» предваряется слоганом *Один выбор – тысяча возможностей.* В конце текста также представлены слоганы: *МГЛУ является надежной площадкой для самореализации и командного творчества всех студентов. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ! МГЛУ – ЭТО НАДЕЖНЫЙ СТАРТ И УСПЕШНАЯ КАРЬЕРА!* Текст объемный, имеет 5 тематических рубрик, фото отсутствуют.

Синтаксис текстов стартовой страницы простой, предложения повествовательные, реализуют информативную функцию и когнитивный тип информации. Повествование ведется от 3-го лица, обращенность к реципиенту отсутствует. Презентационный потенциал реализован в большей степени на уровне информации и смысловых акцентов, а не на уровне лексики: *В настоящее время МГЛУ осуществляет подготовку по 24 иностранным языкам. Университет располагает современной материально-технической базой. Университет определяет инновационную политику Республики Беларусь в области языкового образования. Наши выпускники востребованы в стране и за рубежом.* В тексте употреблены также прилагательные и существительные с семантикой важности, лидерства, уникальности: *Сегодня Минский государственный лингвистический университет (МГЛУ) является лидером в области языкового образования в Республике Беларусь и прочно удерживает передовые позиции на постсоветском пространстве. Глубокая профилизация позволяет вузу полностью удовлетворить современные образовательные потребности молодежи в области гуманитарного, лингвистического и педагогического образования по иностранным языкам. Университет стал альма-матер для студентов более чем из*

44 стран мира. Маркерами самовыражения являются притяжательные и личные местоимения мы, наш: сегодня студенты нашего университета могут получить следующие квалификации; Мы успешно взаимодействуем со многими высшими учебными заведениями во всем мире.

Презентационный дискурс высшей школы FTSC реализует ярко выраженные фатическую и воздействующую функции. Лаконичный дизайн страницы выдержан в фирменной красно-белой гамме, текстовый контент сопровождается фото, что привлекает внимание и настраивает на знакомство с текстовым описанием. Страница сайта имеет простую, неразветвленную рубрикацию, стартовой страницы нет, однако каждая рубрика содержит тематический презентационный текст вуза. Текст о вузе в рубрике «Unser Fachbereich» поделен на 6 блоков, представленных заголовком и одним предложением. Тексты других рубрик невелики по объему, хорошо структурированы, тематически иллюстративны, предваряются заголовком-слоганом.

Синтаксис простой, доминируют повелительные предложения, подчеркивающие обращение к потенциальным пользователям сайта и студентам вуза: *Kombinieren Sie 13 Studien- oder Arbeitssprachen nahezu beliebig* (досл. Комбинируйте 13 учебных или рабочих языков практически любым образом (здесь и далее перевод наш. – В. М., Э. Н.)). Встречаются вопросительные предложения-обращения: *Wollen Sie Ihre Leidenschaft für Sprachen zum Beruf machen?* (досл. Хотите сделать ваше увлечение языками профессией?). В текстах использованы личные и притяжательные местоимения 1-го лица как маркеры контактоустановления и клиентоориентированности: *Für Ihren optimalen Studienerfolg* (досл. Для Вашего оптимального успеха обучения); а также маркеры самопрезентации: *Wir leben Interkulturalität. Internationalität wird an unserem Fachbereich großgeschrieben Sie wollen etwas mit Sprachen und Kulturen studieren? Damit sind Sie bei uns genau richtig! Die Forschung bildet die Basis für unsere Lehre* (досл. Мы живем интеркультурностью. Международность на нашем факультете с большой буквы. Вы хотите

изучать что-то, связанное с языками и культурами? Тогда вы находитесь в правильном месте! Исследования являются основой нашего обучения). На лексическом уровне презентационный потенциал реализован прилагательными в превосходной степени: *Studieren Sie an einer der renommiertesten und größten Ausbildungsstätten für Übersetzen und Dolmetschen weltweit* (досл. *Учитесь в одном из самых престижных и крупнейших учебных заведений по письменному и устному переводу в мире*); эпитетами: *Exzellente technische Ausstattung* (досл. *превосходное техническое оснащение*); существительными с семантикой успешности и уникальности: *Für Ihren optimalen Studienerfolg* (досл. *Для Вашего оптимального успеха обучения*). Представим полученные результаты в сводной таблице (табл. 2).

**Многоязычный презентационный
интернет-дискурс
международной компании**

Многоязычные ресурсы выступают объектом лингвистических исследований с разных позиций, но представляется необходимым подчеркнуть, что их объединяет фокус внимания на «ориентированность участников интернет-коммуникации на доступность информации в разных сферах деятельности» [Митягина, Наумова, Новожилова, 2023, с. 7].

Интерес исследователей к процессу создания сайта на нескольких языках, понимаемому Дж. Юнкером как адаптация веб-сайта к определенному географическому или социокультурному пространству [Yunker, 2002], определил появление работ, посвященных анализу путей преодоления возможных сбоев и сложностей, а также исследований «степени» локализации контента. Так, Н. Сингх и А. Перейра предложили лингвомаркетологическую концепцию пяти типов сайтов: 1) стандартизированных; 2) полулокализованных; 3) локализованных; 4) локализованных и адаптированных; 5) полностью интегрированных в целевую культуру [Singh, Pereira, 2005].

Многоязычное интернет-пространство стало феноменом деглобализации, которая проявила себя как тренд последнего десятилетия, и первыми на стремление во что бы то ни стало получить текст любого качества, но на родном языке среагировали практики и теоретики перевода. Подробный и многоаспектный анализ этой тенденции предложил австрийский терминовед и переводовед П. Сандрини, который в статье «От коммуникационных протезов до первопроходцев в области многоязычия» [Sandrini, 2021] подчеркивает неотвратимый и прогрессивный характер технологического обновления перевода и коммуникативных процессов в целом, и развивает важный для обеспечения эквивалентности и

Таблица 2. Презентемы университетского PR-дискурса

Table 2. The presentems of university PR discourse

Презентемы	МГЛУ(р)	МГЛУ(б)	FTSK
Яркая графика	+	–	+
Фото	+	+	+
Видео	+	+	+
Широкая рубрикация	+	+	–
Лаконичность текстового контента	–	–	+
Структурированный текст	–	+	+
Тексты больших объемов	+	+	–
Простой синтаксис	+	+	+
Повествовательные предложения	+	+	+
Вопросительные предложения	–	–	+
Повелительные предложения	–	–	+
Эпитеты	+	+	+
Прилагательные в превосходной степени	–	–	+
Существительные с семантикой успешности и уникальности	+	+	–
Местоимения «мы», «наш»	+	+	+
Местоимения «Вы», «Ваш»	–	–	+
Прагматически релевантные глаголы	+	–	–

прагматической адекватности перевода тезис Ю. Найды об изменении объема информации [Nida, 1959]. В любом переводе имеет место потеря информации (loss of information), добавление информации (addition of information) и преобразование информации (skewing of information). Э. Прунч справедливо определил их как обусловленные асимметрией языков константы перевода [Prunč, 2012]. Для настоящего исследования значим вывод П. Сандрини относительно того, каким может быть многоязычный контент в Интернете, созданный с помощью машинного перевода: система машинного перевода оперирует информацией только из уже существующих переводов, не может использовать другие источники и учитывать цель перевода [Sandrini, 2021, S. 41].

Данные предварительные замечания необходимы в качестве вводных установок к анализу трех версий презентационного контента корпоративного сайта немецкой транснациональной компании Bayer AG.

Сравним варианты презентации контента, общего для глобальных (англоязычного и немецкоязычного) и локального (русскоязычного) сайтов.

Тематические доминанты самопрезентации международной компании

Компания реализует маркетинговые цели: завоевывает новые рынки, рекламирует новую продукцию. Презентационные тексты создают имидж компании, формируют позитивное восприятие новых препаратов, служат укреплению положительного образа концерна. Многоязычная презентация должна донести до потенциальных и реальных потребителей информацию о (1) крупной международной компании (2) с богатой историей и широкой географией, (3) инновационной продукцией, (4) улучшающей качество жизни и окружающей среды.

Bayer AG как **крупная международная компания** позиционируется в первую очередь с помощью слогана на всех страницах ресурса. Отметим его актуальный англоязычный вариант *Health for all, Hunger for none*. В оригинале использована антитеза *for all : : for none*. Асимметрия языковых систем делает невоз-

можной экспликацию заложенного в слогане исходного посыла: его простота и категоричность, выраженные лексемами английского языка, невозможно передать средствами других языков без потери стилистического эффекта, создаваемого единством формы и содержания (досл. *Здоровье для всех, голод – ни для кого*; букв. *Здоровье для всех, голод – для никого* (перевод наш. – В. М., Э. Н.)). В качестве компромиссного решения на русскоязычном сайте в текстах, не нарушая оформления страницы, используется перефразированный вариант слогана *Мир без болезней и голода* – в нем сохранен номинативный характер синтаксической структуры, а также удачно использована популярная формула (ср.: *Мир без границ*).

В характеристике транснациональной компании отметим максимальную эквивалентность и симметричность англоязычного и немецкоязычного контента и перевод на русский язык с использованием лексических и грамматических трансформаций. Цифры в скобках маркируют указанные выше номера тематических доминант информации о компании:

Bayer is a **global enterprise** (1) **with core competencies in the Life Science fields** (3) **of health care and agriculture** (4);

Bayer ist ein weltweit tätiges Unternehmen (1) **mit Kernkompetenzen auf den Life-Science-Gebieten** (3) **Gesundheit und Agrarwirtschaft** (4);

Bayer – это **международный концерн** (1), **специализирующийся на медико-биологических решениях** (3) **для здравоохранения и сельского хозяйства** (4).

В данном примере реализована установка на позиционирование международного профиля деятельности компании (1), и комбинация с доминантами (3) и (4) удачно подчеркивает масштабность миссии Bayer AG, которая находит свое выражение в нескольких контекстных вариантах:

Bayer is **an internationally operating company** (1) **represented in 80 countries**;

Bayer ist ein **internationales Unternehmen, das in 80 Ländern vertreten ist**;

В состав Bayer входит **354 представительства в 83 странах мира** (1). Головной офис находится в г. Леверкузен (Германия).

Можно констатировать, что контент русскоязычного сайта отличается точностью, «развернутостью» информации. Только на сайте для России и стран СНГ имеется дополнение, в котором компенсируется отсутствие в переводе указания на глобальный характер деятельности компании *an internationally operating company / ein weltweit tätiges Unternehmen / Компания работает по всему миру*:

Bayer – инновационная компания **со 150-летней историей** (2), занимающая ключевые позиции в сфере здравоохранения и сельского хозяйства **во всем мире** (1);

Компания **работает по всему миру** (1), принимая активное участие в жизни общества, и берет на себя ответственность за результат и соблюдение кодекса этических принципов.

Bayer AG как **компания с богатой историей и широкой географией** представлена эксплицитно на русскоязычном сайте: есть специальные разделы, посвященные истории компании по годам (<https://www.bayer.ru/ru/history/bayer-cross>) и истории Bayer в России (<https://www.bayer.ru/ru/history-russia>):

История Bayer тесно связана с Россией. Концерн открыл свое первое представительство за пределами Германии именно в России, в Москве еще в 1876 году.

Если учесть, что компания основана в 1863 г., а в 1883 г. ею было принято решение об открытии производства на территории России, такой вариант локализации с расширением контента в данном тематическом аспекте вполне логичен: в русской лингвокультуре аксиологически положительны немецкие качество, порядок, организованность, пунктуальность, дисциплина и т. д. [Куликова, 2004; Тахтарова, 2017; Новикова, 2014]. Таким образом, локализованная версия сайта международной компании апеллирует к сформировавшимся в целевом лингвокультурном континууме ценностям, связанным с ее презентацией.

Эта стратегия «развертывания», добавления значимой для локального сайта информации противоположна стратегии свободного выбора – получения дополнительных данных путем перехода по гиперссылкам, которые есть на глобальных англоязычном и немецкоязычном сайтах:

Find out more about our activities in the various regions of the world;

Erfahren Sie mehr über unsere Aktivitäten in den verschiedenen Regionen der Welt (Узнайте больше о нашей деятельности в различных регионах мира (перевод наш. – В. М., Э. Н.)).

Доминирование заданной темы (история компании связана с данной локацией) обеспечено размещением информации на сайте без необходимости перехода по ссылке, усилено иконическим контентом – историческими фотографиями, более крупным шрифтом. Учитывается значимый для русскоязычной аудитории учет традиции, исторической детерминированности российско-германских связей.

Презентация компании на глобальном и локальном сайтах отличается в вариантах выражения характеристик, связанных с **инновационной продукцией и улучшением качества жизни**. Фрагменты глобальных сайтов на английском и немецком аналогичны в реализации заданных тематических доминант, а в русскоязычном варианте описание данных позиций выступает ремой в предложении с темой **«крупная международная компания с богатой историей и широкой географией»**:

At Bayer, we believe it's possible to **create a better world** (4). One where **health and nutrition can be made available to all** (4). One where **science and innovation** (3) can help **people and the planet** (4) thrive;

Wir bei Bayer glauben, dass es möglich ist, **eine bessere Welt zu schaffen** (4), in der **Gesundheit und Ernährung allen Menschen zugänglich** (4) gemacht sowie **Wissenschaft und Innovation** (3) **den Menschen und dem Planeten** (4) zum Gedeihen verhelfen können;

Bayer – **международная компания** (1), с **двухвековой традицией** (2) исследований и разработок в **сфере здравоохранения и питания** (4). С помощью **инновационных продуктов** (3) мы стремимся внести вклад в поиск ответов на наиболее серьезные вызовы, стоящие перед человечеством (4).

Именно в представлении **стремления к новому и лучшему** в текстах на всех трех языках проявляется корпоративное *мы* в презентации компании как выполнение участниками дискурса требований корпоративного коммуникативного поведения, «правил глобальной профессиональной коммуникации» [Митягина, Новикова, Ванкова, 2019, с. 151]. Например:

We design our products and services to help tackle some of **the world's biggest challenges** (4), and to serve **the most essential human needs of health and nutrition** (4);

Wir entwickeln unsere Produkte und Dienstleistungen, um **die größten Herausforderungen der Welt** (4) anzugehen und **die wichtigsten menschlichen Bedürfnisse nach Gesundheit und Ernährung** (4) zu befriedigen;

Мы разрабатываем **новые молекулы для инновационных продуктов** (3) и **способы улучшения здоровья людей и растений** (4).

Все фрагменты реализуют действие глобального коммуникативного *мы*, но в русскоязычной версии сайта транскреативный перевод сохраняет только кванты ключевой информации, поэтому номинация *новые молекулы для инновационных продуктов* призвана компенсировать ориентированность разработок компании на решение *ряда самых серьезных мировых проблем* (перевод наш. – В. М., Э. Н.).

Транскреативные решения в формировании контента являются логичными в случае, когда локализация глобального контента определяется решением двух и более проблем – комбинации преодоления асимметрии языковых систем с техническими ограничениями сайта локации или прагматикой отправителя, адресата, ситуации, любого другого коммуникативного фактора в целом.

Приведем пример глобальной и локальной презентации компании в ее деятельности, направленной на **достижение стратегических целей**:

Our strategy is aligned to **the global Sustainable Development Goals (SDGs) of the United Nations**, the attainment of **which is targeted for 2030...**

In this context, we support particularly **those Sustainable Development Goals** where there is a pressing need to act and where we can make the greatest contributions through our businesses and their sustainable transformation.

Unsere Strategie ist an **den globalen Nachhaltigkeitszielen der Vereinten Nationen** (UN Sustainable Development Goals, SDGs) ausgerichtet, **die bis zum Jahr 2030 erreicht werden sollen...**

Dabei fördern wir besonders jene Nachhaltigkeitsziele, bei denen dringender Handlungsbedarf besteht und bei denen wir über unsere Geschäfte und deren nachhaltige Transformation die größten Beiträge leisten können.

В соответствии с **целями устойчивого развития ООН** мы установили измеряемые цели для всех направлений нашего бизнеса, **которые планируем достигнуть до 2030 года**.

Исходный фрагмент, представляющий деятельность компании в контексте мирового устойчивого развития, характеризуется большим объемом на глобальном сайте и на английском, и на немецком языках. На локальном сайте имеет место транскреированный реферативный перевод, излагающий главное – обязательство компании достичь *измеряемые цели для всех направлений нашего бизнеса*. Русскоязычный ресурс в целом отличается стремлением разработчиков избежать повторов, которые распространены на презентационных сайтах, поскольку реализуют установку донести самую важную информацию в разных разделах сайта. Отметим наличие маркеров корпоративного *мы* во всех текстах – *our strategy, unsere Strategie, we, wir*, а также соответствующих форм глагола.

Таким образом, многоязычная самопрезентация компании – это комплексное представление значимых тематических доминант в разных фрагментах гипертекста, инициально созданного на английском языке, максимально полно переведенного на язык головного офиса, также имеющего статус глобального, и переведенного на языки бизнес-локаций с учетом ряда лингвокультурных и социопрагматических детерминаций.

Заключение

Результаты проведенного кросс-культурного лингвокультурологического исследования позволяют указать на некоторые прототипические характеристики презентационного дискурса.

1. В лингвосемиотическом пространстве лингвистических вузов их трех ведущих тематических доминант презентационного контента можно выделить только одну общую – многоязычие как характеристика профилизации реализуемых образовательных программ. Случайными в списках двух вузов из трех следует назвать техническое оснащение, престиж, членство в организациях и проектах и исследования. Основные презентемы: интертекстуальность, простой синтаксис, эпитеты, местоимения первого и второго лица в вер-

бальном контенте, фото и видео – в иконическом контенте всех вузов.

2. Для многоязычной самопрезентации транснациональной компании значимые тематические доминанты обязательны при экспликации во всех версиях официального сайта, однако могут быть реализованы в разных фрагментах гипертекста, что обусловлено лингвокультурной и социопрагматической детерминацией конкретной языковой версии. В многоязычном презентационном дискурсе находит отражение деглобализация, которая проявляется в эквивалентности контента глобальных версий (на английском языке и языке головного офиса) и широком использовании транскреации в локализованной версии сайта международной компании как выражение апелляции к сформировавшимся в целевом лингвокультурном континууме ценностям.

Таким образом, можно говорить об облигаторности экспликации в презентационном тексте значимых тематических доминант, использовании коммуникативно значимых в процессе позиционирования местоимений первого лица и лингвокультурной детерминации вариативности презентационного дискурса, прежде всего в аксиологическом аспекте.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-00223 «Переводоведческое обоснование многоязычия презентационного контента в парадигме ИИ».

The research was supported by RSF (project No. 25-28-00223 «Translatological substantiation of multilinguality of presentational content in the AI paradigm.»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багиян А. Ю., Моногарова А. Г., 2021. Продуктивное манипулирование как элемент рекламного университетского дискурса : прагма-аксиологический анализ // Научный диалог. № 12. С. 30–49. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-30-49
- Букеева М. Е., 2014. Гибридизация жанров презентационного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 5 (691). С. 30–38.
- Гордиевский А. А., 2006. Категория интердискурсивности в научно-дидактическом дискурсе (на материале лекций на русском и немецком языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень. 19 с.
- Ильина У. Б., 2013. PR-дискурс германского университета (социокоммуникативная деятельность в пространстве немецкой лингвокультуры) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 295 с.
- Карасик В. И., 1999. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград : Перемена. 196 с.
- Карасик В. И., 2022. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникативные исследования. № 9 (3). С. 564–574. DOI: [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(3\).564-574](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574)
- Кривоносов А. Д., Веренич Д. В., 2024. Цифровые инструменты коммуникационного продвижения и сопровождения компании малого бизнеса (на примере ООО «Eggert Project») // Медиа технологии в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы. Ставрополь : Сев.-Кавк. федер. ун-т. С. 87–93.
- Куликова Л. В., 2004. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты : На материале русской и немецкой лингвокультур. Красноярск : РИО КГПУ. 196 с.
- Максимов В. В., Найденов Е. В., Серебренникова А. Н., 2010. Концептуальное ядро университетского дискурса. URL: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2010/v317/i6/43.pdf
- Митягина В. А., Наумова А. П., Новожилова А. А., 2023. Транслатологическое обоснование создания многоязычных ресурсов Интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 3. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.1>
- Митягина В. А., Новикова Э. Ю., Ванкова Л., 2019. Я и Мы в корпоративном дискурсе: реализация социокультурных и лингвопрагматических параметров коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 3. С. 150–161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.12>
- Митягина В. А., Фадеева М. Ю., 2022. Преодоление инаковости в переводе: интернациональный презентационный дискурс высшей школы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 5. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.5>
- Новикова Э. Ю., 2014. Дискурсивно обусловленный культурный трансфер в переводе путеводителя // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.

- № 3 (22). С. 60–66. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.7>
- Новикова Э. Ю., Ключак М. Ю., 2023. Переводческая профессиональная деятельность в фокусе презентационного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4. С. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-4-82-92>
- Олянич А. В., 2004. Презентационная теория дискурса. Волгоград : Парадигма. 507 с.
- Олянич А. В., 2015. Презентационный дискурс // Дискурс-Пи. № 3/4 (20/21). С. 148–150.
- Погонцева Д. В., 2012. Самопрезентация в киберпространстве // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. № 2 (4). С. 66–72.
- Русакова О. Ф., Русаков В. М., 2008. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург : Урал. отд-ние РАН. 339 с.
- Степанов В. Н., Кривоносов А. Д., 2024. Жанровая пиарология и конвергенции жанров PR-текста // Жанры речи. Т. 19, № 3 (43). С. 212–224. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-212-224>
- Тахтарова С. С., 2017. Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 189–196. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.21>
- Чубарова Ю. Е., 2008. Функционально-структурные особенности и просодические средства выражения дискурсивных элементов англоязычного учебно-научного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск. 22 с.
- Nida E., 1959. Principles of Translation as Exemplified by Bible Translating // On Translation. Cambridge : Harvard University Press. P. 11–31.
- Prunč E., 2012. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht. Berlin : Frank & Timme. 104 S.
- Sandrini P., 2021. Von Kommunikationsprothesen zu Wegbereitern der Mehrsprachigkeit // Entwicklungslinien des Dolmetschens im soziokulturellen Kontext. Translationskultur[en] im DACH-Raum. Tübingen : Narr Francke Attempto. S. 31–47.
- Singh N., Pereira A., 2005. The Culturally Customized Web Site. Customizing Web Sites for the Global Marketplace. Burlington : Elsevier : Butterworth Heinemann. 176 p.
- Yunker J., 2002. Beyond Borders. Web Globalization Strategies. Indianapolis : New Riders Publ. 551 p.
- ИСТОЧНИКИ**
- Bayer Global. URL: <https://www.bayer.com/en/> (Last Updated: Thursday, April 17, 2025).
- Bayer Global. URL: <https://www.bayer.com/de/> (Letzte Aktualisierung: Freitag, 07. März 2025).
- Bayer. Россия и страны СНГ. URL: <https://www.bayer.ru/ru/> (последнее обновление: 11.04.2023).
- REFERENCES**
- Bagiyan A. Yu., Monogarova A. G., 2021. Produktivnoe manipulirovanie kak element reklamnogo universitetskogo diskursa: pragma-aksiologicheskii analiz [Productive Manipulation as an Element of University Advertising Discourse: Pragma-Axiological Analysis]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 12, pp. 30–49. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-30-49
- Bukeeva M. E., 2014. Gibridizatsiya zhanrov prezentatsionnogo diskursa [Hybridisation of Presentation Discourse Genres]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], no. 5 (691), pp. 30–38.
- Gordievskiy A. A., 2006. *Kategoriya interdiskursivnosti v nauchno-didakticheskom diskurse (na materiale lektsiy na russkom i nemetskom yazykakh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Category of Interdiscursivity in Scientific and Didactic Discourse (Based on Lectures in Russian and German). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Tyumen. 19 p.
- Ilyina U. B., 2013. *PR-diskurs germanskogo universiteta (sotsiokommunikativnaya deyatel'nost' v prostranstve nemetskoy lingvokultury): dis. ... kand. filol. nauk* [The PR Discourse of a German University (Socio-Communicative Activity in the Space of German Linguoculture). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 295 p.
- Karasik V. I., 1999. *Kharakteristiki pedagogicheskogo diskursa* [Characteristics of Pedagogical Discourse]. *Yazykovaya lichnost: aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki* [Language Personality: Aspects of Linguistics and Linguodidactics]. Volgograd, Peremena Publ. 196 p.
- Karasik V. I., 2022. *Samovyrashenie v raznykh tipakh diskursa* [Self-Expression in Different Types of Discourse]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 9, no. 3, pp. 564–574. DOI: [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(3\).564-574](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574)
- Krivososov A. D., Verenich D. V., 2024. *Tsifrovye instrumenty kommunikatsionnogo prodvizheniya*

- i soprovozhdeniya kompanii malogo biznesa (na primere OOO «Eggert Project»)[Digital Tools of Communication Promotion and Support of a Small Business Company (On the Example of Eggert Project LLC)]. *Mediatekhnologii v usloviyakh izmenyayushchegosya mira: trendy, problemy, prognozy* [Media Technologies in a Changing World: Trends, Problems, Forecasts]. Stavropol, Sev.-Kavk. feder. un-t, pp. 87-93.
- Kulikova L.V., 2004. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya: teoreticheskie i prikladnye aspekty: Na materiale russkoy i nemetskoj lingvokultur* [Intercultural Communication: Theoretical and Applied Aspects. On the Material of Russian and German Linguocultures]. Krasnoyarsk, RIO KGPU. 196 p.
- Maksimov V.V., Nayden E.V., Serebrennikova A.N., 2010. *Kontseptualnoe yadro universitetskogo diskursa* [The Conceptual Core of University Discourse]. URL: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2010/v317/i6/43.pdf
- Mityagina V.A., Naumova A.P., Novozhilova A.A., 2023. Translatologicheskoe obosnovanie sozdaniya mnogoyazychnykh resursov Interneta [Translatological Grounds of Creating Multilingual Internet Resources]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 3, pp. 5-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.1>
- Mityagina V.A., Novikova E.Yu., Vankova L., 2019. Ya i My v korporativnom diskurse: realizatsiya sotsiokulturnykh i lingvopragmaticheskikh parametrov kommunikatsii [I and We in Corporate Discourse: Realisation of Socio-Cultural and Linguopragmatic Parameters of Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 3, pp. 150-161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.12>
- Mityagina V.A., Fadeeva M.Yu., 2022. Preodolenie inakovosti v perevode: internatsionalnyy prezentatsionnyy diskurs vysshey shkoly [Overcoming Strangeness in Translation: International Presentation Discourse of High School]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 5, pp. 50-61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.5>
- Novikova E.Yu., 2014. Diskursivno obuslovlennyy kulturnyy transfer v perevode putevoditelya [Cultural Transfer in Travel Guide Translation: Discourse Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (22), pp. 60-66. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.7>
- Novikova E.Yu., Klyuchak M.Yu., 2023. Perevodcheskaya professionalnaya deyatelnost v fokuse prezentatsionnogo diskursa [Translational Activity in the Focus of Presentational Discourse]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 4, pp. 82-92. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-4-82-92>
- Olyanich A.V., 2004. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentational Theory of Discourse]. Volgograd, Paradigma Publ. 507 p.
- Olyanich A.V., 2015. Prezentatsionnyy diskurs [Presentation Discourse]. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], no. 3/4 (20/21), pp. 148-150.
- Pogontseva D.V., 2012. Samoprezentatsiya v kiberprostranstve [Self-Presentation in Cyberspace]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace], no. 2 (4), pp. 66-72.
- Rusakova O.F., Rusakov V.M., 2008. *PR-diskurs: teoretiko-metodologicheskii analiz* [PR-Discourse: A Theoretical and Methodological Analysis]. Yekaterinburg, Ural. otd-nie RAN. 339 p.
- Stepanov V.N., Krivonosov A.D., 2024. Zhanrovaya piarologiya i konvergentsii zhanrov PR-teksta [Genre PRology and Convergence of Genres of PR Text]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], vol. 19, no. 3 (43), pp. 212-224. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-212-224>
- Takhtarova S.S., 2017. Kommunikativnye kategorii v kognitivno-diskursivnoy paradigme [Communicative Categories in the Cognitive-Discursive Paradigm]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 189-196. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.21>
- Chubarova Yu.E., 2008. *Funktsionalno-strukturnye osobennosti i prosodicheskie sredstva vyrazheniya diskursivnykh elementov angloyazychnogo uchebno-nauchnogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Functional-Structural Features and Prosodic Means of expressing Discursive Elements of English-Language Academic Discourse. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saransk. 22 p.
- Nida E., 1959. Principles of Translation as Exemplified by Bible Translating. *On Translation*. Cambridge, Harvard University Press, pp. 11-31.

Prunč E., 2012. *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht.* Berlin, Frank & Timme. 104 S.

Sandrini P., 2021. Von Kommunikationsprothesen zu Wegbereitern der Mehrsprachigkeit. *Entwicklungslinien des Dolmetschens im soziokulturellen Kontext. Translationskultur(en) im DACH-Raum.* Tübingen, Narr Francke Attempto, S. 31-47.

Singh N., Pereira A., 2005. *The Culturally Customized Web Site. Customizing Web Sites for the Global Marketplace.* Burlington, Elsevier, Butterworth Heinemann. 176 p.

Yunker J., 2002. *Beyond Borders. Web Globalization Strategies.* Indianapolis, New Riders Publ. 551 p.

SOURCES

Bayer Global. URL: <https://www.bayer.com/en/> (Last Updated: Thursday, April 17, 2025).

Bayer Global. URL: <https://www.bayer.com/de/> (Letzte Aktualisierung: Freitag, 07. März 2025).

Bayer. Rossiya i strany SNG [Bayer. Russia and CIS Countries]. URL: <https://www.bayer.ru/ru/> (Last Updated: April 11, 2023).

Information About the Authors

Vera A. Mityagina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Elina Yu. Novikova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Acting Head of the Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Информация об авторах

Вера Александровна Митягина, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Элина Юрьевна Новикова, доктор филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.12>

UDC 81'322.4
LBC 81.184

Submitted: 07.02.2025
Accepted: 05.06.2025

MODERN MACHINE TRANSLATION IN THE COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC DIMENSION: A STUDY OF PRESENTATIONAL INTERNET DISCOURSE

Irina D. Volkova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Anna A. Novozhilova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article introduces research results obtained through a comparative analysis of the quality of machine translation and the translation carried out by the artificial intelligence (AI) systems and focuses on preserving the communicative and pragmatic characteristics of presentational Internet texts. The relevance of the study is determined by two key factors: firstly, the development of modern translation studies within the framework of the communicative-discursive approach, which emphasizes the pragmatic potential of a text: its importance and means of its preservation in translation; secondly, the widespread integration of various translation technologies into practice, necessitating an evaluation of their ability to recognize contextual and discourse-related nuances, as well as the development of effective post-editing strategies. The research material comprises Russian-language promotional texts and their translated versions in English and German, produced by MT systems (Yandex.Translate, Prompt, DeepL) and the AI-based program DeepSeek. The difference in developers' approaches to transmitting the communicative potential of the original text is revealed. The translation analysis of source and target texts revealed both ingenious solutions that preserve the pragmatics of the original text and errors that hinder the creation of a communicatively equivalent translation. It has been established that traditional MT systems demonstrate a limited ability to work with text as a whole unit, which leads to literal translations, violation of grammatical norms and inaccuracies in terminology. AI chat DeepSeek shows utterly different results and performs structural adaptation of the text, takes into account the stylistic and pragmatic aspects of creating a translated text by analyzing the context. The results prove that modern AI systems are superior to traditional MT in communicating pragmatic potential, but depending on the language pair, they require improvement in the field of specialized terminology and conveying stylistic characteristics.

Key words: machine translation, presentational discourse, pragmatics of translation, artificial intelligence, AI, post-editing, website, hypertext.

Citation. Volkova I.D., Novozhilova A.A. Modern Machine Translation in the Communicative and Pragmatic Dimension: A Study of Presentational Internet Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 147-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.12>

СОВРЕМЕННЫЙ МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРЕЗЕНТАЦИОННОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА)

Ирина Дмитриевна Волкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Анна Алексеевна Новожилова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования качества машинного перевода (МП) и перевода систем на основе искусственного интеллекта (ИИ) в аспекте сохранения коммуникативно-прагматических параметров презентационных текстов интернет-дискурса. Актуальность работы определяется двумя факторами: развитием современного переводоведения в русле коммуникативно-дискурсивного подхода, который предусматривает особую значимость прагматического потенциала текста и способов его передачи при переводе; активным внедрением различных переводческих систем в практику перевода, что требует оценки потенциала данных систем в области распознавания контекста и дискурсивной обусловленности перевода, а также выработки эффективных стратегий постредактирования текстов. На материале русскоязычных презентационных текстов и их переводов на английский и немецкий языки, выполненных системами Яндекс.Переводчик, Prompt, DeepL и ИИ-чатом DeepSeek, выявлены различия в подходах разработчиков этих технологий к передаче коммуникативного потенциала оригинала. В результате переводческого анализа оригинальных и вторичных текстов были выделены удачные переводческие решения, позволяющие сохранить прагматику исходного текста, и ошибки, которые препятствуют созданию коммуникативно-равноценного текста. Установлено, что традиционные системы МП демонстрируют ограниченную способность работы с текстом как целостной единицей, что приводит к буквальным переводам, нарушению грамматических норм и неточностям в терминологии. ИИ-чат DeepSeek показывает качественно иные результаты и выполняет структурную адаптацию текста, учитывает стилистический и прагматический аспекты создания переводного текста за счет анализа контекста. Результаты доказывают, что современные ИИ-системы превосходят традиционные МП в передаче прагматического потенциала текста, но в зависимости от языковой пары требуют доработки в области специализированной терминологии и передачи стилистических характеристик.

Ключевые слова: машинный перевод, презентационный дискурс, прагматика перевода, искусственный интеллект, ИИ, постредактирование, интернет-сайт, гипертекст.

Цитирование. Волкова И. Д., Новожилова А. А. Современный машинный перевод в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале текстов презентационного интернет-дискурса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 147–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2025.4.12>

Введение

В современном мире наблюдается стремительное развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) и информационных технологий, которые проникают во все области науки и техники. Активно развивается и сфера компьютерной обработки естественного языка (NLP – Natural Language Processing): в последнее десятилетие ключевыми направлениями стали создание и совершенствование нейронных языковых моделей [Vinyals, Le, 2015; Chopra, Auli, Rush, 2016], включающих голо-

совые помощники [Zahariev et al., 2020; Sorokina, Khamzina, 2022], генеративные текстовые модели, созданные компаниями Google, OpenAI, DeepSeek [Heryanto, Triayudi, 2023; Jackson, Beekhuizen, Zhao, 2024; Kalyan, 2024], системы машинного перевода [Wu et al., 2016; Sennrich, Haddow, Birch, 2016] и множество других инструментов.

Системы машинного перевода обучаются на больших объемах текстовых данных (например, книги, статьи, веб-сайты), однако, несмотря на значительные возможности, эти системы имеют ряд недостатков. Согласно

определению, представленному на сайте одной из крупнейших платформ автоматизированного перевода Smartcat, машинный перевод (далее – МП) представляет собой процесс, при котором исходный текст разбивается на слова и фразы (сегменты), которые заменяются словами и словосочетаниями на целевом языке [Что такое машинный перевод...]. В этом определении единицами машинного перевода признаются слова и фразы, что фактически исключает возможность учета прагматического аспекта, который требует фокуса внимания на тексте как единице перевода. Результаты многочисленных исследований показывают, что к основным ошибкам, допускаемым машинными переводчиками, относится использование разных эквивалентов для обозначения одного и того же исходного термина, дословный перевод отдельных слов и словосочетаний, сохранение в переводе информации, нерелевантной для получателей перевода, неправильная передача имен собственных и культурно-специфических реалий, аббревиатур, нарушение стиля, неверная трактовка прагматических интенций автора и т. п. [Беляева, Камшилова, 2024; Гилязиева, Демидкина, 2024; Митягина, Новожилова, Наумова, 2024]. Выявляя роль ИИ в переводе политических текстов, В. Ставроула выделяет четыре вида лексики, при переводе которой системы ИИ допускают наибольшее количество ошибок: идиомы, риторические конструкции и политические метафоры, исторические аллюзии, эмотивная лексика [Stavroula, 2024, p. 204].

Исследователи отмечают, что выделение системами МП отдельных сегментов в рамках текста в качестве единиц перевода, не соответствует современным требованиям к выполнению качественного перевода. Эффективность их работы определяется качеством материала, который использовался при их обучении, в том числе структурными и стилистическими характеристиками текстов, их речевыми жанрами и т. д. [Клячин, Хижнякова, 2024; Салимовский и др., 2021].

В целях повышения качества постредактирования текстов, переведенных с помощью систем МП и ИИ, необходимо постоянное взаимодействие специалистов в области информационных технологий и лингвистики. Разви-

тие переводоведения в русле антропоцентрической парадигмы с конца XX в. определило существенные изменения в фокусе внимания теоретиков и практиков перевода, связанные с актуализацией коммуникативно-прагматического аспекта перевода, а следовательно, и с усилением значимости адресата переводного текста и необходимостью учета целого спектра экстралингвистических факторов, влияющих на переводческий процесс. Лингвистический подход к переводу, который был характерен на ранних этапах развития науки и полностью сфокусирован на языковых знаках, остался в прошлом, и эффективность межкультурной коммуникации определяется на сегодня не столько полнотой передачи содержания исходного текста, сколько степенью доступности и понятности перевода для целевой аудитории, степенью тождества коммуникативного эффекта. По мнению В.А. Митягиной, текст в ситуации межкультурной коммуникации выступает в качестве макрознака, поэтому переводчик должен учитывать прагматический аспект перевода и создавать такой текст, который обеспечит необходимое воздействие на получателя и реализует заданные функции [Митягина, 2017, с. 97].

В связи с этим коммуникативно-прагматический аспект перевода следует интегрировать в исследования, посвященные проблемам машинного перевода, который активно используется при создании вторичного разножанрового контента интернет-сайтов. Целью работы является оценка эффективности современных технологий автоматизированного перевода (программ машинного перевода и систем на основе искусственного интеллекта) в аспекте адекватности передачи смысла и сохранения коммуникативно-прагматической функции презентационных текстов интернет-дискурса.

Материал и методы

В рамках данного исследования в качестве единицы перевода рассматривается текст, поэтому принимается во внимание тот факт, что переводчик-человек, будучи профессионалом и экспертом в области межкультурной коммуникации, перед тем, как приступить непосредственно к процессу перевода, выполняет предпереводческий анализ текста, что-

бы определить лингвистические и экстралингвистические особенности оригинала, включая сведения об адресате, отправителе, коммуникативное задание, тип, жанр, стиль текста и многие другие параметры. Данная информация, а также знания о чужой культуре, креативность, гибкость мышления позволяют переводчику создавать переводные тексты, полностью соответствующие заданному коммуникативному контексту и ожиданиям получателя.

Материалом исследования послужили оригинальные русскоязычные тексты презентационного интернет-дискурса и их переводные версии на английском и немецком языках, созданные системами МП Яндекс.Переводчик, Promt и DeepL и ИИ-чат DeepSeek. Общий объем проанализированного вербального контента составляет около 70 000 печатных знаков.

Методология настоящей работы представлена такими общенаучными методами, как описание, индуктивный метод, сравнительно-сопоставительный анализ. Частные методы исследования включают дискурс-анализ, направленный на изучение текста в коммуникативном контексте (намерения автора, жанр, целевая аудитория); метод контент-анализа, позволяющий проанализировать содержание презентационных гипертекстов; транслатологический анализ, позволяющий оценить качество машинного и ИИ-перевода презентационных текстов; анализ словарных дефиниций, направленный на уточнение значений отдельных лексем; синтаксический анализ с целью сравнения оригинальной и переводной структуры предложений; лексико-семантический анализ, позволяющий выявить неточности в передаче лексических единиц.

Результаты и обсуждение

Охарактеризуем эффективность работы таких систем машинного перевода, как Яндекс.Переводчик, Promt и DeepL, которые являются одними из наиболее часто используемых сервисов МП, а также новейшей системы ИИ DeepSeek, используемой в формате чат-бота.

Следует отметить, что презентационные тексты корпоративных сайтов представляют

собой информативный материал о деятельности компании, ее продуктах и услугах. Презентационные тексты нацелены на «создание положительного образа конкретного коллективного субъекта – компании» [Анкин, Митягина, 2023, с. 162]. Компании, сайты которых имеют многоязычные версии, представляются более привлекательными для зарубежных клиентов и успешнее реализуют свою продукцию на иностранных рынках. Однако в настоящее время в России существует много компаний, сайты которых не локализованы для целевой аудитории других стран, и потенциальным решением данной проблемы может стать выполнение машинного перевода контента с последующим постредактированием профессиональным переводчиком, который способен выполнить прагматическую адаптацию гипертекстов в соответствии с культурными ожиданиями адресатов.

Гипертексты, размещенные на одноязычном сайте российской компании «Эконекс» (<https://econex.ru/company/about/>), занимающейся производством осветительного оборудования, представляют собой наглядный пример презентационного текста, в котором содержится информация об основных направлениях деятельности компании, истории ее создания, положительных характеристиках производимой продукции. В тексте ярко выражена апеллятивная функциональность, реализуемая посредством эмоционально-оценочной лексики: *высококачественная продукция, надежные решения, комфортное освещение, максимально высокие показатели, экологически чистый продукт, высококлассные специалисты* и др.; путем использования местоимений «мы», «Вы»: *их профессионализм и компетентность поможет Вам, мы следуем тенденциям рынка*; а также описания достигнутых результатов: *оборудование зарекомендовало себя на крупных объектах, деятельность компании «Эконекс» охватывает полный цикл* и др. Сохранение в переводе данных элементов является обязательным с точки зрения коммуникативного задания и сохранения прагматического потенциала исходного текста.

На первом этапе переводческого анализа были использованы три программы МП – Яндекс.Переводчик, Promt и DeepL. Несмотря

на то что все содержание текста является инвариантом перевода, для описания результатов переводческого анализа нами были выбраны наиболее репрезентативные фрагменты, в которых содержатся перечисленные выше языковые средства. В таблице 1 представлены варианты машинного перевода высказываний,

важных с прагматической точки зрения, на английский и немецкий языки.

Представленные варианты машинного перевода в целом свидетельствуют о сохранении смысловой доминанты текстовых фрагментов, реализующих апеллятивную функцию. Учитывая тематическую специфику текста и

Таблица 1. Исходные и переведенные с помощью систем МП фрагменты презентационных гипертекстов.

Table 1. Original and machine-translated extracts from presentational hypertexts

№ примера	Исходный текст	Перевод		
		Яндекс.Переводчик	Prompt	DeepL
1	Создание нового российского бренда – «Econex», представляющего высококачественные и надежные светодиодные решения	<i>Англ.</i> Creation of a new Russian brand, Econex , representing high-quality and reliable LED solutions	<i>Англ.</i> Creation of a new Russian brand – “ Econex ,” representing high-quality and reliable LED solutions	<i>Англ.</i> Creation of a new Russian brand – “ Econex ”, representing high quality and reliable LED solutions
		<i>Нем.</i> Die Schaffung einer neuen russischen Marke ist „Econex“, die hochwertige und zuverlässige LED-Lösungen präsentiert	<i>Нем.</i> Schaffung einer neuen russischen Marke – „Econex“, die qualitativ hochwertige und zuverlässige LED-Lösungen präsentiert	<i>Нем.</i> Schaffung einer neuen russischen Marke – „Econex“, die für qualitativ hochwertige und zuverlässige LED-Lösungen steht
2	Мы следуем тенденциям рынка, не останавливаемся на достигнутом и предлагаем все новые и новые решения	<i>Англ.</i> We follow the market trends, do not stop there and offer more and more new solutions	<i>Англ.</i> We follow market trends, do not stop there and offer more and more new solutions	<i>Англ.</i> We follow the market trends, do not stop at what has been achieved and offer new and new solutions
		<i>Нем.</i> Wir folgen den Markttrends, hören dort nicht auf und bieten immer neue Lösungen an	<i>Нем.</i> Wir folgen den Markttrends, hören nicht auf und bieten immer mehr Lösungen an	<i>Нем.</i> Wir folgen den Markttrends, ruhen uns nicht auf unseren Lorbeeren aus und bieten immer wieder neue Lösungen an
3	Обеспечение потребителя экологически чистым и электробезопасным продуктом	<i>Англ.</i> To provide consumers with an environmentally friendly and electrically safe product	<i>Англ.</i> To provide the consumer with an environmentally friendly and electrically safe product	<i>Англ.</i> To provide consumers with environmentally friendly and electrically safe products
		<i>Нем.</i> Bereitstellung eines umweltfreundlichen und elektrischen Produkts für den Verbraucher	<i>Нем.</i> Bereitstellung eines umweltfreundlichen und elektrisch sicheren Produkts für den Verbraucher	<i>Нем.</i> Bereitstellung eines umweltfreundlichen und elektrisch sicheren Produkts für den Verbraucher
4	Наша команда – это высококвалифицированные специалисты . Их профессионализм и компетентность поможет Вам реализовать любые технические замыслы!	<i>Англ.</i> Our team consists of highly qualified specialists . Their professionalism and competence will help you realize any technical ideas!	<i>Англ.</i> Our team is highly qualified specialists . Their professionalism and competence will help you realize any technical ideas!	<i>Англ.</i> Our team are highly qualified specialists . Their professionalism and competence will help you realize any technical ideas!
		<i>Нем.</i> Unser Team sind hochkarätige Spezialisten. Ihre Professionalität und Kompetenz wird Ihnen helfen, alle technischen Ideen zu realisieren!	<i>Нем.</i> Unser Team sind hochqualifizierte Spezialisten. Ihre Professionalität und Kompetenz wird Ihnen helfen, alle technischen Ideen zu realisieren!	<i>Нем.</i> Unser Team besteht aus hochqualifizierten Spezialisten. Mit ihrer Professionalität und Kompetenz helfen sie Ihnen, jede technische Idee zu verwirklichen!

отсутствие культурно-значимых контекстов, при переводе данного текста не требуется осуществление прагматической адаптации, приемлемым представляется дословный перевод, отсутствие значительных опущений / добавлений информации. Как показано в таблице 1, перевод некоторых высказываний на английский язык является буквальным (примеры 1, 3). В других случаях наблюдаются различия на уровне отдельных слов и словосочетаний. Так, выражение *мы не останавливаемся на достигнутом* (пример 2) передано фразой *we do not stop there* программами Яндекс.Переводчик и Prompt, однако DeepL предлагает более близкий к оригиналу вариант *what has been achieved*. В данном случае целесообразен антонимический перевод и отказ от отрицательной формы в пользу глаголов с положительной оценочностью (*develop, improve, upgrade, move on*), что позволило бы в английском добиться более позитивного прагматического эффекта и не перегружать высказывание в синтаксическом отношении, однако машинные переводчики использовали буквальные конструкции.

В примере 2 также отметим некорректный перевод выражения *все новые и новые решения*, предложенный программой DeepL – *new and new solutions*: дублирование прилагательного *new* нарушает нормы языка перевода. Словосочетание *обеспечение потребителя* (пример 3) передано в переводе единицами во множественном числе программами Яндекс.Переводчик и DeepL (*consumers*) и в единственном числе программой Prompt (*the consumer*). Здесь форма множественного числа является в стилистическом отношении более предпочтительной, так как речь идет не о каком-то конкретном потребителе, а обо всех потенциальных покупателях. Перевод высказывания *Наша команда – это высококлассные специалисты* (пример 4) также вариативен, при этом вариант, предложенный программой Prompt (*Our team is highly qualified specialists*), нарушает грамматические нормы языка перевода, поскольку в контексте речь идет о каждом из специалистов команды. К нарушениям языковых норм относится написание названия компании в кавычках «Econex» (Prompt, DeepL).

При анализе перевода данных отрывков на немецкий язык абсолютно идентичный ре-

зультат наблюдается только в примере 3 у систем МП Prompt и DeepL и во втором предложении примера 4 у систем Яндекс.Переводчик и Prompt. Перевод примера 3 системой Яндекс.Переводчик практически совпадает с двумя другими переводами, но для слова *электробезопасный* она выбрала эквивалент *elektrisch*, что является смысловой ошибкой, поскольку имеет значение «электрический». В остальных случаях обнаруживаются различия на лексическом и синтаксическом уровнях. Яндекс.Переводчик и Prompt в основном перевели данные отрывки дословно или достаточно близко к оригиналу, а у системы DeepL в отдельных случаях отмечаются переводческие преобразования. Так, DeepL в примере 4 произвел синтаксическую трансформацию, поменяв субъект и объект, и фразу *Их профессионализм и компетентность поможет Вам* перевел как *Mit ihrer Professionalität und Kompetenz helfen sie Ihnen* (дословно *Благодаря (при помощи) своему профессионализму и компетенции они помогут Вам*), что на немецком звучит аутентично, так как конструкция «mit + инструмент или какое-то умение» является продуктивной и употребительной в текстах разных жанров. Яндекс.Переводчик и Prompt перевели этот отрывок дословно и допустили при этом грамматическую ошибку, употребив сказуемое в форме единственного числа – *wird*. Эта ошибка связана с тем, что в оригинале сказуемое также стоит в единственном числе несмотря на то, что в функции подлежащего выступают два существительных. Системе DeepL удалось избежать ошибки благодаря синтаксической трансформации.

В примере 2 DeepL, в отличие от перевода на английский язык, выполнил удачную лексическую трансформацию, и выражение *не останавливаться на достигнутом* перевел при помощи фразеологизма *sich auf seinen Lorbeeren nicht ausruhen* (дословно *не почитать на лаврах*), что придало этому отрывку экспрессию и образность. Яндекс.Переводчик и Prompt перевели данное высказывание, используя глагол *aufhören* «прекращать» и тем самым нивелировали эмоциональность, выраженную в оригинале. Кроме того, Яндекс.Переводчик так же, как в переводе на английский язык, добавил наречие *dort*

(англ. *there*), которое отсутствует в оригинале, что обнаруживает возможное влияние английского в качестве языка посредника. Данное добавление можно классифицировать как смысловую неточность, поскольку наречие *dort* в немецком языке является анафорическим и соотносится с информацией, о которой речь шла ранее. В соответствии с переводом Яндекс.Переводчика получается, что «мы не останавливаемся там», а именно «на тенденциях рынка», что не соответствует смыслу оригинала. Яндекс.Переводчик допустил также ошибку в примере 1, приняв тире за связку между подлежащим и сказуемым, а не за маркер приложения. Вследствие этого произошло искажение смысла *Die Schaffung einer neuen russischen Marke ist „Econex“*, что дословно означает «Создание нового российского бренда является „Econex”ом». Вариативность прослеживается на уровне отдельных лексем: *präsentiert* и *steht für*, *hochqualifizierte Spezialisten* и немного высокопарные выражения *hochkarätige Spezialisten*, *realisieren* и *verwirklichen*. Данные эквиваленты синонимичны и не представляют существенных различий в значениях.

Результаты проведенного анализа подтверждают, что современные системы машинного перевода в основном ориентируются на фразу как единицу перевода и справляются с базовой задачей передачи содержания, но требуют значительного улучшения в таких аспектах, как обработка идиоматических выражений, грамматической согласованности, стилистической адекватности и прагматической адаптации.

На втором этапе переводческого анализа нами был рассмотрен перевод вышеуказанного текста, выполненный популярным на сегодняшний день чат-ботом на основе ИИ DeepSeek. Запрос был сформулирован следующим образом: «Translate this Russian text into English» («Переведи данный текст с русского языка на английский»). Никаких дополнительных уточнений и требований к переводу обозначено не было. В результате анализа установлено, что перевод, предложенный чат-ботом DeepSeek является более качественным по сравнению с вышеописанными машинными переводами. Во-первых, текст перевода удобен для восприятия, поскольку чат-ботом были

созданы подзаголовки, предложения переданы с использованием отдельных подпунктов, чего нет в исходном тексте на русском языке:

Оригинал

Основные задачи компании «Эконекс» – создание правильного и комфортного освещения, достижение максимально высоких показателей в сфере экономии электроэнергии, качества света, надежности и долговечности, обеспечение потребителя экологически чистым и электробезопасным продуктом.

Перевод

Our primary goals are:

- Creating **correct and comfortable lighting** solutions.
- Achieving the **highest standards** in energy efficiency, light quality, reliability, and longevity.
- Providing customers with **eco-friendly and electrically safe products**.

Лексические средства с положительной коннотацией были дополнительно выделены чат-ботом полужирным шрифтом. Во-вторых, в переводе отсутствуют грамматические неточности, текст полностью соответствует нормам языка перевода. В-третьих, текст перевода создан максимально аутентичным: подобраны эквиваленты, которые более характерны для речи носителей английского языка, отражены стилистические особенности текста. В таблице 2 представлены примеры удачных переводческих решений DeepSeek, которые не всегда совпадают с проанализированными выше фрагментами переводов в таблице 1, выполненных машинными переводчиками, но наглядно демонстрируют эффективность ИИ-бота.

Текст перевода в ИИ-чате DeepSeek сопровождается комментарием (Note on Translation) относительно языка перевода – «Natural Tone: Adapted formal corporate language into polished, professional English» («Естественный тон: Адаптирован официальный корпоративный стиль в безупречный профессиональный английский»). Данные, представленные в таблице 2, соответствуют комментарию, поскольку созданный текст действительно производит впечатление написанного носителем английского. Приведенные примеры свидетельствуют о сохранении прагматического потенциала текста, о создании более удобной для восприятия структуры текста, что позволяет го-

Таблица 2. Исходные и переведенные с помощью чат-бота DeepSeek фрагменты презентационных гипертекстов (английский язык)

Table 2. Original and translated (using DeepSeek) extracts from presentational hypertexts (English)

№ примера	Исходный текст	Перевод DeepSeek
1	Идея зародилась	The idea emerged
2	с массовым появлением мощных осветительных диодов	coinciding with the mass arrival of high-power LEDs
3	Именно так «от идеи к производству» началась наша история в 2009 году	Thus, our story began in 2009, moving “from concept to production”
4	на протяжении всего времени	Over the years
5	мы следуем тенденциям рынка	we have kept pace with market trends
6	не останавливаемся на достигнутом и предлагаем все новые и новые решения	continually innovating and introducing new solutions
7	обладает высокими показателями энергоэффективности и надежности	boasting high energy efficiency and reliability
8	Основная выпускаемая продукция	Core Products
9	Наша команда – это высококлассные специалисты	We are a team of top-tier specialists
10	Их профессионализм и компетентность поможет Вам реализовать любые технические замыслы!	Their expertise and competence will help you bring any technical vision to life!

ворить об оперировании текстом как единицей перевода, а не отдельными высказываниями в отличие от систем МП.

Для перевода на немецкий язык запрос был сформулирован следующим образом «Übersetze das ins Deutsche» («Переведи текст на немецкий язык»). Как и при переводе на английский, программа хорошо структурировала текст, создав подзаголовки и пункты, и

выполнила в целом адекватный перевод, соответствующий грамматическим нормам немецкого языка. В качестве удачных переводческих решений приведены примеры, представленные в таблице 3.

В большинстве случаев DeepSeek осуществил верный подбор технических терминов: *беспроводная система управления освещением* – *drahtlose Lichtsteuerungssysteme*;

Таблица 3. Исходные и переведенные с помощью чат-бота DeepSeek фрагменты презентационных гипертекстов (немецкий язык)

Table 3. Original and translated (using DeepSeek) extracts from presentational hypertexts (German)

№ примера	Исходный текст	Перевод DeepSeek
1	Основная выпускаемая продукция – беспроводная система управления освещением и светодиодные светильники для уличного, промышленного, офисно-административного и складского назначения	Zu den Hauptprodukten gehören drahtlose Lichtsteuerungssysteme und LED-Leuchten für den Außenbereich, Industrie, Büro- und Verwaltungsgebäude sowie Lagerhallen
2	Продукция Econex – это сочетание надежности и инновационных технологий	Econex-Produkte – eine Kombination aus Zuverlässigkeit und innovativen Technologien
3	На протяжении всего времени, мы следуем тенденциям рынка, не останавливаемся на достигнутом и предлагаем все новые и новые решения	Seit jeher folgen wir den Markttrends, ruhen uns nicht auf Erreichtem aus und bieten ständig neue Lösungen an
4	Карьерные перспективы есть у каждого – большинство сегодняшних руководителей начинали с самых простых позиций	Jeder hat Karrierechancen – die meisten heutigen Führungskräfte haben einst in einfachen Positionen begonnen
5	Каждый день – новые задачи и уникальные проекты	Jeder Tag bringt neue Aufgaben und einzigartige Projekte

светодиодные светильники – *LED-Leuchten* и др. Кроме того, при переводе сохранена маркетинговая эмоциональность (сочетание надежности и инновационных технологий – *Kombination aus Zuverlässigkeit und innovativen Technologien*) и адаптированы устойчивые выражения (не останавливаемся на достигнутом – *ruhen uns nicht auf Erreichtem aus* – хороший аналог немецкой идиомы, дословно «не успокаиваемся на достигнутом»). Применены необходимые переводческие трансформации (карьерные перспективы есть у каждого – *Jeder hat Karrierechancen; bieten ständig neue Lösungen an* – предлагаем все новые и новые решения; каждый день – новые задачи и уникальные проекты – *Jeder Tag bringt neue Aufgaben und einzigartige Projekte*).

Следует отметить, что в большинстве случаев верно переданы названия крупных и хорошо известных компаний: *Северсталь, Газпром, ТехноНиколь, Норильский Никель* – *Severstal, Gazprom, TechnoNikol, Norilsk Nickel*.

Однако выполненный программой перевод не является абсолютно безупречным с лексической и стилистической точек зрения, он требует редактирования. Укажем на некоторые ошибки и неточности, обнаруженные в ходе анализа.

1. Лексические:

1) *осветительное оборудование* – *Beleuchtungsgeräte*: более точный вариант *Beleuchtungstechnik* или *Beleuchtungsanlagen*, так как в оригинале речь идет о промышленном оборудовании, а *Geräte* скорее употребляется в отношении бытовых приборов, а не промышленных систем;

2) *светотехнические испытания* – *lichttechnischen Tests*: более точный перевод *lichttechnische Prüfungen*, он позволяет сохранить терминологический характер исходного сочетания;

3) *ведущие независимые лаборатории* – *führende unabhängige Labors*: более точный вариант *renommierte unabhängige Prüflabore*, поскольку не содержит разговорных элементов;

4) *муниципалитеты* – *Gemeinden*: официальный термин для муниципальных структур *Kommunen*.

2. Синтаксические:

1) *Положительные результаты... привели к принятию решения* – *Positive Ergebnisse... führten zur Entscheidung*: предпочтителен дословный перевод *Aufgrund der positiven Ergebnisse... entschied man sich*, поскольку в немецком языке такая экспликация причинно-следственной связи более частотна.

3. Стилистические:

1) *Мы – команда, и этим все сказано!* – *Wir sind ein Team – und das sagt alles!* Данный перевод буквален, он не аутентичен для немецкого маркетинга. Возможный вариант: *Wir sind ein echtes Team – das ist unser Erfolgsgeheimnis!*

4. Перевод имен собственных:

1) не соблюдается единообразие при переводе одного названия, например, «Эконекс» передается как «*Econex*» и «*Ekonnex*»;

2) аббревиатура в названии лаборатории передана при помощи транслитерации «ВНИСИ им. Вавилова» – «*VNISI nach Wawilow*». Кроме того, сокращение *им. (имени)* переведено неправильно, верный перевод *namens*.

Заключение

Результаты исследования машинного и ИИ-переводов презентационных текстов в коммуникативно-прагматическом аспекте позволили утверждать, что качество переводных текстов различается в зависимости от конкретной системы и от исходного и переводного языков. Машинные переводчики Яндекс.Переводчик, Promt и DeepL отличаются более низким потенциалом в области распознавания контекста и дискурсивной обусловленности по сравнению с чат-ботом DeepSeek при переводе с русского как на английский, так и на немецкий языки. При переводе на английский язык системами МП зачастую используется буквальный перевод, следствием чего становятся нарушения языковых норм языка перевода, отсутствие единообразия перевода терминов и других лексических единиц, что свидетельствует о работе переводчика с отдельными высказываниями, а не с текстом как единицей анализа и перевода. ИИ-чат DeepSeek при переводе на английский, напротив, анализирует целый текст и выполняет перевод, соответствующий прагматике адресата не только на стилистическом, лексико-семантическом и

синтаксическом, но и на структурном уровнях путем создания подзаголовков, пунктов, выделения эмотивной лексики и др.

Перевод на немецкий язык в большинстве случаев сохраняет техническую точность, маркетинговую привлекательность и естественность немецкого языка. Были отмечены удачные решения при переводе терминологии и адаптации идиоматических выражений. Однако в некоторых случаях использованы кальки с русского, не всегда точен подбор эквивалентов, отмечена стилистическая некорректность. Для создания текста перевода, полностью соответствующего конвенциям немецкого языка, необходимо подбирать более естественные для языка перевода формулировки, особенно в маркетинговых фразах, верифицировать термины по немецким аналогам, избегать прямого копирования русскоязычных конструкций.

Несмотря на то что современные системы, ориентированные на текст как единицу перевода, в целом выполняют качественный перевод презентационных текстов, полученный в результате их работы продукт нуждается в обязательном постредактировании переводчиком-человеком для достижения равнозначного с исходным текстом коммуникативно-прагматического эффекта.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-00223 «Переводоведческое обоснование многоязычия презентационного контента в парадигме ИИ».

The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 25-28-00223) “Translatological substantiation of multilinguality of presentational content in the AI paradigm” (<https://rscf.ru/en/project/25-28-00223/>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкин Д. Ю., Митягина В. А., 2023. Лингвопрагматическая характеристика самопрезентационного дискурса (на материале контента англоязычных корпоративных сайтов) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4. С. 157–168. DOI: https://doi.org/10.29025/2079_6021-2023-4-157-168
- Беляева Л. Н., Камшилова О. Н., 2024. Лексикографические проблемы систем машинного перевода: на пути от буквального до нейронного // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 5. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.1>
- Гилязиева Г. З., Демидкина Д. А., 2024. Лексические проблемы перевода при использовании машинного перевода // Казанская наука. № 4. С. 343–345.
- Клячин В. А., Хижнякова Е. В., 2024. Атрибуция медийных текстов на основе обученной модели естественного языка и лингвистическая оценка качества идентификации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 5. С. 31–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.3>
- Митягина В. А., 2017. Теория перевода. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 250 с.
- Митягина В. А., Новожилова А. А., Наумова А. П., 2024. Потенциал машинного перевода в медиадискурсе музеев: анализ современных браузерных систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 5. С. 87–98. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.7>
- Салимовский В. А., Девяткин Д. А., Каджая Л. А., Мишланов В. А., Чудова Н. В., 2021. Исследование речевых жанров в задачах по искусственному интеллекту (идентификация познавательно-речевых действий, образующих жанровую форму) // Жанры речи. № 3 (31). С. 170–180. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-3-31-170-180>
- Что такое машинный перевод и как он работает? // Smartcat. URL: <https://ru.smartcat.com/blog/cto-takoe-mashinnyj-perevod-i-kak-on-rabotaet/>
- Chopra S., Auli M., Rush A. M., 2016. Abstractive Sentence Summarization with Attentive Recurrent Neural Networks // Proceedings of NAACL-HLT16. P. 93–98. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/N16-1012>
- Jackson S., Beekhuizen B., Zhao Z., 2024. GPT-4-Trinis: Assessing GPT-4's Communicative Competence in the English-Speaking Majority World // AI & Society. Vol. 40. P. 1785–1801. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-024-01945-9>
- Heryanto Ya., Triayudi A., 2023. Evaluating Text Quality of GPT Engine Davinci-003 and GPT Engine Davinci Generation Using BLEU Score // SAGA: Journal of Technology and Information System. Vol. 1, № 4. P. 121–129. DOI: <https://doi.org/10.58905/saga.v1i4.213>

- Kalyan K. S., 2024. A Survey of GPT-3 Family Large Language Models Including ChatGPT and GPT-4 // *Natural Language Processing Journal*. Vol. 6. Art. 100048. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.nlp.2023.100048>
- Sennrich R., Haddow B., Birch A., 2016. Improving Neural Machine Translation Models with Monolingual Data. Edinburgh : School of Informatics University of Edinburgh. 245 p.
- Sorokina S. A., Khamzina A. F., 2022. Voice Assistants in Internet of Things Technologies: Implementation Difficulties // *Научный альманах Центрального Черноземья*. № 3-1. P. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202315503019>
- Stavroula V., 2024. Innovative Approaches in Political Translation: The Role of AI Prompt Engineering in Translation Studies // *Translation Studies: Retrospective and Prospective Views Year*. Vol. 27. P. 198–208. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14750682>
- Vinyals O., Le Q., 2015. A Neural Conversational Model // *ArXiv*. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1506.05869>
- Wu Y., Schuster M., Chen Zh., Le Q. V., 2016. Google's Neural Machine Translation System: Bridging the Gap Between Human and Machine Translation // *ArXiv*. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1609.08144>
- Zahariev V., Shunkevich D., Nikiforov S., Azarov E., 2020. Intelligent Voice Assistant Based on Open Semantic Technology // *Open Semantic Technologies for Intelligent System: 10th International Conference OSTIS 2020 (Minsk, Feb. 19–22, 2020)*. Cham : Springer, P. 121–145. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-60447-9_8
- of English-Language Corporate Websites)]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 4, pp. 157-168. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-4-157-168>
- Belyaeva L.N., Kamshilova O.N., 2024. Leksikograficheskie problemy sistem mashinnogo perevoda: na puti ot bukvalnogo do neyronnogo [Lexicographic Problems of Machine Translation Systems: On the Way from Literal to Neural]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 6-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.1>
- Gilyazieva G.Z., Demidkina D.A., 2024. Leksicheskie problemy perevoda pri ispolzovanii mashinnogo perevoda [Lexical Problems of Machine Translation]. *Kazanskaya nauka*, no. 4, pp. 343-345.
- Klyachin V.A., Khizhnyakova E.V., 2024. Atributsiya mediynykh tekstov na osnove obuchennoy modeli estestvennogo yazyka i lingvisticheskaya otsenka kachestva identifikatsii [Attribution of Media Texts Based on a Trained Natural Language Model and Linguistic Assessment of Identification Quality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 31-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.3>
- Mityagina V.A., 2017. *Teoriya perevoda* [Translation Studies]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 250 p.
- Mityagina V.A., Novozhilova A.A., Naumova A.P., 2024. Potentsial mashinnogo perevoda v mediadiskurse muzeev: analiz sovremennykh brauzernykh system [Potential of Machine Translation in Museum Media Discourse: Analysis of Modern Browser Systems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 87-98. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.7>
- Salimovskiy V.A., Devyatkin D.A., Kadzhaya L.A., Mishlanov V.A., Chudova N.V., 2021. Issledovanie rechevykh zhanrov v zadachakh po iskusstvennomu intellektu (identifikatsiya poznavatelno-rechevykh deystviy, obrazuyushchikh zhanrovuyu formu) [Research of Speech Genres in Artificial Intelligence Applications (Identification of Cognitive Speech Actions Forming a Genre Form)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 3 (31), pp. 170-180. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-3-31-170-180>

ИСТОЧНИКИ

- Компания «Эконекс». URL: <https://econex.ru/company/about/>
- Яндекс.Переводчик. URL: <https://translate.yandex.ru>
- DeepL. URL: <https://www.deepl.com/ru/translator>
- DeepSeek. URL: <https://chat.deepseek.com/>
- Prompt. URL: <https://www.translate.ru/>

REFERENCES

- Ankin D.Yu., Mityagina V.A., 2023. Lingvopragmaticheskaya kharakteristika samoprezentatsionnogo diskursa (na materiale kontenta angloyazychnykh korporativnykh saytov) [Linguistic and Pragmatic Characteristics of Self-Presentational Discourse (Based on the Material of the Content

- Chto takoe mashinnyy perevod i kak on rabotaet? [What Is Machine Translation and How Does It Work?]. *Smartcat*. URL: <https://ru.smartcat.com/blog/chto-takoe-mashinnyj-perevod-i-kak-on-rabotaet/>
- Chopra S., Auli M., Rush A.M., 2016. Abstractive Sentence Summarization with Attentive Recurrent Neural Networks. *Proceedings of NAACL-HLT16*, pp. 93-98. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/N16-1012>
- Jackson S., Beekhuizen B., Zhao Z., 2024. GPT-4-Trinis: Assessing GPT-4's Communicative Competence in the English-Speaking Majority World. *AI & Society*, vol. 40, pp. 1785-1801. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-024-01945-9>
- Heryanto Ya., Triayudi A., 2023. Evaluating Text Quality of GPT Engine Davinci-003 and GPT Engine Davinci Generation Using BLEU Score. *SAGA: Journal of Technology and Information System*, vol. 1, no. 4, pp. 121-129. DOI: <https://doi.org/10.58905/saga.v1i4.213>
- Kalyan K.S., 2024. A survey of GPT-3 Family Large Language Models Including ChatGPT and GPT-4. *Natural Language Processing Journal*, vol. 6, art. 100048. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.nlp.2023.100048>
- Sennrich R., Haddow B., Birch A., 2016. *Improving Neural Machine Translation Models with Monolingual Data*. Edinburgh, School of Informatics University of Edinburgh. 245 p.
- Sorokina S.A., Khamzina A.F., 2022. Voice Assistants in Internet of Things Technologies: Implementation Difficulties. *Nauchnyy almanakh Tsentralnogo Chernozemya*, no. 3-1, pp. 28-32. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202315503019>
- Stavroula V., 2024. Innovative Approaches in Political Translation: The Role of AI Prompt Engineering in Translation Studies. *Translation Studies: Retrospective and Prospective Views Year*, vol. 27, pp. 198-208. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14750682>
- Vinyals O., Le Q., 2015. A Neural Conversational Model. *ArXiv*. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1506.05869>
- Wu Y., Schuster M., Chen Zh., Le Q.V., 2016. Google's Neural Machine Translation System: Bridging the Gap Between Human and Machine Translation. *ArXiv*. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1609.08144>
- Zahariev V., Shunkevich D., Nikiforov S., Azarov E., 2020. Intelligent Voice Assistant Based on Open Semantic Technology. *Open Semantic Technologies for Intelligent System: 10th International Conference OSTIS 2020 (Minsk, Feb. 19-22 2020)*. Cham, Springer, pp. 121-145. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-60447-9_8

SOURCES

- Kompaniya «Ekoneks» [Econex Company]. URL: <https://econex.ru/company/about/>
- Yandex.Perevodchik [Yandex Translate]. URL: <https://translate.yandex.ru>
- DeepL. URL: <https://www.deepl.com/ru/translator>
- DeepSeek. URL: <https://chat.deepseek.com/>
- Prompt. URL: <https://www.translate.ru/>

Information About the Authors

Irina D. Volkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, idvolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-9479>

Anna A. Novozhilova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, novozhilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

Информация об авторах

Ирина Дмитриевна Волкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, idvolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-9479>

Анна Алексеевна Новожилова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, novozhilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.13>

UDC 81'42:002.1

LBC 81.055.51.3

Submitted: 22.01.2025

Accepted: 05.06.2025

ON METHODOLOGY IN DOCUMENT TEXT STUDIES

Marina V. Kosova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article characterizes the document text as an object of linguistic studies by distinguishing its polycoded specificity, dynamism, changeability, extralinguistic predetermination. It generalizes discussions on top issues grouped around a composition-and-discursive organization of some document types, their language unit consistency and categories. It considers the processes of text composing and perceiving in accordance with the communicative situation, social-and-cultural orientation, disparity between the document text and other text types. It determines linguistic methods for the document-text-oriented studies, including descriptive, semantic, functional-and-semantic, discursive, pragmatic, categorical-and-textual analyses, structural comparison, field structure modeling, semantic differential searching, psycholinguistic experiments. The growth of business-oriented communication areas, usage of Internet technologies for information delivery and blurring the normative borders between various types or subsystems of documents, as well as document function modification in modern social environment are stated to have sharpened the study aims and renewed discussions on genre definition of the document or efficient methodology in distinguishing genre reference of some new text samples. In the document-oriented linguistics the complex of discursive and linguistic methods is thought to be efficient in designating genre reference of the document texts as its multipurpose steps and stages allow for defining the text position through its function in the general document-oriented typology, and also verifying specificity of the document text composition, diverse verbal strategies in text organization. The samples of research results at the Volgograd State University are offered in order to prove that a step-by-step introduction of various methods unlocks the way to genre features distinction and genre parameters setting which enables general pragmatic assessment of the document type, the methods of semantic topics identification and group type setting, followed by stylistic analysis, highlight discursive particularity of the document text. The suggested complex methodology opens the way to presenting multispectral scientific assessment of the document genre via the parameters-assisted analysis that widens general knowledge about the document text profile in modern linguistics.

Key words: business-oriented communication, document, document text, document genre, linguistic methods.

Citation. Kosova M.V. On Methodology in Document Text Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 159-171. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.13>

УДК 81'42:002.1

ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 22.01.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

ИЗУЧЕНИЕ ДОКУМЕНТНОГО ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА МЕТОДА

Марина Владимировна Косова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье характеризуются особенности документа как объекта лингвистического исследования – его поликодовость, динамичность, изменчивость и экстралингвистическая обусловленность. Про-

анализированы основные проблемы, связанные с изучением композиционно-речевой организации документов отдельных видов, языковых единиц и категорий, процессов создания и восприятия текста в конкретных условиях деловой коммуникации, с выявлением отличий документного текста от текстов других типов; рассмотрена социокультурная специфика документного текста. Представлены лингвистические методы, которые применяются для решения конкретных задач: описательный метод, методы семантического, функционально-семантического, дискурсивного, прагматического, категориально-текстового анализа, полевого структурирования, сопоставительный, семантического дифференциала, психолингвистического эксперимента. Установлено, что расширение сферы деловой коммуникации, использование Интернета как нового канала передачи информации, стирание границ между документами разных видов и подсистем, изменение роли документа обусловили актуализацию исследовательских задач и возобновление дискуссий, в частности, о трактовках понятия «документ», поиске методов определения жанровой принадлежности новых текстовых объектов. Для научной оценки жанровой принадлежности текста документа целесообразно обращение к совокупности методов, предполагающих описание функции документа, его места в системе документации, особенностей композиционно-содержательной и речевой организации текста. На материале исследований, выполненных в Волгоградском государственном университете, обоснована эффективность методики поэтапного анализа документного текста, которая включает последовательное применение совокупности методов, в частности жанровой параметризации, ориентированной на общую жанровую оценку документа, а также методов систематизации тематических групп, классификации и типологизации специальной лексики с опорой на лингвостилистический анализ, направленных на выделение особенностей речевой организации текста. Показано, что анализ жанра документа на основе предложенной методики позволяет дать ему разноаспектную и целостную научную оценку, расширяет имеющиеся в современной науке представления о документном тексте как объекте лингвистики.

Ключевые слова: деловая коммуникация, документ, документный текст, жанр документа, лингвистические методы.

Цитирование. Косова М. В. Изучение документного текста: проблема метода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 159–171. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.13>

Introduction

Modern linguistics focuses on studying speech activities and the text as the main linguistic object that characterizes communication processes. The enlargement of business-oriented communication areas and strengthening their value in the socially-diverging environments speaks for the necessity to continue discussions on the document text phenomena as a complex object of studying, in particular, the written speech product with its content and grammar unity aimed at implementing social issues by an author and a set of requisites [Gorban et al., 2016, p. 183].

A number of specific features may characterize the document:

- social determination that is urged by communal motives and diversity of business-oriented situations; the text structure and linguistic consistency depend on both language laws (the written speech linear flow development) and extralinguistic formal regulations on unification and standardization;

- semiotic heterogeneousness, or polycoded specifics, as the document text enables information

delivery with sets of various signs – from the verbal ones that are referred to a natural language system to some other types of signs, like artificially-composed algorithm languages, classifiers and codifiers, specialized codes;

- dynamism and changeability that stand against the document text strict standard, collocated forms and language structures that are prescribed to certain social situations and processes.

The features enumerated above realistically vote for the issues on searching an optimal methodological approach to scientific assessment of the document text.

When studying the document text modern researchers refer to various methods and tools from formal descriptions to interpreting its pragmatic motivations and the choice of linguistic means.

The *description method* (or *the method of documentation analysis*) is based on a text classification approach and is used for presenting various document types via examining their formal and language consistency, thus stating their position in the general documental system. Taking it as a

basis, S.P. Kushneruk noticed logical coordination between the document requisites and their language-in-use realizations and determined the paradigm of speech representations in document requisites with various degrees of their co-occurrence [Kushneruk, 2016; 2018]. I.B. Lobanov, when analyzing the instruction text, addressed mainly to its formal features enumeration as a genre description [Lobanov, 2003, p. 19]. Considering formulae and general requisites of the ethical code text, G.A. Sarkisyan pointed to its documental status as being a primarily local document for staff management that is aimed at governing moral atmosphere within the organization [Sarkisyan, 2013, p. 255].

Studying lexical organization in the document text, its discursive interpretation and perception can't go without *semantic analysis* supported by *communicative-and-pragmatic analysis* and *linguistic experiment*.

O.P. Sologub, considering semantic consistency of the document text, offered a new term – *documentonym*, a specialized set of nominations that typically functions in official-and-business speech and shapes its official status by means of special semantic, structural and functional features of nominations. Semantic volition directives of the document, for instance, are supported by structural organization of the text composition in order to add some juridical power to its information. The semantic and pragmatic choice of nominations serves for finding out variability of the functional features that is seen in the official status growth ('*officialization*') or reduction ('*deofficialization*') of the document text [Sologub, 2019, p. 181]. By means of structural, semantic, communicative-and-pragmatic analysis, the researcher established that the semantics of *documentonyms* in many cases is built on metonymic transitions in the meanings of performative verbs, which is explained by specialization in the meanings of the verbs or their non-verbal derivations.

While studying the document via interpretative blending of semantic and communicative-and-pragmatic analysis, A.M. Plotnikova stated that it is the text creator's intention that influences structural and semantic consistency of the document text [Plotnikova, 2016].

The methods of *semantic differential search* and a *psychological experiment* were used by L.O. Butakova [Butakova, 2016] with

the aim to represent the mode of text perception in education area.

There have been a number of studies in which the document text features were represented in the view of genre or text type categorization distinction. For instance, having agreed to the efficiency of the text complex analysis via its language elements and text-building factors, E.Z. Kireeva pointed to some stages of information distribution based on structural and rubric subdivisions [Kireeva, 2020]. A.I. Tkachenko [Tkachenko, 2016, p. 96], using the *functional-and-semantic analysis*, described the peculiar role of the category of modality in textual typology. The author stated that sentences with the infinitive models and specific modal meanings may represent variations in functional-and-semantic consistency and pragmatic intentions thus pointing to differences in the document text types.

The *method of field structuring* is also popular in document-oriented studies, as the text type or genre realizations in real business communication demonstrate variability and diversity. Thus, the basic category of being official may be realized with different sets of language units and structures in the document texts; it is due to the field structuring model with its kernel and near-kernel zones linked to near and far periphery zones that the document text typology may be designed (see: [Sologub, 2016]).

The *descriptive method* may be used for distinguishing and collecting some textual characteristics in the process of text typology. In the work of E.S. Buslaeva [Buslaeva, 2016, p. 71] this method was implemented to define a textual category of being document-related (*documentality*), that is viewed as a basic categorical characteristic of the document text reflected in the signals of subcategories like being standard-related, functional, having informative or structural, stylistic reference to the text type.

In the field of document-related studies the issue of text category distinction is considered vital, which explains the attempts of specialists to offer the document text typology with the *method of categorical-and-textual analysis*. The text category is defined as a basic typological characteristic that may be called a discursive feature, its linguistic realizations can refer a

document to the text type. The reference to the categorical-and-textual analysis helps in building rational document typology. In the work by M.A. Shirinkina the categorical-and-textual analysis enabled stating a set of subcategories associated with the business documentation model used in an 'Executive authorities and communication' situation type, with the verbalized categories of topic, document setting, authorization, addressing, communication tonality (manner) [Shirinkina, 2019].

The methodology of categorical-and-textual analysis is thought to consist of three stages: 1) defining the addresser's communicative intention and textual categories; 2) collecting various language means that are used to represent the basic textual categories and stating their linear distribution in the text body; 3) building the genre model on the basis of text categories linguistic explications.

The pragmatic approach in the document-oriented studies opens the route to better understanding on how the addresser and the addressee's relations are reflected in the functional coordination between language units in business-based communication. The *method of pragmatic analysis* in the work of E.Z. Kireeva was directed at the category of the document text addresser, in particular, the task was to find out how the addresser's intentions and goals were realized with linguistic tools. The analysis was set in five steps: 1) defining the profiles of the partners in document-mediated situations; 2) assessment of partners' relations; 3) defining the motives of a document exchange and intention categorization; 4) general document text analysis and considering choosing language means and patterns of intention implementation; 5) presenting some typology of language means that are used in implementing the addresser's intention as a reflection of a genre or text type [Kireeva, 2016].

The pragmatic analysis may be supported by discursive characteristics of the document-related communication, that is when the text formation is viewed not only as a combination of linguistic constructs and language means that are used for achieving the addresser's goals but as verbal realization of communication circumstances in the general discourse environment. The discursive analysis was used to reconstruct the process of instruction text composing in [Kondrashkina,

Maslova, 2018], when the instruction text was described as a discursive constituent of a communication type with the reference to addresser, addressee, specific theme and topic of written interaction, time and location.

Culturally-oriented specificity of the document text is discovered with the *method of comparative analysis*. Thus, examining official documents published in modern Russian and Polish press, S.S. Vaulina and E.N. Magdalinskaya noticed some socially-cultural specificity in language representation of the necessity modality in a microfield that was structured with central and peripheral consistency. The analysis results demonstrated several common features and specificity in the set of language realizations [Vaulina, Magdalinskaya, 2012].

The comparison of terminological standards from Russian, Ukrainian, Belorussian documentation in [Tyurikova, 2016] resulted in presenting differences in their functionality. The content and language realizations in the material under study were proved to be dependent on both extralinguistic and linguistic factors; their coordination marks a two-way specificity – standard integration and differentiation.

Random overview on the document text studies confirms the relevance of heterogeneous methodology, which unites linguistic and socially-cultural characteristics of the document text; it enables stating the document text typology, defining its content structure specificity, formats and requisites of various document types. The semantic observation leads to a systematic description of the thematic and lexical consistency and its correlation with the type of the document. Owing to pragmatic analysis the document text is being interpreted as a discourse sample that is characterized by sets of specific text categories, discursive and socially-cultural factors.

In modern days, the social significance of business-oriented communication has undergone changes due to the internet technologies, erasing borderlines among various subtypes of the document. Even the social function of the document has changed, it is viewed today as an instrument of regulation and social self-organization [Dvoenoseva, 2019, p. 15]. Due to the pragmatic factor, new documented materials and linguistic material open the way to renovated understanding of the official business

communication, its basic categories and features [Sologub, 2013, p. 268].

These social transformations supported the development of the subject status in linguistics and actualized new research tasks like making a definition of the term *text type*, *document* with the focus on genre and linguistic features, and also looking for the text typology and enlarging knowledge about the methodology of text parameter description. Alteration of the material representation guided terminological reconsideration of the text in a new definition and distinguishing new documented samples and types.

The works of V.F. Yankovaya offer a fresh view on such terms as *the document*, *the e-document*, *information object*; their specificity is described through the basic features of the document: uniqueness and priority of the information consistency, its validity, legal significance, inclusion into the documental corpus, methods of the documental features inclusion [Yankovaya, 2023]. E.S. Belous formulated the extended definition of the term *interactive document*, as a document presented in the digital format, a hypertext, a format for information saving and delivery with its code, a program composed by a person with the aim to keep the information on time and space scales and understand it while decoding logical or associative sequence of verbal and non-verbal units [Belous, 2021, p. 171].

By now a set of basic document types has been described as transformations under the influence of modern business-and-administrative mode, or genre hybridization. N.A. Karaban offered this renovated definition for the instruction as a genre being set at the periphery zone of the official-and-business style. It is characterized by contamination of the futures typical of various discourse: academic style (science-and-technical information about a product, device) and publicist style (with the function of mass audience manipulation), orientation to oral-speech modus (intimateness of converse, informing in the style of friendly recommendations) and advertising (by presenting firms, producers, informing about the advantages, offering further cooperation) [Karaban, 2008, p. 98]. In the work by O.V. Khorokhordina the instruction is defined as a multiplicity genre, that is viewed as a general concept (supergenre) with some basic genre features

like an intention basis and an instructive mode of information delivery but their realizations demonstrate variable representations [Khorokhordina, 2013, p. 7]. The idea about hybrid, diffused character of some modern document consistency is supported in many current publications. The linguists call them polygraphic format, the information form, informing materials with the aim to popularize legal information [Shirinkina, 2019]. The text type reference traditionally is defined by the document form, its format, with attention to the text composition, categorical and style organization.

In conclusion, we would state that new conditions of official-and-business communication affect the discursive diversity of the text types that is described as genre variability and hybridization, which requires considering some complex methodology of study. In the following section, the methodology experience of the linguistic school of Volgograd State University will be presented and analyzed.

Results and discussion

The solution of the task to assess genre reference of the document may be achieved with the multiprofiled methodology based on various methods of the document text description that are referred to at every stage of analysis: at first, the general genre relevance is defined due to its major parameters; secondly, its compositional-and-content consistency, coordination between genre parameters and their textual realization are specified; thirdly, defining the discursive style of the document on the basis of its language and format markers shows coordination between the genre pattern and its linguistic representation. In the following section of the article we will give several samples on the methodological reference developed by the document-oriented studies at Volgograd State University.

The first stage of the multiprofiled analysis is aimed at reconstructing the parameter model of the text type by precise examination of language realizations with the tools of the genre parameterization method.

The scientific ground of the document genre model reconstruction is the genre model that was offered by T.V. Shmeleva, that is viewed as the combination of seven genre characteristics –

communication goal, the profiles of the addresser and addressee, situational predisposition and future expectations, type of dictum consistency and language realizations of the genre [Shmeleva, 1997, p. 93]. On the basis of this modeling procedure the researchers from Volgograd State University designed the genre models of the documentation for examining modern spheres of administrative-and-business communication: education management (the law and regulations, concept and doctrine, strategy of development, initiatives, etc. [Belokoneva, 2011]), academic and research (dissertation theses [Krasnova, 2009]), medicine documentation (medical file of a patient in the hospital [Romashova, 2014]), strategic planning (documentation on strategic planning, doctrine, concept of development, documentation on tactic planning, the program of development, schedule, route planning, technological map, etc. [Bystrova, 2017]), public relations (quality productive policy, public statement, press-release, business letters, etc. [Buslaeva, 2016]).

However, when the researchers made attempts to structure genre models of historical documents they felt the necessity to refine and redefine the parameters of the general model, in particular, they had to change several nominations and added the terms like *subject of communication (addresser, addressee)*, *communicative function*, *the mode of the information transference*, *dominant modality*, *time-and-space localization*. During experimental application of the model certain correlations between the genre parameters, general text categories and documentary characteristics of the text type were noticed. Every parameter and category is stated to be explicated with language units of various degrees of complexity, among them one can notice multiple vectors and directions of coordination (for more details: [Gorban et al., 2020, p. 184]).

The refined model of the genre reflects complex profile of the historical document text, which is viewed as information (factual content), framed with certain format requirements and verbally implemented with language specificity. The discursive analysis helps to reveal the complexity of links between the genre parameters and the variability of their linguistic realizations that is explained by different circumstances of communication and the variety of the document

functions. The links between parameters might be obligatory (strong, as between “addresser – addressee” and “function,” “information” and “function”) and optional (weak, as “addressee – addresser” and “space, location,” “time reference,” “structure”), or direct vs indirect. As for the value of parameters there are three levels of hierarchy in accordance with their role (function) in information delivery (for more details: [Gorban et al., 2016]). The top layer of the hierarchy is taken by *addresser* and *addressee profiles (as the subjects of communication)* and *text function*, at the second layer *information*, *text structure (composition)*, *modality* are placed, the third layer houses such parameters as *space*, *time representation*.

The genre model refinement process preserves the academic intent to introduce a systematic approach to the text typology, but when being applied to historical documents its pragmatic interpretation meets certain inconveniences as in reality some documentary texts might lack some markers of the genre reference (they don't have titles or headlines) or due to the insufficiency of standardization at some ancient time periods the historically-referred documents demonstrate some degrees of textual and language variability and irregularity. Thus, the documents from the “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive Fund (State Archive of Volgograd Region, Russia), dated by 18th – early 19th century, are a good example of the genre variability and irregularity. When a group of researchers from Volgograd State University was set to make a detailed analysis of various documents that were gathered in the archive files, they tried to distinguish and classify several genres of the documents that were in active usage from the 18th to the 19th centuries: army charter (*voyskovaya gramota*), report (*raport*), passport (*pasporta*), prior notice (*promemoria*), notification (*donoshenije*), message (*soobschenije, izvestije*), proposition (*predlozhenije*), etc.

The complex linguistic analysis of the documents from the Archive, that accompanied composing the linguistic corpus of the “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive Fund, resulted in distinguishing general discursive and pragmatic characteristics, formal and compositional structures for every genre type distinguished. It got a detailed description of the

ways how discursive and textual categories were linguistically represented (i.e. the categories of integrity, cohesion and coherence, subject and addresser, location (space), temporality (time reference), modality, tonality).

The discursive, communicative-and-pragmatic analysis was supported by lexical-semantic and stylistic analysis of the language unit consistency, which led to a systematic description of grammatical classes of words (nouns, verbs, adjectives, adverbs, pronouns, conjunctions) as well as lexical classes (nominations of a person, institutions, space objects, time periods and intervals), specialized terminological groups (administrative and documental terms, historic and archaic words, etc.), cases of lexical synonymy. The syntactic and morphemic peculiarities of the written style of the documents were also studied, the morphological forms and their orthographic variations, preposition-and-case patterns that represent the concept of location were described.

The methodology of genre parameterization turned to be important for noticing the variability of the format and content presentation while comparing the documents composed in different time periods [Gorban et al., 2016; Gorban, Kosova, Sheptukhina, 2023]. It helped to distinguish the traits of administrative and business documentation development and to state the moments when the document genres came up firstly, their social and linguistic links were associated with the general development of the Russian Literary Language, its styles and word registers, as well as with the historical text typology and categorical realizations.

The complex methodology of genre parameterization, applied to modern documentary, turned also useful in defining transformation of strict genre features and formation of new genres, i.e. the initiative memo, the letter of recommendation, the instruction. The initiative letter, for example, is viewed as a double-function document – it informs about something new, innovative in a pair with the plan or program of implementation [Kosova, 2023]. Thus, the initiative memo represents a blending nature of modern document that is expanded with the coordination of social (extralinguistic) and linguistic aspect of business-oriented official environment.

Genre variability is discovered in the collection of the recommendation letter as its content depends on the addressee profile and situational parameters:

the linguistic differences are explained by the requirements of the official or unofficial type of the communication circumstances and its direction to a personal or collective addressee status [Kosova, Zaripova, 2021].

The text of instruction (an organizational-and-legal document that regulates various aspects of administrative and business activities) also demonstrates variability and adaptedness in the genre parameters realization. Some of formal and content features can be modified to adjust the circumstances of a real-life situation.

Though the document is characterized by a strict order of the information sectors and the style of language ranks, the dominance is taken by the addressee parameter, which flexibly projects the format, language, modality and tonality of the recommendation genre [Kosova, Sheptukhin, 2024]. The flexibility of the format layout and language consistency speaks about a vital trend in modern document genre system.

The flexibility of genre parameter realization is mirrored in a trend that is called genre blending, or text body heterogeneity; it is characteristic of practice cases, which require switching between the discourse format and language style. In the work by N.A. Romanova such genre realization is called *interstyle switching* [Romanova, 2023, p. 132] and it is exemplified with the clinical recommendation genre (medical discourse). The researcher states that the clinical recommendation, when being addressed to a patient, demonstrates contamination of medical terminology presented in the less official style and the discursive elements of simplified explanations. The same trend is seen in the genre of strategic planning memo; when the text informs about socially vital issues (development program, doctrine) and is addressed to a mass audience there is contamination of administrative and publicist styles [Belokoneva, 2011; Bystrova, 2017].

The texts with indistinctly marked genre features are actively used in social management and public relations (i.e. press release, public statement and memo, booklet, leaflet, etc.); being addressed to a mass audience, they use a wide range of language means and stylistic patterns to raise the unofficial tone.

E.S. Buslaeva presented this phenomenon as a low degree realization of the documentary style [Buslaeva, 2016]. The researcher explains that as far as the document texts are addressed

to mass public, such texts may be joined into one subsystem of intercorporate documents with some common features of the outline typical of official documents but as for the style and communicative tonality they include language units traditionally aimed at image making strategy reflective of press-releases.

It should be underlined in conclusion, that the methodology of genre parameterization works efficiently when the aim is to collect information about universal genre-referring features and evaluate flexibility of their discursive and language realizations. The comparison of the parameter realizations in real-life texts leads to generalizations on formal and compositional outline of the genre, modality together with the social and discursive circumstances and situations when the document is used.

The second stage of the multiprofiled analysis is about studying the language-in-use practice, that is exact examination of logical and semantic links between the language units of various ranks within the borders of the document text that is referred to genre and language-in-use style (see in: [Gorban et al., 2016]).

It is the lexis that stands in the focus of the study, and the analysis is aimed at semantic consistency of the text; its categorization reflects thematic specificity of the text, or its dominant and secondary topic coordination.

The *method of thematic group allocation* in the collection of the texts under study turns useful whether it deals with modern or historical texts; the latest one with the reconstructed thematic groups gives information on the historical aspect, informs about facts and details of the pastime events and mode of life.

A perfect example of the method efficiency is the study of the linguistic corpus of the “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive Fund, dated by the 18th – early 19th century. The semantic analysis enabled systematization of nominations of the documents that were used in the Don Host documentary practice (i.e. *donosheniye* (notification), *order*, *raport* (report), *passport*, *vedomost* (financial sheet), *opis'* (inventory), *spravka* (brief information), *original*, *copy*, *raspiska* (receipt)). The further analysis of words reconstructed some facts from the life of the Don Host, that are nominations of social events (*sobor*, *sbor*, *voyskovoy krug*),

of military ranks and positions (*donsky ataman*, *kazaki*, *general-mayor*, *polkovnik*, *brigadir*, *komendant*, *rekrut*, *sergant*, *izvozchik*), social ranks and titles (*gosudarevy i boyarchye ludy*). Besides, from the military charters one can learn how they used to address officially: *general-major i ordena svyatogo Aleksandra kavaler Ivan Mazimovich Shuvalov*; *rezanskogo polku polkovnik Shark*; *rekrut Vasiliy Mazzurin* [Gorban et al., 2020]. Thus, the thematic grouping of the lexis in the texts serves for reconstruction of facts and details about some period in the history.

Thematic grouping held on the corpus of modern documents resulted in setting groups of terms that are most frequent for a certain genre or text type. For instance, in the text of the law “On Personal Data” the following key words may be derived: *personal'nye dannye*, *sub'ekt personal'nyh dannyh*, *operator*, *obrabotka* (*personal'nyh dannyh*), *principy* (*obrabotki*), *usloviya* (*obrabotki*), etc. Within the thematic group one can notice logical relations “type – subtype”: personal data – *obshhedostupnye personal'nye dannye*, *biometricheskie personal'nye dannye*; acts and activities with personal data – *sbor*, *sistematizatsiya*, *nakoplenie*, *hranenie*, *utochnenie*, *obnovlenie*, *izmenenie*, *ispol'zovanie*, *rasprostranenie*, *peredacha*, *obezlichivanie*, *blokirovanie*, *unichtozhenie*; data processing – *obezlichivanie* (*personal'nyh dannyh*), *konfidental'nost'*, *soglasie* (*sub'ekta personal'nyh dannyh*); “*celoe – chast'*”: *personal'nye dannye* – *familija*, *imja*, *otchestvo*, *god*, *mesjac*, *data i mesto rozhdenija*, *adres*, *semejnoe*, *social'noe*, *imushhestvennoe polozhenie*, *obrazovanie*, *professija*, *dohody*.

Grammatical correspondence of the document text, undoubtedly, asks for considering its part-of-speech consistency. With the method of description the researchers make lists of grammatical classes of words usually with the index of their frequency in the text collection, with methods of semantic analysis they try to distinguish their importance for the content delivery, find out the meanings of modal units, the presence of assessing units.

The work with the vocabulary consistency of a group of texts that are referred to one genre seems to be helpful for various reasons [Kosova,

2016, pp. 12-13]. Special lexis is considered among major parameters of the document genre, which explains the interest to discussion about the methods and procedures of the word consistency analysis. Thus, special vocabulary reconstruction taken as the theme areas in the collection of texts is viewed as a relevant way to characterize the document genre model. Below there will be three statements with the argumentation on the issue of special vocabulary being among leading parameters of the document genre reconstruction.

Statement No. 1. Special lexis analysis enables distinguishing major subject areas that characterize modern genres of the documentation practice.

At the moment the deep analysis of modern documentation system requires moving to renovation in the methods of studies. Today the documentation management supported by modern information and digital technologies is going through the period of development. This new aspect of documentation is focused on the automated practice of document composing, sending, receiving, processing, that definitely looks rather complex, heterogeneous and integrating [Belous, 2011], as it requires unification of the knowledge on legal, economic, technological, organizational and linguistic aspects and their language realizations in the body of one document.

While considering the complexity of this issue, E.S. Belous offered the method of logical-and-conceptual modelling for the spheres of documentation management with the tasks to range the documentation typology and to state basic terminology; the researcher offered the following concepts of the complex documentation consistency: classes of documentation lexis, lexis of jurisprudence, established laws and regulations, economic and communicative thesaurus [Belous, 2021]. The experiments with the documentary complexes demonstrated certain correlation between the frequent representations of the lexis from various conceptual classes and the type of the document.

Statement No. 2. Special lexis typical of the documentary complexes is classified according to semantic class reference and their conceptual function.

The practice of semantic analysis of the documentary text complexes shows great

conceptual variability of the lexis, its nomenclature. Along with the richly exposed terminological clusters the researchers have distinguished varieties of word classes with the specialized conceptual functions – classes of words that nominated places, locations, job positions and titles, etc. (onyms of different kinds); professional words and phrases; the words that are going through the stage of developing terminological meaning (preterms); etc.

The strict logical observation of the text thesaurus consistency demonstrates conceptual hierarchy of the documents that is reflected in the conceptual classification of vocabulary (the concept paradigms), the word *document* is referred to a class of basic terms of the documentary area, whereas the word *blank* should be added to a class of nomens (nomenclature units). Formation of a term may be preceded by distinguishing a preterm (specially limited lexical units that are used as nominations of new notions, i.e. *raboty tekhnicheskogo charactera*); in certain kinds of documental format one can meet jargon terms (terminoids, i.e. *platezhka*) [Kosova, Sheptukhina, 2022, pp. 46-47].

The analysis of thesaurus consistency of the documentary area shows the diversified flexibility of realizations in the document texts of various types and kinds. While being used special lexemes may demonstrate various sides of their meaning actualization, which depends on the text kind and its functions. In certain types of the texts that require unambiguous content the strictness of definitions is needed, so the basic terminological unit is used; however, in other circumstances the variability of lexes is allowed, that means that certain synonymy is possible or the usage of a word with preterminological meaning, the word with the unsettled meaning. Notwithstanding the above, the documentary complexes still show certain correlation between lexis representations and the genre reference.

Statement No. 3. Terminological units when installed during the documentary practice perform a number of functions in the texts of the document genres.

When examining special texts, V.M. Leychik noted three discursive functions of terminological lexis in dependence on the way the terms were introduced into the text and offered

three types of texts: *term-determining texts* (when a term meaning is explained, presented in dictionaries, standards, terminology lists, term explanatory dictionaries, encyclopedias, reference books, student's books, thesauruses, etc.); *term-employing texts* (when a term is used in the documentary practice, i.e. in the documents and papers on scientific, technical, business, economic issues; in specialized terminological standards and lists, etc.); *term-building texts* (when a new term is introduced into discursive practice, i.e. in the scientific articles) [Leychik, 1990, pp. 82-83].

A detailed examination of the document text collections enabled distinguishing two functions of the term usage in *term-determining* and *term-employing*, but in the collections of document texts certain traits of mixed realizations were found [Kosova, Sharipova, 2016]. To the texts with mixed term functions one can refer texts of legislation and law, statements, regulations and other documents that require exact and accurate concept definitions by terms, their rightful interpretation.

The main requirement for such terms is their unambiguous meanings, as the document must state a set of basic terms with their accurate definitions in the glossary that precedes the main body of the document for further usage. It should be noted that synonymy is not welcome in the document text composing practice; however, it definitely is influenced by the genre reference.

At the third stage the document genre study is directed to the text stylistic description and interpretation. The document text is thought to be structured strictly in accordance with the official-and-business communication style. However, in every case the document type may demonstrate variations in realization of some parameters or language presentation. Thus, the organizational-and-administrative documents that are used mainly in the government documentary practice demonstrate much in common, but due to the spheres of activity the administrative documents show great diversity and deflection, which points to general heterogeneity of the genre realization: the documents that are referred to socially oriented practices exhibits features of publicist, scientific or personal converse style. Such multistyle synthetics characterizes the addictiveness of the document text to its functioning.

Conclusion

The document text when being examined as a genre model demonstrate, syncretism of a standard set of features in a pair of various degrees of dynamism, changeability and variability in the form and content outlay which is explained by the extralinguistic predetermination of every case when a genre model is implemented. The complexity of the genre features and their realization modes requires a conforming choice of the research methods, when being joined they make a methodology with several stages and methods of analysis.

The complex methodology for studying various genres and text types of the administrative and business-oriented documentation verified at Volgograd State University enables investigations on typology of various document sets that may be referred to different social fields and even different historical periods. The experienced researchers should know the procedures of various descriptive, semantic, pragmatic and discursive analyses. The results of the study attained would specify views on the document text theory and enlarge methodological apparatus of modern text-oriented linguistics.

REFERENCES

- Belokoneva K.A., 2011. K probleme zhanrovo-stilevoy prinadlezhnosti dokumentnogo teksta [On the Problem of Genre and Style of a Documental Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (14), pp. 148-153.
- Belous E.S., 2011. *Strukturno-semanticheskaya organizatsiya ponyatiyno-terminologicheskogo apparata predmetnoy oblasti upravleniya dokumentatsiei: avtoref. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic Organization of the Conceptual and Terminological Apparatus of the Subject Area of Documentation Management. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd. 21 p.
- Belous E.S., 2021. Interaktivnye dokumenty: yazykovye osobennosti i dokumentnyy status [Interactive Documents: Language Features and Document Status]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 1, pp. 168-180. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.14>

- Buslaeva E.S., 2016. Dokumentnost kak svoystvo teksta (na primere tekstov sfery PR) [Document Nature as a Text Feature (Exemplified by PR Texts)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 70-77.
- Butakova L.O., 2016. Diskursivnoe prostranstvo tekstov, reglamentiruyushchikh obuchenie literature v shkole (na materiale retseptsii uchebnykh program) [Discourse Space of the Texts Regulating the Teaching of Literature at School (Based on the Academic Programs Reception)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 53-62. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.6>
- Bystrova A.S., 2017. Zhanrovye parametry strategii kak dokumenta dolgosrochnogo planirovaniya [Genre Parameters of Strategy as a Document of Long-Term Planning]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 199-206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.20>
- Gorban O.A., Ilyinova E.Yu., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2016. Zhanrovye osobennosti voyskovykh gramot serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikheylovskiy stanichnyy ataman») [Genre Characteristics of Military Charters of the 18th c. (On Materials of the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive Fund)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 18, no. 4 (157), pp. 182-199. DOI: [10.15826/izv2.2016.18.4.074](https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.074)
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2023. Arkhivnye dokumenty Voyska Donskogo i problemy istoricheskogo yazykoznaniiya [Archival Documents of the Donskoy Army and Problems of Historical Linguistics]. *Slovo. Tekst. Istochnik. Metodologiya sovremennogo gumanitarnogo issledovaniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf., 22–23 apr. 2022 g. Vyp. 2, ch. 1* [Word. Text. Source. Methodology of Modern Humanitarian Research. Materials of the International Scientific Conference. April 22–23, 2022. Iss. 2, Part 1]. Moscow, RGU im. A.N. Kosygina, pp. 46-58.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2020. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 464 p.
- Dvoenosova G.A., 2019. *Teoriya dokumenta v paradigme mezhdistitsiplinarnogo znaniya* [Document Theory in the Paradigm of Interdisciplinary Knowledge]. Moscow, RGGU. 447 p.
- Karaban N.A., 2008. Rechevoy zhanr instruksii [Speech Genre of Instructions]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 7, no. 5, pp. 96-98.
- Khorokhordina O.V., 2013. Instruksiya kak tip teksta [Instruction as a Type of Text]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], no. 4, pp. 7-14.
- Kireeva E.Z., 2016. «Sledy» avtora v tekste dokumenta, ili k probleme pragmaticheskogo analiza teksta [“Traces” of the Author in the Document Text, or the Problem of Pragmatic Text Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 44-52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.5>
- Kireeva E.Z., 2020. Faktor adresata v tekste ofitsialnogo dokumenta (na material ukazov gubernatora Tul'skoy oblasti, izdannykh v svyazi s rasprostraneniem Covid-19) [Addressee Factor in Text of the Official Document (Decrees of Governor of Tula Region, Issued in Connection with the Spread of Covid19)]. *Nauchnyy dialog*, no. 8, pp. 108-122. DOI: [10.24224/2227-1295-2020-8-108-122](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-108-122)
- Kondrashkina E.Yu., Maslova A.Yu., 2018. Pragmaticheskiy potentsial instruktivnogo teksta [Pragmalinguistic Potential of Instructive Text]. *Nauchnyy dialog*, no. 7, pp. 81-92. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-81-92>
- Kosova M.V., 2016. Metod dokumentovedcheskogo analiza v lingvisticheskikh issledovaniyakh: soderzhanie i tseli [Documental Analysis Method in Linguistic Research: Content and Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 1, pp. 7-17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1>
- Kosova M.V., 2023. Initsiativa kak vid dokumenta [Initiative as a Type of Document]. *Vestnik BFU im. I. Kanta, Seriya «Filologiya, pedagogika, psikhologiya»* [IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], no. 3, pp. 5-18.
- Kosova M.V., Zaripova O.A., 2021. Zhanrovye raznovidnosti rekomendatelnogo pisma: rol

- faktora adresata [Genre Peculiarities of Reference Letter: The Role of the Factor of Addressee]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6 (159), pp. 109-143.
- Kosova M.V., Sharipova R.R., 2016. Terminirovannost kak osnova klassifikatsii dokumentnykh tekstov [Termination as the Basis for Classification of Document Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 245-252. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.26>
- Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2022. Metodologicheskie polozheniya lingvisticheskoy kontseptsii professora S.P. Lopushanskoy: novye sfery primeneniya [Methodological Provisions of the Linguistic Approach of Professor S.P. Lopushanskaya: New Application Spheres]. Dmitrieva E.G., Safonova I.A., eds. *Slovo i tekst v sinkhronii i diakhronii: sb. st. k 95-letiyu so dnya rozhdeniya professora Sofii Petrovny Lopushanskoy* [The Word and the Text in Synchrony and Diachrony: A Collection of Articles Dedicated to the 95th Anniversary of Prof. S.P. Lopushanskaya]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 26-48.
- Kosova M. V., Sheptukhin M.K., 2024. Adresat kak faktor adaptatsii vida dokumenta [Addressee as a Factor in Document Type Adaptation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 4, pp. 209-220. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.16>
- Krasnova O.N., 2009. Kompozitsionno-rechevaya realizatsiya informativnoy funktsii v nauchnom dokumente [Speech Pattern Realization of the Category of Informativity in Scientific Document]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (9), pp. 77-81.
- Kushneruk S.P., 2016. Lingvisticheskie korrelyaty dokumentnykh rekvizitov kak osnovnoy obyekt dokumentnoy lingvistiki [Linguistic Conformities of the Document Attributes as the Main Research Object of Documentary Linguistics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 28-36.
- Kushneruk S.P., 2018. Tendentsii izmeneniy v standartizovannykh dokumentnykh tekstah [Trends of Changes in Standardized Document Texts]. *Informatsionnye tekhnologii i sistemy v oblasti dokumentovedeniya i arkhivovedeniya. materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Information Technologies and Systems in the Field of Documentation and Archival Science. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference]. Donetsk, Izd-vo Donets. nats. un-ta, pp. 22-25.
- Leychik V.M., 1990. Osobennosti funktsionirovaniya terminov v tekste [Peculiarities of Terms Functioning in a Text]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 3, pp. 80-87.
- Lobanov I.B., 2003. *Printsipy postroeniya instruktiruyushchego teksta v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Principles of Construction of the Instructional Text in Russian Language. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don. 23 p.
- Plotnikova A.M., 2016. Dokumentnyy tekst kak obyekt sudebnoy lingvisticheskoy i avtorovedcheskoy ekspertizy [Document Text as an Object of Judicial Linguistic and Authorship Examination]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (16), pp. 37-43. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.4>
- Romanova N.A., 2023. K voprosu o stilevoy priнадлежности текстов клинических рекомендаций (руководств) [On the Question of the Stylistic Affiliation of the Texts of Clinical Recommendations (Guidelines)]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], no. 2 (299), pp. 132-138. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_2_132
- Romashova O.V., 2014. Zhanrovo-stilevaya spetsifika meditsinskogo dokumenta (na materiale meditsinskoy karty statsionarnogo bolnogo) [Genre-Stylistic Specifics of a Medical Document (On the Material of a Patient's Medical Report)]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no. 5 (48), pp. 127-130.
- Sarkisyan G.A., 2013. Osobennosti formulyara eticheskogo kodeksa [Form Features of a Code of Ethics]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University], iss. 1, pp. 253-259.
- Shirinkina M.A., 2019. Kategorialno-tekstovoy podkhod k opisaniyu pismennogo diskursa ispolnitelnoy vlasti [The Categorical Textual Approach to Describing the Written Discourse of the Executive Power]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], vol. 11, iss. 1, pp. 69-80. DOI: 10.17072/2073-6681-2019-1-69-80

- Shmeleva T.V., 1997. Model rechevogo zhanra [The Model of the Speech Genre]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Saratov, Izd-vo Kolledzh, pp. 88-98.
- Sologub O.P., 2013. Izuchenie ofitsialno-delovoy rechi: proshloe, nastoyashchee budushchee [The Study of Official Business Speech: The Past, the Present and the Future]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. S1, pp. 260-270.
- Sologub O.P., 2016. Ofitsialnost kak organizuyushchee nachalo dokumentnoy kommunikatsii [Officiality as an Organizing Principle of Official Business Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 18-27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.2>
- Sologub O.P., 2019. Dokumentonimy: struktura, semantika, funktsionirovanie [Documentonyms: Structure, Semantics, and Functioning]. *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st Century], no. S1, pp. 181-187.
- Tkachenko A.I., 2016. Konstruktsii s infinitivom kak eksplikatory modalnogo znacheniya neobkhodimosti i dokumentnykh tekstakh [Infinitive Construction as Explicators of Modal Meaning of Necessity in Document Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 96-103.
- Tyurikova N.A., 2016. Osobennosti predstavleniya predmetnoy oblasti «Deloproizvodstvo i arkhivnoe delo» v leksikograficheskikh istochnikakh [Peculiarities of Representing the Office-Work and Archiving Terminology in Lexicographic Sources]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 87-95. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.11>
- Vaulina S.S., Magdalinskaya E.N., 2012. Modalnoe mikropole neobkhodimosti v ofitsialno-delovykh dokumentakh russkogo i polskogo yazykov [The Modal Micropole of Necessity in Official Business Documents of the Russian and Polish Languages]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], iss. 8, pp. 12-17.
- Yankovaya V.F., 2023. Dokument, elektronnyy dokument: k opredeleniyu ponyatiy [Document, Electronic Document: Towards the Definition of Concepts]. *Dokument uporyadochivaet zhizn: sb. materialov Kruglogo stola, Moskva, 26 okt. 2022 g.* [Document Regulates Life. Collection of Materials of the Conference. Moscow, October 26, 2022]. Moscow, RGGU, pp. 140-161.

Information About the Author

Marina V. Kosova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Информация об авторе

Марина Владимировна Косова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;
- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;
- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;
- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;
- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;
- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;
- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;
- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;
- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

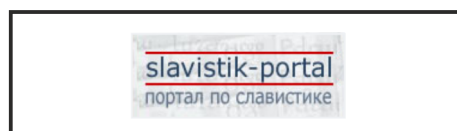
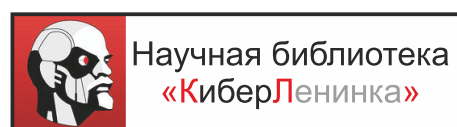
The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

ISSN 1998-9911. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2025. Том 24. № 4. 1–173.